

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

ВЕСТНИК

Института гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

2 (21)
журнал выходит четыре раза в год

НАЛЬЧИК · 2014

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 2 (21), 2014
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков (председатель)*;
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*;
член-корр. РАН *В.В. Наумкин*; д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *С.А. Арутюнов*;
д.и.н. *М.М. Агларов*; д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*;
д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*; д.ф.н. *А.М. Готов*; д.и.н. *К.Ф. Дзамихов*;
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова (отв. секретарь)*; д.и.н. *А.Г. Кажаров*;
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*; д.ф.н. *З.Х. Толгуров*; к.ф.н. *Л.Х. Махиева*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS

BULLETIN

of the Institute for the Humanities Research
of the KBSC of the RAS

2 (21)
the journal comes out four times a year

NALCHIK · 2014

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
OF THE KBSC OF THE RAS**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 2 (21), 2014
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (*chairman*), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
R.M. Munchayev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *S.A. Arutyunov*;
Doctor of History *M.M. Aglarov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *K.F. Dzamikhov*; Candidate of Philology *D.M. Kumykova* (*exec. secretary*);
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Doctor of Philology *Z.H. Tolgurov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research
of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS
Ph.: 8(8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© KBIHR RAS, 2014
Editorial board of the journal
«KBIHR RAS Bulletin» (drafter), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Этноним <i>кас</i> в топонимике Евразии	7
<i>Фоменко В.А.</i> Некрополь Атажукиных в устье реки Гунделен у селения Заюково	21
<i>Якубова И.И.</i> Роль России в истории Кабарды в 60-е гг. XVIII в. (по материалам российских архивных источников)	28
<i>Кешева З.М.</i> Танцевальная культура народов КБР в середине 80 – начале 90-х гг. XX в. в условиях социокультурной модернизации	34

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Бураев Р.А., Паритов А.Ю., Мирзоева Ф.М., Бачиев Р.А., Гонгапиев Р.М.</i> Северный Кавказ на этапе формирования рыночной экономики	44
<i>Базиева Г.Д.</i> Художественный текст: культурологическая интерпретация ...	54
<i>Тазиев Р.Х.</i> Некоторые аспекты развития современной российской семьи ...	61

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>БакІуу Хъ.И.</i> Адыгэбзэр: дыгъуасэ, нобэ, пщэдей	69
<i>Черкесова З.В.</i> Проблема речевого поведения мужчин и женщин в русском языковом сознании	81
<i>Хежева М.Р.</i> Символика числа <i>щы</i> – «три» в кабардино-черкесском языке ...	88

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР

<i>Берберов Б.А.</i> Специфика карачаево-балкарского детского фольклора о выселении	95
<i>Кажарова И.А.</i> Идеал типического человека в аспекте традиции (на материале поэтических произведений Адальби Браева)	99
<i>Гучева А.В.</i> Традиционная культура черкесов (адыгов). Истоки мифопоэтического сознания	108
<i>Хавжокова Л.Б.</i> Мифопоэтика антропонимов и этнонимов в композиции романа-мифа «Каменный век» Х. Бештокова	126
<i>Кульчаева Л.К.</i> Древнетюркский пласт мужских личных имен в карачаево-балкарском языке	132
Сведения об авторах	137

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Ethnonym <i>kass</i> in the toponymy of Euro-Asia	7
<i>Fomenko V.A.</i> Necropolis Atazhukin's in the estuary Gundelen, near the village of Zayukovo	21
<i>Yakubova I.I.</i> The role of Russia in the history of Kabarda in 60 th of XVIII century (on the material of archival sources)	28
<i>Kesheva Z.M.</i> Dance culture peoples KBR in the mid. 80's – early 90-ies. XX century in the social and cultural modernization	34

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Buraev R.A., Paritov A.Y., Mirzoeva F.M., Bachiev R.A., Gongapshev R.M.</i> North Caucasus at stage of market economy formation	44
<i>Bazieva G.D.</i> Artistic text: culturological interpretation	54
<i>Taziev R.H.</i> Some aspects of modern russian family's development	61

LINGUISTICS

<i>Bakov H.I.</i> Adygian language: yesterday, today and tomorrow	69
<i>Cherkesova Z.V.</i> The problem of verbal behavior of men and women in russian language consciousness	81
<i>Hezheva M.R.</i> The symbolism of number «three» in kabardian-circassian language	88

LITERARY CRITICISM. FOLKLORE

<i>Berberov B.A.</i> Specificity of karachay-balkar children's deportation folklore	95
<i>Kazharova I.A.</i> The ideal typical people in the aspect of tradition (on the material of poetry Adalbi Brayev)	99
<i>Gucheva A.V.</i> Traditional culture of circassians (adyghe). Sources of mythoepical consciousness	108
<i>Havzhokova L.B.</i> Myth-poetic basis of personal names and ethnonyms in the composition of the H. Beshtokov's novel-myth «Stone age»	126
<i>Kulchaeva L.K.</i> The layer of ancient turkic male personal names in the karacai-balkarian language	132
The authors of this issue	139

УДК 39:81

Б.Х. Бгажноков

ЭТНОНИМ КАС В ТОПОНИМИКЕ ЕВРАЗИИ

В статье рассматриваются распространенные в Евразии, и особенно на Кавказе, этнонимы и топонимы с элементом *кас/каш*. Особенно важно это для изучения ранней истории кавказских, и в том числе, черкесских племен. Представленные материалы свидетельствуют о преемственности этнических терминов *касситы, каски, каспы, касы, касаги, чаркасы, джаркасы, черкесы*. Зримые очертания приобретает тезис о длительных и тесных контактах древних племен Кавказа с народами Передней Азии.

Ключевые слова: касситы, каски, касоги, черкесы, Страна Каса, Передняя Азия, Каспиана, Кавказ, Крым, этнотопонимика.

I

Давно замечено, что термин *кас/касы* относится к числу древнейших названий адыгов, что подтверждается и данными исторической этнонимии и топонимии.

Так, еще в 1922 г. Н.Я. Марр сопоставил племенное название *кас/кас-р* с «отложившими его в себе» топонимами на Кавказе и в Малой Азии. Среди них наименования стран, населенных пунктов, гор, морей: Каппадокия в Малой Азии, Кабарда на Северном Кавказе и г. Каспи в Грузии, ороним Кавказ (*Kav-kas*), гидроним Каспий (*Kasp*-ское море) и др. Несмотря на определенные сомнения, которые возникают по отдельным положениям данной статьи, общий вывод представляется нам совершенно бесспорным. Н.Я. Марр считает, что имена, содержащие этноним *кас/касп*, объединяют Каспийский бассейн с Понтийским и в целом это может свидетельствовать о соответственно широком некогда расселении в этом пространстве племени или племен под таким названием¹.

Следует отметить, кроме того, что спустя год, поддерживая и продолжая начатые Н.Я. Марром исследования в данной области, И.И. Мещанинов назвал касов (касситов) племенем, «давшем свое имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий)»². Действительно, в первой половине X в. к западу от Алании располагалась Страна Каса. Об этом пишет хазарский царь Иосиф. Отвечая на письмо Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, он сообщает, что на Кавказе существует несколько родственных между собой общностей, «живущих в стране Каса, к западу от алан»³. Сегодня мы уже точно знаем, что речь идет в данном случае об адыгских или касожских, черкесских общностях. Соответственно, страна, которой эти общности дали свое имя, – это *Каса* царя Иосифа, *Касахия* византийского императора Константина Багрянородного, *Касоги* древнерусских летописей, *Черкесия* – историков и бытописателей XIII–XV вв. и последующего времени.

К сожалению, в отечественной науке эти материалы, а также связанные с ними первые краткие выводы и оценки не привлекли должного внимания кавказоведов, не получили дальнейшего развития. Фактически, проблема внутренней связи и взаимного соответствия различных имен и названий с элементом *кас* после этого не ставилась. В монографических исследованиях по истории, исторической этнонимии и топонимии Передней Азии, Индии, Кавказа ее старательно

обходили. До недавнего времени трудно было найти что-либо по этому вопросу и в специальных работах по древней и средневековой истории Кавказа, по северокавказской и черкесской географической и этнонимической номенклатуре⁴.

Выясняется между тем, что под воздействием племенного названия *кас/каш* в Передней Азии, Индии, особенно на Кавказе и в Крыму сложилось невероятно большое число этнонимов, оронимов, гидронимов, множество других имен. Выявление этого материала, объяснение причин, условий, хронологии, становления и применения имен с элементом *кас* необходимо для лучшего понимания истории самих касситов, а также для изучения истории народов, с которыми они были тесно связаны. Особенно важно это для изучения ранней истории кавказских, в том числе и черкесских племен.

На наш взгляд, здесь открывается большое поле для новых исследований, гипотез, открытий. Интригует сам по себе тот факт, что многие названия, в которых скрыт этноним *кас*, возникали и сохранялись в Евразии через сотни лет после господства касситов в Вавилоне (с 1600-го по 1100-е гг. до н.э.). С другой стороны, эти названия обнаруживают далеко от тех мест, где касситы сложились как народ, где громко заявили о себе как о наследниках и продолжателях шумерской цивилизации и культуры. По мнению чешского ученого Б. Грозного, следы элемента *кас* в различных частях Евразии могут служить свидетельством «обширных странствований» и активного взаимодействия касситов с другими народами прежде всего, с народами кавказско-переднеазиатского круга⁵.

В самом общем виде вопросы распространения эламо-касситов на евразийском континенте, их воздействия на политическое и этническое развитие различных стран и народов были поставлены еще в 20–50-х гг. прошлого века. Высказывалась мысль о возможности внутренней связи касситского языка с хаттским и соответственно – с каскским языком, о близости касситов и кашков⁶. А это, как мы понимаем, неизбежно ставит и вопрос о характере взаимодействия касситского языка с иберийско-кавказскими языками, об участии касситов в культурогенезе и этногенезе древних народов Кавказа.

Здесь мы сразу наталкиваемся на целый ряд любопытных фактов. Например, не случайно в лезгинском языке слово *кас* используется в значении «человек», «мужчина», «муж» и одним из главных персонажей лезгинских сказаний и притч является мифический прародитель кавказцев *Касбуба* – «дед Кас»⁷. То же самое можно сказать и об адыгах. Достаточно сказать, что в X в., как выясняется, их называли касами. А корневая морфемфа *кас* лежит в основе почти всех предшествующих и последующих названий адыгов на Северном Кавказе, начиная с античности, заканчивая нынешним временем: *касаг/касқун/касқон/кашак/касог/чаркас/джаркас/черкес*. Элемент *кас* содержится также в имени одного из родоначальников черкесской правящей династии. Различные варианты данного имени приводятся в сочинениях Эвлия Челеби, Яна Потоцкого, Шоры Ногмова и других историков, ср.: Кису, Серакес⁸, Кес⁹, Кес¹⁰. В генеалогических картах черкесских правителей Кеса представляют обычно как прадеда знаменитого князя Инала, правившего Черкесией в конце XIV – начале XV в. К числу фактов, заслуживающих внимания, можно отнести также наличие формантов *s/as* и *ak/uk/ok* в именах касситских эламских и затем мидийских, ахеменидских царей, напоминая в этом отношении аналогичные суффиксальные морфемы черкесских личных имен и фамилий¹¹.

В любом случае следует признать, что у истоков этнонимов *кас/касқон/касаг/касог/чаркас/джаркас/черкес* на Северном Кавказе лежит, с одной стороны, культурно-языковая близость адыго-черкесов с касситами и каспами, а с другой – их родство с *хаттами* и хаттским племенем *касқов/кашқов*.

Много внимания уделял этим вопросам Б. Грозный. Считая язык касситов одним из древних кавказских языков, он усматривал прямую связь между касситами Передней Азии и касогами Кавказа¹². В том же духе высказывались

некоторые другие специалисты по истории Передней Азии и Кавказа – Г.А. Меликишвили, И. Алиев и др. Так, И. Алиев, касаясь данной гипотезы и фактически поддерживая ее, писал: «Кашков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: *касоги*)»¹³. Что же касается рассматриваемых в настоящей статье данных по исторической этнонимике и топонимике Евразии, то они лишний раз подтверждают обоснованность данной точки зрения, существенно дополняют известные материалы языкового родства и культурной близости эламо-каситов, касков, черкесов.

II

Утратив власть в Вавилоне, основная масса касситов отступила на северо-восток, где впоследствии, уже VIII–VII вв. до н.э., вошла в состав Мидии. Как известно, Мидия – государство, состоявшее из разноязычных племен и народов. Общались они между собой на иранском языке. Вместе с тем длительное время функционировали и поддерживались местные языки и культуры, родственные языку и культуре северокавказских племен¹⁴. Среди этих народов касситы занимали, безусловно, очень важное место. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в VII в. в центре Мидии находилась большая колония касситов под названием Кар-Кашши¹⁵. В 550 г. до н.э. Мидия оказалась во власти персидских царей из династии Ахеменидов. Однако и в составе Ахеменидской державы касситы сохраняли свою самостоятельность, а также, по всей вероятности, свой язык, отличный от иранского и, судя по всему, близкий абхазо-адыгским языкам. Заняв юго-западный берег Каспийского моря, «остатки первоначальных касситов» получили название *кассти*¹⁶, которое дали им эламитами. Соответственно местность или страна, населенная каспами, стала известна под названием Каспиана.

Одной из ветвей касситского народа считают и малоазийский хаттский народ касков, обитавший к западу от верховье Евфрата на северо-востоке Анатолии. Так же как и касситов, касков сближают с *касами/касогами* Северного Кавказа¹⁷. Известно, что это был могущественный союз древних племен, сформировавшийся, по-видимому, еще в III тыс. до н.э., в период господства в Анатолии хаттов. Поэтому их близость к касситам нельзя однозначно связывать с продвижением последних в Анатолию с гор Загроса. Возможно, этот процесс шел в обратном направлении, вызванный и движимый активностью касков, постепенно расширявших места своего обитания. По мнению некоторых исследователей (Гр. Капацян), сначала часть касков дошла до Северной Месопотамии и обосновалась там в горах Загроса¹⁸. Затем, усилившись, эта группа воинственных племен – касов или каситов – завоевала в начале XVI в. до н.э. Вавилон и правила там до 1150 г.

Между тем Страна касков сохраняла статус самостоятельного царства несколько столетий после захвата касситского Вавилона эламитами, а также и после падения хеттской державы, с которой каски находилась в постоянной вражде. Поэтому косвенные данные о длительном пребывании касков и их потомков на юго-восточном побережье Черного моря прочно закрепились в топонимике, антропонимике, этнонимике этих мест. Например, на итальянских морских картах XIII–XVII вв. к востоку от Трапезунда отмечен населенный пункт или город *Каса/Каска* (*Quisa/Quixa*)¹⁹. Под названием Каса фигурирует этот город и у Ибн-Сины во второй половине XIII в.²⁰ По всем данным, город с таким названием стоял здесь еще во второй половине II тыс. до н.э. – во времена господства касков в северо-восточной Анатолии. В Стране касков он был известен как населенный пункт Кассий (*Kassia*)²¹. А в античное время (по данным римского писателя Юлия Гонория в IV–V вв.) в этом районе рядом с горой (горами) Армений располагались Кассийские горы – *Cassiuss mons*²².

По мнению Гр. Капацяна, топонимы с элементом *кас/каш* в Армении уходят своими корнями во II тыс. до н.э., когда в Малой Азии возвысилось и

распространилось многочисленное хаттское племя *гаиша* или *кашка*, близкое к касситам²³. В древней Малой Армении «этническое древнее имя *khas* – «касит» отмечено в топонимах области Сюник – *Кашаквартал*, *Кашуниа*, *Каша*»²⁴. Упомянутые в сочинении армянского историка XIII в. С. Орбеляна²⁵, эти названия могут служить дополнительным свидетельством прямых контактов протоармян с отдельными группами касских племен. Этноним *кас* сохранился и в топонимах современной Армении. Например, с касками связывают название села *Кашах* в области Битлиса²⁶.

В самой стране Кашка или Каска, расположенной к западу от древней Армении (Ащи-Хайасы), в некоторых географических названиях элемент *кас/каш* использовался в качестве общей основы: *Kasira*, *Kasula*, *Kasimula Kassu*, *Kassiiia*²⁷. Корневая морфема *кас* содержится, кроме того, в названии хаттского бога *Kashala*, а также в самом этнониме *kaska*, что, по мнению историков, свидетельствует о родстве касков и касситов.

Будучи одним из убежденных сторонников сближения касков с касситами, чешский историк Б. Грозный подчеркивал, что, по всей вероятности, каски, называемые *gashgash* на хеттском языке и *kasqaqa* на ассирийском языке, являются одной из касситских народностей²⁸. При этом язык касситов и касков, по его словам, мог быть одним из древних кавказских языков. И потому корневая морфема *кас* не случайно входит в состав целого ряда топонимов и этнонимов на Кавказе, в Малой Азии, на юге России. В их числе Б. Грозный, так же как Марр и Мещанинов, называет топонимы *Кавказ*, *Каспийское море*.

С позиций кассито-северокавказских культурно-языковых связей рассматриваются, кроме того, и разного рода другие наименования как на Кавказе, так и за его пределами. В список имен с этническим именем *кас* Б. Грозный включает древнее название первой хеттской столицы – *Куссара*, обозначение горной системы – *Гиндукуш* в Афганистане, Пакистане и Индии, современный этноним *казак*, название «кавказского племени касхов или касогов» и др. Отмечается, что, возможно, именно касоги русских летописей X в. были связующим звеном между кашкитами III–II тыс. до н.э. и казаками нашего времени; что вторгшиеся из Вавилона в Египет *кишиты* оказали влияние на египетский язык и культуру; что по своему происхождению каспийским или касситским народом являются *кушаны* в Бактрии и северо-западной Индии; что язык народа *бурушаски* на Гиндукуше находится в родстве как с эламо-касситскими, так и с кавказскими языками²⁹.

Можно продолжить этот список и включить в орбиту касского влияния Фракию на берегах Мраморного моря. Там, по сведениям древних писателей, располагалась область *Кизик*, население которой сохраняло название *кизикейцев*. Отсюда, надо полагать, распространение среди фракийцев имени Киссей. Известен, в частности, фракийский царь Киссей, отец Гекубы, ставшей женой Приама³⁰. При этом, видимо, не случайно язык и обычаи фракийцев обнаруживают ряд общих черт с языком и обычаями кавказцев, прежде всего черкесов³¹.

Конечно, все это требует дополнительной аргументации. Но сам по себе факт широкого распространения касских племен и касской этнотопонимической номенклатуры не подлежит никакому сомнению.

III

Контакты и культурные связи касситов с Кавказом были и длительное время оставались особенно внушительными. Поэтому в этнонимике и топонимике Северного Кавказа, а также тесно с ним связанного Крыма следы элемента *кас* представлены наиболее широко, разнообразно и зримо. И не только в прошлом, Многие топонимы, гидронимы, оронимы и другие названия, повторяющие данное имя или содержащие его в себе в качестве основы, сохраняются и в настоящее время. Например, река Сулак или Койсу в ее верховьях (на территории, занятой даргинцами и лакцами), называлась и называется сейчас древним именем *Кас*³².

Ущелье в долине реки Ардон в Осетии носит название Кассарская – *Къасараг*, *Къасара*. Вероятно (по некоторым данным, еще в XIII–XIV вв., как мы увидим), здесь жили *касы*, *акасы* или *касаги*, что является одним из свидетельств их участия в этно- и культурогенезе осетинского народа. Видимо, прежде всего в этногенезе дигорцев, о чем писали В.Н. Абаев и другие исследователи³³.

Этнический термин *кас/касп* содержит в себе топоним Казбек – название самой большой и заметной после Эльбруса вершины Большого Кавказа. В древности, в сочинениях Эратосфена и вслед за ним Гиппарха и Страбона, эта вершина была отмечена под именем *Каспий*³⁴. Затем, – видимо, лишь в Средние века – топоним Каспий был преобразован в *Казбек* – название, в котором также представлен этноним *кас*³⁵.

Каспийским (то есть связанными с племенем каспиев, с их страной Каспианой и вершиной Каспий) назывался в античный период весь Кавказский хребет. Поэтому нет ничего неожиданного и в том, что в период Средневековья в этом качестве используется иногда этнический топоним *Черкесские горы*. Так же, как и термин *Каф-кас* (Гора касов), он отражает масштабы распространения касских/черкесских племен на северных склонах Кавказского перешейка.

Существует на этот счет обширная и разнообразная литература. Например, в XV в. арабский географ Ибн-Арабшах пишет о том, что на Кавказе два моря – Каспийское (Кользумское) и Черное (Египетское) «почти сталкиваются, не будь промеж них гор Черкесских, составляющих между ними грань непроходимую»³⁶. Как синоним Кавказских гор фигурируют Черкесские горы в книге Утемиша-хаджи о Золотой орде. Сообщается, что в первой половине XIV в. правитель Золотой орды Токтаги-хан убил своего младшего брата Тогрула. Вдова Тогрула, византийская принцесса Келин-Байалин, опасаясь, что хан вслед за ее мужем убьет и ее десятилетнего сына Узбека, укрыла его в Черкесских горах, в Черкесском вилайете³⁷. В 1668 г. точно так же использует данный топоним голландец Я.Я. Стрейс: описывая во время пребывания в г. Терки открывающуюся ему панораму Кавказских гор, он говорит: «Утром стало снова светло и ясно, и мы увидели по правую сторону высокие Черкесские горы»³⁸.

Следы элемента *кас* легко угадываются, кроме того, в названиях средневековых святынь Осетии – *касуты дзуар*, а также в названиях, связанных с этими святынями праздников: *касута*, *касута бон*, *касуты сабат*³⁹. Помимо этнического термина *кас*, в основе этих названий лежит древний, по всей видимости, иранский, локативный, «топографический» (топонимический) аффикс *т* (*та*, *ты/да*), ассоциирующийся с понятиями места, местности, земли. На Кавказе с использованием данного аффикса образованы названия рек, морей, городов, этнических групп, стран: *Ахеунт*, *Мзымта*, *Бичвинта*, *Меотида*, *Пицунда*, *Тапанта*, *Кабарда* (*Кабарты*), *Осеты*, *Сванеты*, *Двалети*.

По той же модели построено обозначение адыгов и страны адыгов в хрониках монгольских завоеваний XIII в. Так, в хронике Алтан тобчи (Золотое сказание), составленной в 1620 г. монгольским ламой Лубсан Данзаном, постоянно встречаются сообщения о *чэркисутах/сэркэсутах* и *хасутах/касутах* (*serkesut, qasut*), а также о «землях чэркисутов»⁴⁰. Показательно, что эти земли упоминаются наряду с землями *оросутов* (русских), *асутов* (алан), *башикир*, *кипчаков*, *булгар* и других народов Евразии.

В одном словообразовательном ряду с этими обозначениями находятся некоторые современные названия селений Центрального Кавказа: *Каицети* (*Каицети*) в Верхней Сванетии, *Каицети* (*Каицете*, *Каицети*, *Кайцет*, *Каицет*) в горной Ингушетии⁴¹. Они также содержат этнический термин *кас* и локативный аффикс *т*. Поэтому нельзя исключать, что и в этом случае названия с элементом *кас* сохраняются как свидетельство некогда компактного проживания в этих местах касов или черкесов. Возможно, здесь расположены могильники, могильные

сооружения касов или захоронения, произведенные по касскому (черкесскому) погребальному обряду.

Очевидная связь с касами и с осетинскими святилищами касутами обнаруживается в обозначениях чечено-ингушских и балкарских склепов и могильников, ср. – *кашун*, *малх каш*, *каш*, *кешене*. Наконец, нет сомнений в том, что особое место в списке аналогичных имен занимают абхазо-адыгские названия старинных крепостей и надземных склепов: абх. *акашана*, абаз. *кашана*, каб. *кэщана*. Похоже, что все они состоят из обозначения местного населения – *каш/кас* и достаточно продуктивного в адыгских языках аффикса *н/нэ/на*. Известно, что это распространенный в индоевропейских языках топонимический аффикс. В отдельных случаях он придает образованному с его помощью существительному своеобразный эпический смысл, вызывая ассоциации с какой-либо значительной или сакральной местностью или субстанцией. Например, благодаря этому аффиксу образуется название страны, в которой жили каспы, – *Каспиана*. По этой же модели образуются названия некоторых других известных областей: *Ариана*, *Маргиана*, *Согдиана*, а также названия племен и народов – поляне, древяне, удины, лезгины, грузины. Если мы не ошибаемся, в адыгских языках благодаря элементу *нэ* образованы такие слова, как *унэ* – «дом», *анэ* – «мать», *аранэ* – «недоступная вершина», *гьузгуанэ* – «путь-дорога», «жизненный путь», *нэхунэ* – «отблеск», «светлость», «радость» и др.

Смысловой перевод адыгского *кэщанэ* сводится, таким образом, к понятиям типа: «касское наследие», «касский след» и т.п. Но возможно и другое толкование – «касское сооружение», «касский дом», с учетом еще и того обстоятельства, что именно так переводится на адыгский язык чеченское обозначение средневековых склепов – *кашун*. Что же касается других, в том числе и тюркских аналогов данного слова, включая и кумано-половецкое *казана*, то это, как видно, заимствование из абхазо-адыгских или иранских языков, а не наоборот, как считалось до сих пор⁴². Можно сослаться в данной связи на персидское слово *kasana* – «дом, украшенный глазурью». Приводимое В.И. Абаевым в качестве первоисточника для северо-кавказских и тюркских названий надгробных сооружений⁴³, оно заставляет вспомнить еще раз о том, что этноним *касы/касситы* восходит к древнеиндийскому языку, в котором *kas* означает «сверкать, сиять», а *kasih* – «солнце, свет, сияние, глянец»⁴⁴.

IV

Мы уже писали о том, что, по данным античных писателей, на Северном Кавказе и в Крыму постоянно встречаются топонимы и соответствующие им племенные названия, включающие в себя различные модификации корневой морфемы *кас*⁴⁵. Например, некоторые исследователи (А.В. Подосинов) связывают *киссов* и *хизоев* античного времени с Киссейскими горами на Северном Кавказе⁴⁶. В то же время В. Томашек локализует племя кизов (кизиков) в современной Кабарде⁴⁷, что заставляет вспомнить о фамилии *Къыз* (Кизовых), распространенной в настоящее время в Малой Кабарде.

Следует особо отметить в данной связи, что античный период изобилует сообщениями о Кизике на Балканах, на Кавказе и в Крыму. Еще в V в. н.э. Геродот сообщал об области *Кизик* в Скифии и о *кизикейцах*, «пышно справляющих праздник в честь матери богов»⁴⁸. Начиная со II в. до н.э. племя кизиков и область Кизик фиксируют в юго-восточном Крыму, в районе между Керчью и Херсонесом, а также на Таманском полуострове – на восточном берегу Азовского моря. Так, Полибий (II в. до н.э.) относит к числу автономных общин юго-восточного Крыма «херсониситов и кизикцев», которые были включены в мирный договор 179 г. до н.э., заключенный Фарнаком I с римскими правителями в Малой Азии⁴⁹.

Известно, кроме того, относящееся ко II в. н.э.⁵⁰ сообщение Арриана о «кизиках» и «местечке Казека» на юго-востоке Крымского полуострова за

Пантикапеем (Керчью) неподалеку от Херсонеса. В V в. н.э. в том же месте Псевдо-Арриан локализуют «деревню Казека»⁵¹.

Аналогичные данные содержат историко-географические труды римских авторов I в. н.э. Г. Плиния Секунда и Помпония Мелы. Первый писал о *кисах*, *кизиках/кизах*, живущих к востоку от Азовского моря за коммериями и скифами, а также об аккисах и агдеях в низовьях Киссийских гор, расположенных в Центральном Предкавказье⁵². Второй в одном ряду с *киммериями*, *ахеями*, *керкетами* упоминает племенное название *киссианты*, также вызывающее ассоциации с *касами*⁵³. При этом в отношении *аккисов* Центрального Кавказа можно определенно сказать, что это касы, или черкесы, так как в сочинениях средневековых авторов Пахимера, Ибн-Саида, Абу-л-Фиды *акасы* и страна *ал-Акасара* вблизи Дарьяльского ущелья прямо отождествляются с черкесами и Черкесией (см. об этом дальше).

Таким образом, в античное время и в период Средневековья, как показывает имеющийся материал, термин *кас* в различных формах и модификациях постоянно использовался не только для названия адыгов Северного Кавказа и Крыма, но также для обозначения страны или местности, в которой этот народ обитает. Суммируя данные об античных и средневековых названиях адыгов с элементом *кас*, можно предположить, что во второй половине I тыс до н.э. на юго-востоке Крымского полуострова и на Северном Кавказе сформировался массив меото-адыгского населения, объединенный похожими или однотипными названиями: *кисы*, *кизы*, *каси*, *аккисы*, *кизики*, *касаки*, *кашаки*, *акасы*, *касконы*. В основе своей это потомки носителей майкопской дольменной, кобанской культур, которые затем, уже в раннем Средневековье, объединились в этнополитическое целое под названиями Каскун, Каса, Касак, ал-Каскан, Касахия, Касогдиана, Касоги, ал-Акасара, Джаркасия, Черкесия.

В VI в. касы заявили о себе как о значительном в рамках Кавказа союзе адыгских этнических групп. В своде грузинских летописей есть сообщение о народе *хаскун* (*каскун*; осет.-аланск.: *каскон*, *кашкон*), живущем между аланами и *авазгами* (абазинами). Отмечается, в частности, что, находясь в зените своей славы, византийский император Юстиниан I (527–565) «вел войну в пограничной к Овсети (Алании. – Ред.) стране, на границах Авазгии, с племенем, называемым хаскун, восставшим против греков»⁸. По мнению А.В. Гадло, это сообщение повествует о событиях, имевших место в 549–550 гг., когда адыги (*каскун*) поддержали абасгов, над которыми учинили жестокую расправу византийцы и картлийцы. В наказание за это по приказу Юстиниана каскуны «подверглись вторжению в их страну лазского войска, возглавляемого одним из живших в Лазике картлийских царевичей»⁵⁵.

К рубежу VIII–IX вв. относятся сообщения святого Епифания, в которых он упоминает наряду с зихами и Зихией народ под названием касогдиан, а также Сугду горную и равнинную⁵⁶. В данном случае касогдиане и сугды – это, несомненно, различные названия адыгских племен Северного Кавказа и Крыма. Сугдами называли адыгов греки, а касогами – русские. В русских летописях X в. касогдиане Епифания всплывают в виде названия *касог*. Сообщается о том, что летом 965 г. Святослав взял штурмом хазарский г. Саркел (Белая Вежа), а затем победил ясов (алан) и касогов и многих из них привел в Киев на поселение⁵⁷. Как коренное население Таманского полуострова предстают касоги и в летописях, повествующих о борьбе за Тмутаракань в 1022 г. русского князя Мстислава и касожского (черкесского) князя Редеди⁵⁸.

V

В период Средневековья следы компактного проживания касов/черкесов отмечены, как сказано выше, в различных, главным образом юго-восточных районах Крымского полуострова. Причем по всем данным они оставлены

предками адыгов, обитавшими здесь еще в период ранней Античности. Иначе говоря, здесь так же как и на Северном Кавказе наблюдается определенная преемственность. Достаточно вспомнить в данной связи сообщения античных и раннесредневековых писателей: Геродота, V в. до н.э., Полибия, II в. до н.э., Плиния Секунда, I в. н.э., Помпония Мела, I в. н.э., Арриана, II в. н.э., Епифания, VII в. н.э. Практически все они «застают» и локализуют предков адыгов – *кизикийцев, кизов, киссов, киссиантов, казеков, касогдиан, сугдов* по обе стороны Керченского пролива – в Юго-Восточном Крыму и на Тамани, в низовьях Кубани и других рек, впадающих в Азовское и Черное море⁵⁹. Это свидетельствует о длительной и прочной связи данного региона с адыгским населением.

Очевидная связь между раннесредневековыми сугдами (касогдианами) в Прикубанье и сугдами (Сугдеей) в Крыму (VIII–IX вв.) лишний раз указывает на подобную преемственность. Большой интерес представляют в этой связи данные археологических раскопок, произведенных недавно И.А. Барановым. Город Судак, согласно этим данным, основан в конце VII – начале VIII вв. *касогдианами* или *сугдами* – адыгскими переселенцами из низовьев Кубани⁶⁰. Выводы И.А. Баранова находят свое подтверждение в письменных источниках, в упомянутых выше сообщениях Епифания, где он говорит о народе *касогдиан*, разделяя местность, занятую этим народом, на Сугду горную и Сугду равнинную. Сугдами, по мнению И.А. Баранова, а также А.В. Гадло и Ф.И. Айбабина, называли низовых прикубанских адыгов (касогдиан) византийцы. Под давлением хазар, считают они, значительная часть сугдов переселилась к «казекийским» черкесам, или касам в Юго-Восточном Крыму и основала там ремесленно-торговое поселение Сугдея⁶¹. Речь идет, видимо, о городе, который фигурирует в сочинении итальянца Гильома де Рубрука (1253 г.) под названием Солдаия. «Это, – пишет он, – город, расположенный в области *Газария* или *Кассария*»⁶².

Такие названия также заслуживают нашего внимания, с одной стороны, как обозначения юго-восточной части Крыма, где еще со времен Античности жили адыгские общины, а с другой – как имена, в которых можно рассмотреть касский (черкесский) след. Нам кажется, что в данном случае сочетание *Газария/Кассария* заставляет и обязывает еще раз вспомнить выдвинутую еще в первой половине XIX в. Ж. Рено и Фр. Боденштедтом концепцию двойственной природы хазар – местной, кабардино-черкесской и пришлой – тюркской⁶³.

В ее основе лежат сообщения, взятые из сочинения «Книга путей царств», написанного Ибн-Хаукалем в середине X в. В этом труде сказано, что язык живущих в Прикаспии так называемых чистых хазар «не похож на язык турецкий, и с ним не сходен ни один из языков известных народов»⁶⁴. Отмечается также, что один из двух классов этого народа, называемый *карахазары*, отличается смуглостью, а другой класс – «белый... видный по красоте и совершенству»⁶⁵.

Отсюда, в частности, мнение Д.И. Иловайского и его последователей на счет того, как была устроена Хазария и каким образом в течение VIII–IX вв. развивались в ней этнополитические процессы: 1) внутри Хазарской державы «турко-хазары» жили главным образом около Каспийского моря и Нижней Волги, 2) собственно хазары, или «хазаро-черкесы» (а также некоторое время черные булгары) занимали Северо-Западный Кавказ и Юго-Восточный Крым, 3) между Вожско-Каспийской и Крымско-Западно-Кавказской Хазарией пролегла зависимая также от «турко-хазар» Алания, выполняя роль связующего звена между двумя областями Хазарии, 4) восстания и выселение из Центрального Кавказа «части кабар» (кабардинцев) постепенно «подрывали крепость Хазарской державы» и усиливали позиции алан, что в конечном итоге стало одной из внутренних причин распада Хазарии и становления независимой Алании и Касахии (Черкесии).

Действительно, после падения Хазарии позиции черкесов на Западном Кавказе и в Крыму укрепились и стали особенно прочными после ослабления (под ударами Владимира Мономаха во второй половине XII в.) половцев в этих районах.

Известно, что в XIII–XIV вв. юго-восточная часть Крыма между Пантикапеем (Керчь) и Херсонесом была населена и некоторое время даже управлялась черкесами⁶⁶. В 1333 г. г. Керчью владел черкесский князь Милен⁶⁷. Во второй половине XVII в.⁶⁸ турецкий путешественник Эвлия Челеби застаёт черкесов и черкесские поселения в Кафе, во множестве других мест Крымского полуострова. П.С. Паллас, побывавший в Крыму в конце XVIII, обращает внимание на широкую лесистую долину реки Кабарты между верхним Бельбеком и Качей. Она называлась Черкесской долиной – Черкес-тюсс⁶⁹. По преданию, пишет он, в этой долине и ее окрестностях располагалась страна, в которой некогда жили черкесы, или кабардинцы, и отсюда ее название. С пребыванием адыгов на полуострове связывает он и развалины крепости Черкес-Керман (Черкесская крепость) и некоторые другие топонимы⁷⁰. О.Б. Бубенок дополняет этот список следующими названиями: с. Черкес на реке Кабарда; с. Черкес-Эли на реке Альма; с. Черкес-Тогай (Черкесский берег) в Феодосийском районе; с. Черкес-Кир в бассейне р. Кара-Эозан; Черкес-Дере – название балки в Гурзуфе; Черкес-Даг (Черкесская гора) – гора в западной стороне Поликастры⁷¹.

Выраженная в различных формах, в том числе и в этнопонимах, информация о компактном проживании черкесов в различных, главным образом, юго-восточных районах Крыма прослеживаются вплоть до начала XIX в.⁷². Известны также случаи переселения сюда отдельных групп адыгского населения. «Случалось иногда, – пишет В.Д. Смирнов, – что некоторые черкесы в трудные для них времена, как, например, при утеснении их калмыками, искали в Крыму себе убежища, переселяясь туда целыми племенами»⁷³.

Но при этом не стоит вслед за Х.А. Поркешяном, А.В. Гадло, Ф.И. Айбабиным связывать освоение Юго-Восточного Крыма черкесами с эпохой Средневековья. Не стоит думать, что именно в этот период под давлением хазар, половцев, татаро-монголов либо по торгово-экономическим или каким-либо другим соображениям началось впервые переселение сюда адыгского населения Прикубанья. В то же время нет оснований считать, что всего этого не было или не могло быть. Более того, аналогичные миграции в этот район по аналогичным причинам происходили, несомненно, и раньше – во времена скифо-сарматской и греческой колонизации Западного Кавказа, в период нашествия алан, готов, гуннов, болгар, печенегов. Но во всех этих случаях имела место внутренняя миграция – переселение адыгов в область, которая была заселена и освоена ими с древнейших времен.

По той же причине критически следует отнестись к этногенетическим преданиям, согласно которым адыги (кабардинцы, черкесы), изгнанные (или ушедшие по своему желанию) из Египта (Вавилона, Индии, Кавказской Албании) поселились сначала в Крыму, а затем распространились по всему Северному и Западному Кавказу. По мнению О.Б. Бубенка, данная народная традиция может свидетельствовать лишь о том, «что до того времени в Крыму черкесов было так много, что сами кабардинцы стали верить в то, что Крым являлся одним из первоначальных мест их обитания»⁷⁴.

При этом сами по себе подобные предания заслуживают, безусловно, самого серьезного внимания и тщательного анализа. Определенные шаги в данном направлении уже сделаны. Но этих шагов еще явно недостаточно.

VI

В XIII–XV вв. этноним или хороним *каса/акаса* как обозначение народа, земли или страны северокавказских адыгов все еще встречается иногда в трудах итальянских, византийских, арабо-персидских писателей, но теперь, как правило, попеременно или в одном ряду с ее индоиранской и ирано-тюркской версией – в виде *касак*, *джаркис*, *чаргаз*, *черкес*. К примеру, итальянец Плано Карпини, совершивший путешествие в Монголию в 1245–1247 гг., в числе множества

земель, которые монголы подчинили своей власти, называет *Касы* и *Чиркасы* в одном ряду с *Комуки*, *Аланы*, *Обезы*, *Команы* и др.⁷⁵

Во второй половине XIII в. Ибн-Саид сообщает о стране *ал-Акасара*⁷⁶. По его словам, жители этой страны (акасы) совершают нападения на владельцев стены или крепости в горном проходе горы ал-Кабк (Кавказ). Далее следует описание крепости ал-Алан, из чего следует, что речь идет об Аланских воротах в Дарьяльском ущелье. Таким образом, есть все основания считать, что средневековая страна *ал-Акасара* располагалась в долине современного Кассарского ущелья – осет. *Акъасара*. Что же касается «жителей страны ал-Акасара», совершавших эти нападения, то это, как видно, касы (или северокавказские адыги, кабардинцы), на что указывает также И.Г. Коновалова: «Ал-Акасара – хороним, по всей вероятности, образованный от этнонима «каса»⁷⁷.

Но не следует воспринимать эти сообщения как нападения касов (кабардинцев) на алан (осетин). Напротив, они действовали совместно против врагов на севере и на юге страны, в данном случае на врагов, занявших Аланские ворота. Можно вспомнить в этой связи и сообщения Георгия Пахимера, относящиеся ко второй половине XIII в. Он пишет о *сергах*, *акасах* или *черкесах*, которые являются христианами и продолжают войну с монголо-татарами⁷⁸. Под названиями *акасов* или *сергов* (ср. чеченское название кабардинцев – *черси*) объединяет «черкесов и алан». Видимо, к этому времени положение касов, касконов, (кабардинцев) в Алании усилилось. Вследствие этого термин *акасы* и способный заменить его термин *серги* мог восприниматься сторонними наблюдателями как общий для черкесов и алан. Более того, не исключено, что этнический термин *акасы* возник в результате симбиоза этнонимов *асы* (овсы) и *касы* (джаркасы) с выпадением свистящего «с» в первом из них.

Видимо, уже во второй половине XIII в. некоторые географы воспринимали асов (овсов) и касов (джаркасов) как народы, объединенные в одно этнополитическое целое под названием *Ас-Каски* или *Ас-Касия* (*Ашкисийя*). И отсюда составной этноним *аскаска* или *акасы*. Отсюда также производные от этих имен оронимы *Аскаска* (ал-Идриси), *Аскасийя* (ал-Хоризми, Ибн-Саид, Абульфедя).

На самом деле перед нами обозначения гор Центрального Кавказа, где действительно в течение многих столетий жили совместно *асы* (овсы, аланы) и *касы* (черкесы). В частности, по словам ал-Идриси (XII в.) «гора Аскаска протянулась с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. В этой горе берет начало река, которая распадается на два рукава. Один рукав течет на запад «до города Матриха (Матрега, Темрюк. – Б.Б.) и впадает там между ним и городом Русийя (Керчь. – Б.Б.)...», а второй «течет на юго-восток до земли хазар и впадает за городом Исил в море ал-Хазар (Каспийское море. – Б.Б.)»⁷⁹.

Нетрудно понять из данного описания, что ороним *Аскаска/Аскасия* охватывает цепь Кавказских гор от истоков Кубани на северо-западном склоне Эльбруса до истоков Терека в Дарьяльском ущелье. Соответственно реки, о которых идет речь (Кубань и Терек), действительно могут восприниматься как рукава одного потока, формирующегося в самом центре Кавказских гор. Там, где над ними возвышается Эльбрус и живут два близких по культуре народа, – *асы* и *касы*. Там, где берут начало все основные – великие реки Кавказа и Закавказья. Недаром Н.Я. Марр прозорливо, со свойственной ему способностью придать той или иной важной детали поистине эпический размах, дает свое собственное – следующее определение снежных вершин между Эльбрусом и Казбеком: «*Кавказская, Каская или Каспийская водораздельная территория в цепи гор Главного хребта*» (выделено мной. – Б.Б.)⁸⁰. Она, эта территория, распадается, по его словам, на три части: 1) Центральную, или материковую – на верховьях Терека и Арагвы, со включением верхнего течения Алазани, 2) Понтийскую – в верховьях Кубани и Риона и

3) Каспийскую с озерным перевальным нагорием между бассейнами – на севере Аргуна, на юге Андийского Койсу⁸¹.

В сочинениях Г. Пахимера и Ибн-Саида второй половины XIII в. достаточно отчетливо показано расположение акасов и их страны ал-Акасара в составе Золотой Орды. Это местность вблизи, где-то справа от Дарьяльского ущелья, и, насколько мы понимаем, ее координаты совпадают с долиной Кассарского ущелья. Что, конечно, не случайно, так же как и то, что в современной Осетии осетины называют это ущелье *Къасара*, почти дословно повторяя одно из раннесредневековых, видимо, грузинских, названий адыгов.

Спустя несколько десятилетий после Пахимера и Ибн-Саида другой средневековый писатель – Абульфеда (1321 г.), выделяет справа от страны *ал-Булгар* (Вожская Булгария) государство *ал-Касак*, населенное народом, обитающим между *ал-Анджаз* (Жаннетия. – Б.Б.) и ал-Лан⁸². Сообщается также о стране *ал-Джаркис* в одном ряду со странами *ал-Булгар*, *ар-Рус*, *ал-Фарандж* и др. «Это, – пишет Абульфеда, – многолюдные страны, великие и очень обширные»⁸³.

Выстраивается таким образом, целый ряд однотипных названий одной и той же северокавказской страны – *ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*. Все они содержат в себе этнический термин *кас*.

Как видим, здесь, как и в некоторых других случаях, рассмотренных нами, имеет место сложное переплетение пространственных (топографических) и временных (хронологических) значений этнического термина *кас*. В целом же обилие и разнообразие имен с этими значениями информирует нас о некоторых важных особенностях характера и динамики этнодемографической ситуации на Северном Кавказе. По-видимому, уже в предмонгольский период касское или черкесское население Центрального Кавказа было достаточно заметным, а в отдельных районах – преобладающим, что и нашло отражение в возникших на этой почве обозначениях племен, областей, населенных пунктов, святилищ, склепов, башен, крепостей, праздников.

Все это в конечном итоге свидетельствует о преемственности не только самих топонимов с элементом *кас*, но также и о преемственности этнических терминов *касты/касы/касаги/чаркасы/джаркасы/черкесы*. Зримые очертания приобретает тезис о длительных и тесных контактах древних адыгов с народами Передней Азии, об участии касситов в этногенезе северокавказских и прежде всего адыгских племен.

Примечания

1. *Марр Н.Я.* Каппадокийцы и их двойники // Известия Российской академии истории материальной культуры. СПб., 1922. Т. II. С. 336.
2. *Мецианинов И.* Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов. Л., 1925. Т. I. С. 26.
3. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 101.
4. См., напр.: *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; *Коков Дж.Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983.
5. *Грозный Б.* Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 38–45.
6. *Forrer E.* Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // Journal Asiatique, CCXVII, 1930. P. 230; *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. С. 131–135; *Jaritz K.* Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. 1957. № 5–6. S. 852.
7. Предки северо-восточно-кавказских народов // <http://alpan365.ru>.
8. *Эвлия Челеби.* Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 57, 71–78.
9. *Потоцкий Я.* Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 228.

10. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1959. С. 111.
11. См. об этом: *Бгажноков Б.Х.* Кассито-абхазо-адыгские культурно-языковые параллели // Вестник КБИГИ. 2014. № 1.
12. *Hrozny V.* Ancient history of Western Asia, India, and Crete. New York, 1953. P. 2.
13. *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960. С. 81.
14. *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 230–232.
15. *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 129.
16. *Грозный Б.* Протоиндийские письма и их расшифровка // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 16–17.
17. *Hrozny V.* Ancient history of Western Asia, India, and Crete. New York, 1953. P. 2; *Jaritz K.* Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. 1957. № 5–6. S. 852.
18. *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947. С. 133.
19. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2011. С. 282–346.
20. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 27.
21. *Гиоргадзе Г.Г.* К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий: Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М., 1961. С. 171.
22. *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 114.
23. *Капанцян Гр.* Указ. соч. С. 131.
24. Там же. С. 134–135.
25. *Орбелян С.* История области Сисакан. Тифлис, 1911. С. 617.
26. *Капанцян Гр.* Указ. соч. С. 135.
27. *Гиоргадзе Г.Г.* К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий. С. 199.
28. См. об этом: *Hrozny Ph.D.* Ancient history of Western Asia, India, and Crete. P. 2.
29. Ibid. P. 49–54.
30. *Гомер.* Илиада. VI. 299.
31. *Намиток А.* Происхождение черкесов. Ч. 1 // Архив КБИГИ.
32. *Юшков С.В.* К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 135.
33. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949. Т. 1. С. 105; Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1991. С. 92, 93.
34. *Страбон.* II. I. 39.
35. *Муравьев С.Н.* Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 242.
36. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде. СПб., 1884. Т. 1. С. 459.
37. *Утемыш-хаджи.* Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 52, 102.
38. *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. Рязань, 2006. С. 253.
39. *Белецкий Д.В., Габоева Е.Р.* Хидикусское «касута»: К вопросу о характере религиозных культур в позднесредневековых осетинских святынях // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Вып. 8. 2012.
40. См. напр.: *Лубсан Данзан.* Алтан тобги (Золотое сказание). М., 1973. С. 228, 232, 368.
41. Там же. С. 48–51.
42. *Багов П.М.* От истории слова к истории народа // Актуальные вопросы адыгских языков. Нальчик, 1981. С. 53–56.
43. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.:Л., 1958. Т. I. С. 594.
44. *Konig Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Konigs Dareios I. Leipzig, 1930. S. 62.
45. *Бгажноков Б.Х.* Следы элемента *кас* в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // Древняя и средневековая история адыгов (Материалы международной научно-практической конференции, 22–26 октября 2013 г. в г. Нальчике). Нальчик, 2014.

46. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 356.
47. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. С. 324.
48. Геродот. История. Кн. IV, 1, 76.
49. Полибий. История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1947. № 3. С. 216.
50. Арриан. Объезд Эвксинского моря // АИСК. С. 132.
51. Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского моря // АИСК. С. 181.
52. Плиний Секунд Г. Естественная история. VI. 19, 21 // См.: Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 191, 187.
53. Мела Помпоний. Хорография, 1, 13 // Подосинов А.В., Скржинская М.В. Указ. соч. С. 45.
54. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.
55. Гадло А.В. Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 29.
56. Василевский В.Г. Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 2. С. 226, 275.
57. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 117.
58. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 146–147.
59. Бгажноков Б.Х. Следы элемента кас в античных названиях адыгов на Северном Кавказе.
60. См. об этом: Бубенок О.Б. К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // V Боспорские чтения. Боспор киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 32.
61. Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов н/Д., 1989. С. 47; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 100; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 194.
62. Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957.
63. См. об этом: Брун Ф. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Ч. 11. С. 119; Bodenstedt Fr. Volker des Kaukasus. Frankfurt-am-Main. 1848. S. 238; Иловайский Д.И. Болгаре и Русь на Азовском Поморье // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1875. № 1–2. С. 56, 70, 75, 78, 80; Григорьев В.В. О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. СПб., 1876. С. 74; Dunlop D.M. The history of the jewish khazars. Princeton, 1954. P. 242–243.
64. Ибн Хаукаль. Книга путей царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 113.
65. Там же.
66. Мурзакевич Н.И. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. С. 44.
67. Тунманн И.Э. Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 19–20.
68. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме. Симферополь, 1999.
69. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999. С. 36.
70. Там же. С. 61, 79, 158.
71. Бубенок О.Б. Указ. соч. С. 31.
72. Тунманн И.Э. Указ. соч.
73. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 14.
74. Бубенок О.Б. Указ. соч. С. 31.
75. Карпини П. История монголов // Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957. С. 57.

76. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 28.
77. Коновалова И.Г. Указ. соч. С. 46.
78. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 112.
79. Цит. по: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 55.
80. Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа. Пгд., 1920. С. 16.
81. Там же. С. 16–17.
82. Коновалова И.Г. Указ. соч. С. 119.
83. Там же. С. 84.

V.H. Vgashnikov

ETHNONYM KAS IN THE TOPONYMY OF EURASIA

In the article are examining the widespread in Euro-Asia ethnonyms and toponyms with the element Kas-Kash. It is particularly significant for the study of the early history of the caucasian and circassian tribes. The presented materials witness the succession of the ethnic terms Kassites, Kaskes, Kaspes, kasses, kassagui, tcharkasses, djarkasses, circassians. Visual contours gain the thesis about the prolonged and close contacts between the ancient tribes of Caucasus and the peoples of Asia.

Keywords: Kassites, Kaskes, kassagui, circassians, the Land of the Kasa, Anterior Asia, Kaspiana, Caucas, Crimea, etnotoponymic.

В.А. Фоменко

НЕКРОПОЛЬ АТАЖУКИНЫХ В УСТЬЕ РЕКИ ГУНДЕЛЕН У СЕЛЕНИЯ ЗАЮКОВО*

Фамилия Атажукиных относится к наиболее известным в истории Кабарды XVII – середины XIX в. В окрестностях современного селения Заюково в низовьях реки Гунделен располагалось огромное старинное кладбище – т.н. некрополь Атажукиных XVIII – начала XX в. Этот некрополь знати, состоявший из множества каменных мавзолеев и надгробий, существовал до 1925 г. В непосредственной близости от некогда обширного некрополя Атажукиных у слияния рек Гунделен и Баксан находится большой курганный могильник Кузанако (Кхъузанэкъуэ). Этот памятник старокабардинской культуры можно предварительно датировать XV–XVII вв. Вероятно, некрополь Атажукиных был местной мусульманской святыней и генетически связан с расположенным на том же месте более ранним курганным могильником.

Ключевые слова: Большая Кабарда, долина реки Баксан, Атажукины, XVIII – начало XX в., селение Заюково, склепы, намогильные памятники.

Появление княжеской фамилии Атажукиных относится к XVII в. Известно, что в 1615 г. после гибели Казыя Пшеапшокова его сын Хатакшуко (искаженное – Атажука) становится одним из наиболее влиятельных князей Кабарды. В 30-х гг. XVII в. Большая (Казыева) Кабарда была разделена между тремя братьями – Хатакшуко, Жамботом и Мисостом. В 50–70-х гг. XVII в. Хатакшуко Казыев был старшим князем (уалием) Большой Кабарды¹. На протяжении XVIII и начала XIX столетия известные выдающиеся представители фамилии Атажукиных (Кургоко Хатакшуков, Бамат Кургокин, Хаджи-Темрюко Баматов, Мисост Баматов, Исмаил Атажукин (Исмаил-бей), Асланбек Мисостов (искаженное – Росламбек), Адильгери Атажукин, Хатакшуко Мисостов)².

Княжеский образ жизни представители фамилии Атажукиных сохраняли до второй половины XIX в. В публикации материалов комиссии по разбору личных и поземельных прав горцев Терской области сказано: «...князей, которые бы образом жизни соответствовали прежнему понятию кабардинцев о княжеском достоинстве, в фамилиях Кайтукина, Бекмурзина и Мисостова нет никого, только в фамилии Атажукина есть еще один представитель древнего типа кабардинского князя, измененный, впрочем, влиянием своего времени. Со смертью же и этого представителя останется в Кабарде ничего не значащий княжеский титул...»³. В этом документе шла речь об Атажуко Атажукине (1811–1868) – внуке Хаджи-Темрюко Баматова (Атажукина)⁴.

В XVIII – начале XIX столетия родовые владения Атажукиных находились на берегах Баксана, в Пятигорье и Верхнем Прикубанье⁵. Селения кабардинцев, подвластные Атажукиным, издавна упоминаются в западной части долины р. Баксан⁶. Со времени не позднее середины XIX в. здесь расположилось селение Заюково⁷.

* Публикуется дополненный вариант статьи, подготовленной в 2010 г. (см.: *Фоменко В.А.* Некрополь Атажукиных XVIII – начала XX в. у селения Заюково // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2010. Вып. 3. С. 77–85) и сообщения, прочитанного на Всероссийской научной конференции «Народы Кабардино-Балкарии: проблемы истории и культурной динамики» в г. Нальчике в декабре 2012 г.

По данным путешественников и исследователей XIX – начала XX в., в окрестностях современного селения Заюково в низовьях реки Гунделен располагалось огромное кладбище – т.н. некрополь князей Атажукиных.

Склеповый могильник в низовьях Гунделена близ Заюково обследовался в 1867 г. братьями Нарышкиными. Вся местность от селения Гунделен «вплоть до впадения Гунделена в Баксан была покрыта множеством могил, означенных грудками камней и местами довольно правильной формы памятниками, похожими на круглые или квадратные часовни с окнами ... над которыми хорошо сохранились арабские надписи ...»⁸.

В опубликованном отчете Б.Е. Деген-Ковалевского, проводившего раскопки и разведки в районе современных селений Заюково, и Атажукино при строительстве здесь гидроэлектростанции в 1932–1933 гг., упоминается старинное заброшенное кладбище, расположенное в устье реки Гунделен: «на нем остатки группы каменных склепов, последнее время принадлежавших княжескому кабардинскому роду Атажукиных ... В 1925 г. наземные части склепов были разобраны жителями селения Гунделен в качестве строительного материала, захоронения же, по утверждению местных работников, остались в целости»⁹. Внешний вид могильника зафиксирован фотографиями (рис. 1), в т.ч. в туристическом путеводителе¹⁰.

Известно, что на некрополе у селения Заюково находился мавзолей Бамата и Темрюко Атажукиных. Надпись на памятнике, зафиксированную Нарышкиными, (рис. 4), перевел Л.И. Лавров: «Умерший, погребенный в этом мавзолее Хаджи-Темрук-бек, сын Мухаммед-бека, да простит Бог их обоих! В (году) 1194. Смерть – чаша, и все люди припадают к ней». Дата надписи на памятнике 1194 г. хиджры (1779 г.). Здесь был погребен Темрюко Атажукин и его отец Бамат Кургокин, старший князь Кабарды с конца 30-х гг. и до своей смерти в первой половине 60-х гг. XVIII в.¹¹

Наличие некрополя знати, состоявшего из множества каменных мавзолеев и надгробий в устье реки Гунделен близ Заюково, отмечали и другие исследователи¹². Хотя в ряде публикаций указание в качестве ориентира реки Гунделен приводит к ложному впечатлению о том, что построенные здесь мавзолеи были разрозненными и не составляли единого кладбища¹³. Возможно, что и некоторые другие мавзолеи, располагавшиеся в нижнем течении Гунделена и прилегающей части долины Баксана, территориально были связаны с кладбищем Атажукиных¹⁴. Вполне возможно, что могила и соответственно надгробие¹⁵ известного общественного деятеля Кабарды XVIII в. Жабаги Казаноко находились на кладбище в устье реки Гунделен. Так, в публикации С. Анисимова говорится о памятнике в честь «народного героя Кабарды, законодателя и вождя – Казануко Джабаго», стоявшем около селения Гунделен и позже перенесенном в город Нальчик¹⁶.

Весной 2009 г. мною был осмотрен сохранившийся участок некрополя Атажукиных между селениями Заюково и Гунделен (рис. 6) у современного монумента «Скорбящий горец». Здесь сохранилось несколько старинных каменных надгробий (рис. 9, 10), а также следы существования ранее каменных мавзолеев и наземных склепов. Например, блок основания разрушенного мавзолея (рис. 7). Сохранились также остатки круглого в плане, очевидно, культового сооружения (рис. 8).

В устье Гунделена у селения Заюково в непосредственной близости от некогда обширного некрополя Атажукиных в феврале 2009 г. мною был осмотрен и крупный курганный могильник Кузанако (по-кабардински Кхъузанэкъуэ – могила-сито). Курганы расположены вразброс в широкой части мыса, образованного слиянием рек Гунделен и Баксан (рис. 2). Количество насыпей составляет несколько десятков. Это один из крупнейших курганных могильников на территории КБР. Число насыпей, их форма и характер расположения позволяют предварительно датировать этот некрополь XV–XVII вв. и относить его к старокабардинской

культуре¹⁷. Возможно, что несколько насыпей этого могильника датируется эпохой бронзы (III–II тыс. до н.э.).

Присутствие на этом курганном поле большого количества крупных насыпей высотой до 3–4 м позволяет предполагать наличие ярковыраженной социальной стратификации у местного населения в XV–XVII вв. Возможно, это указывает на происхождение старокабардинской культуры от древностей XIII–XV вв. (типа Белореченского могильника), расположенных в Закубанье¹⁸.

В настоящее время могильник Кузанако интенсивно разрушается кладоискателями и местными жителями. Более 10 насыпей имеют следы недавних траншей грабителей.

Возможно, некрополь Атажукиных, состоявший из каменных мавзолеев и надгробий, являлся местной мусульманской святыней и генетически связан с расположенным на том же месте, более ранним курганном могильником XV–XVII вв.

В окрестностях селения Заюково расположено еще несколько групп адыгских курганов (Иуэцхьэбын) XV–XVII вв. Их осматривали и в незначительной степени исследовали археологи В.И. Долбежев¹⁹, Б.Е. Деген-Ковалевский²⁰, Н.А. Шафиев²¹, В.М. Батчаев²². Весной 2009 г. мною был осмотрен курганный могильник Иуэцхьэбын в нескольких километрах к югу от селения Заюково. Количество насыпей несколько десятков. На окраине могильника находится крупный курган с каменным памятником на вершине. Памятник массивный с плохо читаемой надписью и тамгой²³.

В окрестностях соседнего с Заюково селения Атажукино (в самом селе и на окраине в долине ручья Кардантхале) существует несколько более-менее крупных древних курганов, связанных в исторической памяти местного населения с княжеской фамилией Атажукиных. Так, известен курган Кургоко Атажукина, являющийся наиболее крупным (рис. 3)²⁴. Известны также остатки придорожных памятников некоторых представителей фамилии Атажукиных, в частности хорошо сохранившийся памятник Хаджи-Темрюко Атажукина на берегу ручья Кардантхале у селения Атажукино (рис. 4)²⁵.

Упомянутые и кратко описанные в настоящей работе памятники лишь частично характеризуют сохранившиеся до наших дней историко-археологические объекты восточных адыгов (кабардинцев) XV–XIX вв. в Баксанском районе КБР. Собираение информации необходимо продолжить. Систематическое и планомерное изучение крупного курганного могильника XV–XVII вв. Кузанако позволит более детально и достоверно рассмотреть этапы ранней этнической истории адыгов.

Рис. 1. Вид некрополя Атажукиных между селениями Заюково и Гунделен (фото начала XX в.)

Рис. 2. Участок курганного могильника Кузанако у селения Заюково (фото 2009 г.)

Рис. 3. Курган Кургоко Атажукина у сел. Атажукино (фото 2009 г.)

Рис. 4. Памятник Темрюко Атажукину на берегу ручья Кардантхале у селения Атажукино. Фото 2009 г.

Рис. 5. Надпись на мавзолее Бамата и Темрюко Атажукиных близ устья реки Гунделен (по Л.И. Лаврову)

Рис. 6. Вид части сохранившегося участка некрополя Атажукиных между селениями Заюково и Гунделен (фото 2009 г.)

Рис. 7. Блок основания разрушенного мавзолея некрополя Атажукиных между селениями Заюково и Гунделен (фото 2009 г.)

Рис. 8. Остатки круглого культового сооружения на некрополе Атажукиных между селениями Заюково и Гунделен (фото 2009 г.)

Рис. 9 и 10. Сохранившиеся надгробия на некрополе Атажукиных между селениями Заюково и Гунделен (фото 2009 г.)

Примечания

1. Карданов Ч.Э. Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX в. Нальчик, 2001. С. 167–171.
2. Карданов Ч.Э. Указ. соч. С. 171–249.
3. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3. Отд. 1. Гл. 4. С. 11.
4. Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. С. 263–269.
5. Карданов Ч.Э. Указ. соч. С. 244.
6. Кушков М.С. Портрет Заюково в миниатюре. Нальчик, 2004. С. 15.
7. Кушков М.С. Указ. соч. С. 16.
8. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 77.
9. Деген-Ковалевский Б.Е. Отчет о работах на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Археологические работы академии на новостройках в 1932–1933 гг. М.; Л., 1935. С. 15.
10. Дубянский В.В. На Эльбрус по Баксану. Пятигорск, 1911. С. 19.
11. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1968. Ч. 2.
12. Отчеты Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб., 1891; Лавров Л.И. Об арабских надписях...; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники...; Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1978. Вып. 34. С. 94.
13. См., напр.: Лавров Л.И. Альбом и макеты Д.А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1978. Вып. 34. С. 78.
14. Деген-Ковалевский Б.Е. Указ. соч. С. 14; Лавров Л.И. Альбом и макеты... Рис. 4–д, 5–г, С. 78; Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа... С. 94.
15. Мальбахов Б.Х. Резьба по камню у адыгов. Нальчик, 2007. Рис. 24 (слева); Лавров Л.И. Альбом и макеты... С. 78. Рис. 7 (третий справа).

16. *Анисимов С.* Кавказские Альпы. М.:Л., 1929. С. 89.
17. *Фоменко В.А.* Старокабардинская культура: этапы развития и границы распространения // Народы Северного Кавказа и Россия (к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией): Материалы конференции. Нальчик, 2007. С. 59–67.
18. О раскопках *Н.И. Веселовского* у станицы Белореченской см.: Отчеты Императорской археологической комиссии за 1896, 1897, 1906, 1907 гг. СПб., 1899–1910; *Левашева В.П.* Белореченские курганы // Труды Государственного исторического музея. М., 1953. Вып. 22; *Фоменко В.А.* Белореченские курганы XIII–XV вв.: вопросы социально-политических и этногенетических реконструкций // Социальное развитие России: Материалы научно-практической конференции. Майкоп, 2005. С. 287–292.
19. Отчеты Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг.
20. *Деген-Ковалевский Б.Е.* Указ. соч. С. 12–13.
21. *Шафиев Н.А.* Некоторые итоги археологической экспедиции КБГУ за 1963 г. // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. Вып. 1. С. 102. Рис. 4; С. 97–102. Рис. 1–3; С. 105–106.
22. *Кармов Т.М., Николаев С.В.* Объекты культурного наследия Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 2008. С. 165.
23. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность краеведу Хусену Зрамуковичу Гедгафову, ознакомившему нас с памятниками в селении Атажукино и его окрестностях.
24. Информатор Гедгафов Х.З., житель селения Атажукино (1929 г.р.).
25. *Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.* Крепость Хажикала // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНИЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 208. Рис. 10.

V.A. Fomenko

NECROPOLIS ATAZHUKIN'S IN THE ESTUARY GUNDELEN, NEAR THE VILLAGE OF ZAYUKOVO

The surname Atazhukin is among the most famous in the history of Kabarda in XVII – the middle of XIX century. In the vicinity of the modern village Zayukovo downriver Gundelen has huge old cemetery – the so-called necropolis Atazhukin's (XVIII – begin of XX century). This necropolis nobility, consisting of a variety of stone mausoleums and headstones existed until 1925 year. In the vicinity of the once vast necropolis Atazhukin's at the confluence Gundelen and Baksan has a large burial mounds Kuzanako. This monument old kabarda culture can have pre-date the XV–XVII centuries. Necropolis Atazhukinyh's was probably local Muslim shrine and genetically associated with the located in the same place early burial mounds.

Keywords: Large Kabarda, Baksan Valley, Atazhukin's, XVIII beginning of XX century, Zayukovo village, mausoleums, gravestones monuments.

И.И. Якубова

**РОЛЬ РОССИИ В ИСТОРИИ КАБАРДЫ В 60-е гг. XVIII в.
(по материалам российских архивных источников)**

В статье рассматривается место и роль Центрального Кавказа в международных отношениях в XVIII в. Определяется характер и значение борьбы между Россией и Турцией за политическое влияние и военное присутствие на Центральном Кавказе. В статье доказывается, что успешному проведению политической линии российского правительства на Центральном Кавказе во многом способствовали ее дальновидные дипломатические акции в отношениях с Турцией.

Ключевые слова: Россия, Турция, Центральный Кавказ, Кабарда, Белградский договор, политика, дипломатия.

Одной из важных проблем в изучении истории российско-северокавказских отношений является проблема присоединения к Российской империи территорий, населенных различными по этническому составу и уровню социально-экономического развития народов Северного Кавказа.

Политическая обстановка в этом регионе во второй половине XVIII в. была достаточно сложной и во многом зависела от ситуации на Центральном Кавказе, где главенствующее положение занимала Кабарда, у которой были наиболее широкие внешние связи с Россией, Крымом и Турцией.

60-е гг. XVIII в. характеризуются дальнейшим обострением «черноморской» проблемы. По Белградскому договору, заключенному между Россией и Турцией в 1739 г., крепость Азов, занятая российскими войсками в ходе войны, подлежала срытию; эта территория объявлялась нейтральной и должна была служить барьером между двумя империями. Шестым пунктом того же договора роль барьера отводилась Большой и Малой Кабарде¹: «быть тем Кабардам вольными, и не быть под владением ни одного, ни другого империя»². То или иное решение судьбы Кабарды неизбежно влекло за собой и изменение в политическом статусе отчасти подвластных ей Северной Осетии и Ингушетии.

Владельцы Большой Кабарды³ разделялись тогда на две враждебные группировки (кашкатавская и баксанская), каждая из которых стремилась подчинить себе другую, навязать свою власть малым и более слабым соседям, в частности, малокабардинцам, осетинам и ингушам. Российское правительство, хотя и считало, что «надлежит всегда возбуждать распри и несогласия между кабардинцами и всячески не допускать», что обе партии «примирились прежде, нежели то потребно будет»,⁴ вместе с тем предпринимало энергичные усилия для укрепления политических позиций своих приверженцев.

В августе 1759 г. малокабардинский владелец Кургока Канчокин обратился к российским пограничным властям с жалобой на притеснения князей Большой Кабарды и с просьбой о помощи при переселении на более удобные места. Он заявил кизлярскому коменданту генерал-майору И.Л.фон Фрауендорфу о своем желании принять православие, после чего просил разрешения «быть представленным ко двору ея императорского величества» в Санкт-Петербурге⁵. Российское правительство сочло сообщение кизлярского коменданта о просьбе Канчокина заслуживающим доверия. Тем более, что еще в 1753 г. Коллегия иностранных дел в указе И.Л.фон Фрауендорфу предлагала послать

в Кабарду под удобным предлогом инженера-геодезиста «для разведывания о местоположении угла между реки Терки и устья реки Курпы, удобное ли оно к обитанию и построению крепости»⁶. Тогда же кизлярский комендант послал в Кабарду инженера, капитан-поручика Деколонга, который составил подробное описание местности по реке Терек. Сам И.Л.фон Фрауендорф в рапорте Коллегии иностранных дел в декабре 1753 г. докладывал, что «промеж рек Черной и Терека имеется способное место для строения крепости»⁷.

Вероятно, эти сведения помогли российскому правительству сориентироваться и считать, что урочище Моздок и Мекень (о которых шла речь в сообщении И.Л.фон Фрауендорфа) «оба принадлежат безспорно к здешним границам»⁸. Хотя, как выяснилось впоследствии, у Кабарды было иное мнение по этому поводу.

9 октября 1762 г. Сенат Российской империи представил российской императрице Екатерине II «Доклад» по поводу поселения в урочище Моздок крестившихся кабардинцев, осетин и ингушей. В нем говорилось, что «осетинский народ, живущий за Малою Кабардой и к кабардинскому народу не принадлежащий, притесняемый владельцами Большой Кабарды» не раз просил «по тесноте своих мест о переселении из их жилищ в ущелье, близ Малой Кабарды». И хотя российское правительство не запретило в то время осетинам «при тех местах селиться», но и не поддержало их, полагая, что «по отдаленности от границ никакой пользы в том (для России. – И.Я.) не приобрелось бы»⁹.

Отдавая себе отчет в том, что прямая поддержка осетин в их конфликтах с кабардинцами может дать повод к нежелательным осложнениям с Крымом и Турцией, Россия после заключения Белградского договора старалась укрепить свое влияние в регионе идеологическими средствами (создание в конце 40-х гг. Осетинской духовной комиссии), активно способствуя распространению христианства среди горских народов. Но для успеха подобного предприятия («дабы происходившая у них проповедь не оставалась втуне»), а также в целях «скорейшего усиления Кизлярского края» российское правительство в удобное для себя время сочло возможным выселить осетин «из их нынешних мест» и поселить их на других, которые бы «причислялись к здешним границам»¹⁰.

Кроме того, Коллегия иностранных дел считала, что основание такого рода поселения из «новокрещенных» горских народов не противоречит «восьмому артикулу настоящего между Всероссийской империей и Портою Оттоманскою (Турцией) трактата», в котором «положено принимающих в российской империи христианский закон турецких подданных назад не возвращать, равно как и российских подданных из турецких областей, принимающих там магометанский закон». Поэтому «турецкому двору и претендовать по справедливости будет не можно, когда сей крещенный владелец (Кургока Канчокин. – И.Я.) с другими таковыми же новокрещенными в здешние границы переведен будет»¹¹.

В упомянутом «Докладе» правительствующего Сената от 9 октября 1762 г. предполагалось построить в урочище Моздок «крепость небольшую», в ней дом для Кургоки Канчокина и церковь. Сюда же должна была переехать Осетинская духовная миссия (или комиссия) во главе с архимандритом и «духовными персонами». В целях успешного развития в «Кизлярском крае» промышленности и торговли («для размножения шелку и мануфактур») в Моздоке разрешалось поселяться «всех христианских наций людям, как-то: грузинцам, армянам и другим, находящимся за границами Российской империи». Коллегия предлагала также разрешить переезжать в Моздок «креститься желающих чеченцев, кумык, ногайцев, поручая их в ведение одного владельца» Канчокина¹².

Часть кабардинских владельцев (как баксанской, так и кашкатавской «партий») подала крымскому хану жалобу, в которой основание крепости Моздок представляла посягательством на свои владельческие и территориальные права. Российское правительство предвидело возможную реакцию Кабарды на строительство селения в урочище Моздок, поэтому «о всех до сего дела

касающихся обстоятельств» сочла нужным поставить в известность российского посла в Константинополе (Стамбуле) А.М.Обрезкова и российского консула в Крыму¹³.

В то же время политическая обстановка в Большой Кабарде продолжала оставаться напряженной. Дело в том, что в числе просьб, представленных Кургокой Канчокиным российскому двору во время его пребывания в Санкт-Петербурге, была просьба вернуть ему бежавших в другую российскую крепость Кизляр и казацкие городки его крепостных. Российское правительство и до депутации Канчокина было встревожено все учащающимися жалобами кабардинских и кумыкских князей на бегство в Кизляр их крепостных. Ведь именно неповиновение крепостных, «угрожающих крещением», послужило поводом для отъезда в 1750 г. в Крым из Кизляра кумыкского владельца Касая Шамурзина¹⁴. Российское правительство предложило тогда оренбургскому генерал-губернатору И.И. Неплюеву рассмотреть вопрос о возможности переселения из Кизляра крестившихся «иноверцев» в Оренбургскую губернию¹⁵.

Что же касается просьбы Кургоки Канчокина, то еще указом Сената Российской империи в 1743 г. было определено «новокрещенным из магометанского закона за восприятие святого крещения из холопства и крестьянства от помещиков иноверных свободными быть вечно», но если «помещики сами пожелают» креститься, тогда их крепостные «им же будут отданы во владение по-прежнему»¹⁶. В соответствии с этим при возвращении Кургоки Канчокина из Санкт-Петербурга ему было обещано, что «которые (его крепостные. – И.Я.) в Кизляре и гребенских (казачьих) городах сыщутся принадлежащие к нему люди, оные все ему отдадутся»¹⁷. В то же время бежавшие от всех других владельцев в Моздок и крестившиеся там крепостные, согласно указам Сената 1743 и 1765 гг. становились российскими подданными и записывались в казачье сословие¹⁸.

В 1764 г. князя Большой Кабарды направили в Санкт-Петербург депутацию, состоящую из владельца Кайтуко Кайсинова и дворянина Шабас-Гирея Куденетова с ходатайством об уничтожении поселения Моздок. В качестве основного довода они указывали, что «рабов у нас не осталось, все бегут, а вы их принимаете. И нам без рабов и рабынь не можно, и чрез то прийти в крайнее убожество можем и разорение»¹⁹. Кроме того, кабардинские послы просили, чтобы российское правительство платило им за «убегающих» от них в Россию пленных христиан, и чтобы выезжающие из Кабарды князья и дворяне, принимающие крещение и поселяющиеся в пределах России, отказывались от прав на оставшиеся в Кабарде их имения²⁰.

Однако эти требования не были удовлетворены. В ответе, переданном вице-канцлером Российской империи А.М. Голицыным Кайтуке Кайсинову говорилось, что «урочище Моздок принадлежит к землям Российской империи, потому начатое при оном селение и оставлено быть не может»²¹.

Само собой разумеется, такой ответ российского правительства не устроил кабардинскую депутацию. Они направили крымскому хану делегацию с письмом, в котором просили помощи для нападения на Моздок. В ответном послании кабардинцам крымский хан предложил им не воевать против России, а «перейти к Баксану на Кубань и предатца в нашу (т.е. крымского хана. – И.Я.) протекцию. И в том им от обоих дворов» российского и турецкого «позволяется, поскольку по трактату оставлены они в барьере», и могут быть свободны в выборе подданстве²². Кабардинские князья и дворяне решили последовать совету крымского хана и переселиться на реку Куму, «продолжая от России милости искать, чтоб их ясыри, когда оне ис Кабарды побег учинять будут, до крещения не допускать и обратно же отдавать»²³.

Положение в Кабарде серьезно осложнилось весной и летом 1767 г. когда десять тысяч кабардинских крепостных в ответ на решение кабардинских владельцев

переселиться на Куму, отказались следовать за ними, перешли к реке Череку и, расположившись лагерем против урочища Бештамак, послали представителей к российской пограничной администрации с просьбой о поддержке и подкреплении²⁴. Естественно, что в данных обстоятельствах российские власти постарались использовать критическую для кабардинских феодалов ситуацию. Моздокский комендант полковник В.И. Копытовский в рапорте кизлярскому коменданту предлагал любым способом «тем удалившимся (от своих владельцев) народам подать надежду», чтобы кабардинские князья «возымели притчину придти в раскаяние и успокоение». В ответной инструкции В.И. Копытовскому кизлярский комендант генерал-майор Н.А. Потапов указывал, что рассчитывать на помощь России крестьяне могут лишь в случае принятия христианства и переселения в Моздок, так как российское правительство не имело права «некрещеных их в здешнюю сторону принять и с крещенными на Моздоке селить в нарушении трактата» (Белградского договора 1739 г. – *И.Я.*). По мнению Н.А. Потапова, все это через посланного «нарочного» следовало объяснить крестьянам, но «не подавая ни малюга вида о сущей невозможности, чтоб они (крестьяне) не пришли в отчаяние о здешнем заступлении и чрез то не принесли раскаяния владельцам, и не последовали их воли»²⁵.

Кизлярский комендант генерал-майор Н.А. Потапов предлагал майору кизлярского нерегулярного войска П. Татарову отправиться в Кабарду и «склонять» там восставших к принятию «святого крещения», а если в результате его уговоров кто-либо из крестьян будет «на Моздок приходить, таковых принимать со всею ласковостью, и по крещении поселять здесь (в Моздоке) с дачею награжденных денег, чтоб сим полезным случаем можно было обратить к крещению нечаятельное число народа». По мнению Н.А. Потапова, при таковых обстоятельствах «следует быть в накрепчайшей предосторожности, чтоб под тем видом и на ваше место (т.е. на Моздок) никакого нападения не было»²⁶. После этого кабардинским князьям всякими посулами удалось уговорить крепостных вернуться к своим владельцам.

В условиях начавшейся Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Северному Кавказу отводилось особое место, как важному стратегическому району в политике России, так как через территорию Кабарды, Осетии и Ингушетии проходили дороги к перевалам в Закавказье. Российское правительство в тот момент ясно отдавало себе отчет о соотношении сил и политических позиций различных социальных групп кабардинского общества.

В сентябре 1770 г. командующий российским экспедиционным корпусом на Северном Кавказе генерал И.Ф. де Медем в отчете о своих действиях в Кабарде сообщал, что к кабардинским князьям Касаю Атажукину и Мисосту Баматову был прислан из Оттоманской Порты (Турции) «указ к содействию против здешней (русской) стороны». Кабардинские владельцы отдали этот указ И.Ф. де Медему, «скрыв от подлого народа», за что получили вознаграждение: первый – двести рублей, второй – сто. И.Ф. де Медем посчитал таковые действия князей доказательством верности и преданности России. Однако Коллегия иностранных дел рассудила иначе. По ее мнению, «скрытие призывов Порты от подлого (простого) кабардинского народа» является «новым доказательством преданности Мисоста Кургокина к туркам и крымцам», потому что «одни кабардинские владельцы в намерениях своих удобоколеблемы и к магометанам склонны, а подлый народ ничего больше не боится, как крымского подчинения по происходящим от крымских ханов насильствам»²⁷. И.Ф. де Медем просил также определить «за ревностную службу» жалование кабардинским владельцам Джанхоту и Кургоке Татархановым, которые «много способствовали в преклонении к здешней стороне кабардинцев»²⁸.

В ответе Коллегии иностранных дел И.Ф. де Медему сообщалось, что многие из кабардинских князей уже не раз обращались к российскому правительству с просьбой «об определении им жалования», но, учитывая статьи Белградского

договора, Коллегия отказывалась тогда удовлетворить их просьбы, чтобы «не произошел великий расход, но непрочный». Теперь же, когда в 1770 г. кабардинские владельцы присягнули на подданство России, а начавшаяся война аннулировала Белградское соглашение, окончились, по мнению Коллегии, и причины, которые «употребление на них со здешней стороны некоторого иждивения удерживали»²⁹. Наступил благоприятный момент, считала Коллегия, «к принятию мер, служащих к утверждению кабардинцев в здешнем подданстве», поэтому она сочла предложения И.Ф. де Медема о выплате жалования кабардинским князьям разумными и дальновидными. Однако Коллегия полагала, что поскольку именно теперь настала нужда «приманивать их (кавказских феодалов) и возбуждать ревнование и прислужность», нужно назначить выплату жалования лишь тем из них, которые «опыты верности и усердия окажут с обнадешиванием и впрямь высочайшей ея императорского величества милостью»³⁰.

В условиях военного времени российское правительство предпринимало энергичные усилия для обеспечения безопасности южных границ и территорий по Кубани и Тереку, чем и объясняется целенаправленный характер политики России в Кабарде в указанный период. Если до начала Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. российское правительство, умело используя социальные противоречия между разными группами горского общества, прилагало все усилия для завоевания политического авторитета у кавказских народов, вплоть до освобождения горцев от крепостной зависимости, то с началом войны Россия, проявляя известную гибкость в тактических вопросах, в основу своей политики в регионе ставит задачу прежде всего создать себе опору в лице господствующего класса феодалов.

Таким образом, в 60–70-е гг. XVIII в. центральная часть Северного Кавказа в борьбе России с Турцией (Оттоманской Портой) за выход к Черному морю приобретает серьезное значение как важный объект политических и стратегических интересов России. Заключение Белградского договора 1739 г. Россия в качестве международного гаранта этого договора впервые получила право отклонять претензии Крыма и стоящей за ним Оттоманской Порты к Кабарде, занимавшей важное геополитическое положение на Северном Кавказе. С другой стороны, решение «кабардинского» вопроса предоставляло возможность российскому правительству проводить последовательную политику присоединения других горских народов к России, в частности, Осетии и Ингушетии, для которых союз с Россией был в то время единственно приемлемой альтернативой.

Примечания

1. Разделение Кабарды на Большую и Малую исторически сложилось к XVIII в. Большая Кабарда была разделена между пятью княжескими фамилиями: Атажукиных, Мисостовых, Джамбулатовых, Бекмурзиных и Кайтукиных. Малую Кабарду представляли две княжеские фамилии: Таусултановых и Джелихановых.

2. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 10. № 7900. С. 900–901.

3. Кабардинское общество в рассматриваемое время имело четко организованную феодальную структуру и делилось на военно-земледельческую аристократию – уорки (благородные) и зависимое от них крестьянство – пшитль (неблагородные). Возглавляли иерархическую лестницу пши-уорки (князья), или владельцы, по терминологии российских документов, их вассалами считались уздени (дворяне) первой степени – тлекотлеш и диженуго. Вассалами вассалов были уже уздени второй степени – беслан-уорки и уорки-шауотлехусы. Крестьяне (или холопы в российских документах) делились на несколько характерных для феодального общества разрядов – оги и лагунауты. Ниже их стояли унауты – дворовые крепостные или рабы.

4. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сборник документов. М., 1957. Т. 2. С. 297.

5. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 2. Д. 53. Л. 81. (См. также: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С.201).
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 191.
7. Там же. С. 196–197.
8. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 500. Л. 95.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 218.
10. Там же. С. 219.
11. ЦГА РД. Ф.3 79. Оп. 1. Д. 500. Л. 95.
12. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 219.
13. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 48. С. 630.
14. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 167–168.
15. Там же. Т. 2. С. 168–169.
16. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 500. Л. 76.
17. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 221.
18. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Кизлярские и моздокские дела. Оп. 118. Д. 1. Л. 114.
19. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 269.
20. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1878. Вып. IX. С. 127.
21. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 238.
22. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 603. Л. 72.
23. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 267.
24. Там же. С. 269.
25. *Скитский Б.В.* Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779). Владикавказ, 1930. Приложение № 5. С. 30.
26. Там же. Приложение № 5. С. 30–31.
27. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 2. Л. 3.
28. Там же. Л. 4.
29. Там же. Лл. 3–4.
30. Там же. Л. 6.

I.I. Yakubova

**THE ROLE OF RUSSIA IN THE HISTORY
OF KABARDA IN 60th OF XVIII CENTURY
(on the material of archival sources)**

The article considers the significance and role of the Central Caucasus in the International relations in the XVIII century. The nature and importance of the struggle between Russia and Turkey for political influence and military presence in the Central Caucasus has been defined. Also, it has been proved that the farseeing diplomatic actions of Russia in her relations with Turkey in many ways contributed to the successful politics of the Russian government in the Central Caucasus.

Keywords: Russia, Turkey, the Central Caucasus, Kabarda, the Belgrade Treaty, politics, diplomacy.

З.М. Кешева

**ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ КБР
В СЕРЕДИНЕ 80 – НАЧАЛЕ 90-х гг. XX в.
В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

В статье рассматриваются проблемы трансформации танцевальной культуры народов КБР в период середины 80 – начала 90-х гг. XX в. Основное внимание автор акцентирует на внешних и внутренних факторах, повлиявших на изменения, произошедшие в этой области культуры. Автор аргументирует положение о том, что этническое своеобразие, присущее танцевальной культуре народов КБР, в значительной мере было утрачено.

Ключевые слова: трансформация, танцевальная культура, народы КБР, духовная культура, советское общество, социокультурная панорама, национальные творческие кадры.

Одной из главных тенденций современности и общероссийского, и общемирового масштабов является четкое и ясное осознание роли и значения сферы культуры как доминантной константы прогресса и политического, и экономического, и социального развития общества. Элементарно, что такие злободневные проблемы, как коррупция, алкоголизм, наркомания, экстремизм и терроризм, которые до сих пор рассматриваются в основном как проблемы экономические и политико-нормативные, на самом деле являются своего рода зеркальным отражением имеющихся проблем культурного содержания. Учитывая это, обращение к эмпирическому опыту системной трансформации в культурной сфере поможет раздвинуть и углубить границы наших представлений в ходе разработки и реализации различных культурных программ, ориентированных на перспективу.

Государство и общество определяют стратегию культурной политики в стране, исходя из потенциала своего культурного наследия, а также задач его сохранения и развития, необходимости давать адекватные ответы на вызовы нового века. Ресурсы культуры – это наиболее деятельная часть культурного и природного наследия, которую составляют достижения материальной и духовной (нематериальной) культуры, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства и науки. И в новых исторических условиях речь идет о поиске оптимальных условий и эффективных механизмов взаимодействия экономики, политики и культуры, от которых зависит не только целостность социального организма, но и его способность к выживанию в новых условиях. Центральной проблемой становится выбор приоритетов и определение стратегии культурной политики, способной сохранить специфику отечественной культуры и продуктивно использовать ее огромные ресурсы для поддержки тенденции совершенствования демократических институтов, расширения возможностей гражданского общества.

Насаждение невежества, безнравственности, получившее в коммерческой культуре полный простор, не просто противоречит духовным идеалам и истинной самобытности культуры. Они искажают общественное сознание, разрушают духовность человеческой личности, снижают ее созидательную и творческую роль в обществе, размывают накопленный веками ресурсный потенциал многонациональной культуры народов Российской Федерации. Это не только

противоречит ценности традиционной духовности российской цивилизации, но неминуемо приведет и к деструктивным последствиям для нашей страны, ставит под вопрос возможность ее продуктивного развития в XXI в.

Споры об исторических судьбах и альтернативах развития российской культуры приобретают острый общественно-политический характер, становятся предметом дискуссии между различными политическими группами и в широких кругах общественности. Но, несмотря на различие оценок, общее мнение сходится в одном: необходима новая государственная политика в сфере культуры. Однако для ее формирования следует учесть предыдущий опыт и извлечь из него определенные уроки.

Период реформ, начавшийся в СССР в середине 1980-х гг. в той или иной степени затронул все сферы жизни советского общества. В средствах массовой информации стало возможным обсуждение различных проблем, накопившихся в стране. 1985–1991 гг. стали для СССР поистине революционными. Главе страны М.С. Горбачеву удалось разрушить образ воинственной державы, готовой ради распространения идей социализма на любые действия. С 1987 г. началась «перестройка», реформа политической системы, затем последовали отменена 6-й статьи Конституции, формирование многопартийной системы; были избраны президенты СССР и России. Граждане стали свидетелями и участниками «парада суверенитетов», процесс завершился распадом огромной державы¹.

Одним из коренных и наболевших являлся национальный вопрос. Партикуляризм национальных республик привел к распаду СССР. Внутри самой Российской Федерации также сильно было стремление наций к изменениям в своей политической и культурной жизни, привлечению центра к решению давно назревших проблем. Появилось множество общественных организаций, которые на первых порах не затрагивали этнополитические проблемы, ограничивая сферу деятельности вопросами сохранения родных языков и культурного возрождения наций, к которым раньше применялся эгалитарный подход. В Кабардино-Балкарии подобную работу стали проводить общественные объединения кабардинского народа «Ашэмэз» и балкарского «Ныгъыш».

Благодаря осторожной, взвешенной политике властных структур КБР и конформистски настроенной части общества, республика смогла уйти от конфронтации и, преодолев политический и национальный кризис, продолжила уже в 1993 г. регенеративное движение к демократизации общества.

Бурные процессы, происходившие в политической, экономической, социальной жизни республики не могли не сказаться на развитии культуры народов КБР, в частности, хореографической, развивавшейся в 3 сферах: профессиональной, самодеятельной и народной.

В сфере профессионального искусства в первую очередь следует упомянуть балет. В указанный период репертуар балетной труппы Музыкального театра был разнообразен, но с конца 1980-х гг. на сцене театра не появилось ни одной постановки на национальные темы. Для осуществления новой постановки нужны были значительные денежные средства: на декорации, на костюмы и т.д.

Спектакли стали плохо посещаться. Если в 1970–1980-е гг. Музыкальный театр выручали курортники, то с начала 1990-х гг. люди опасались ехать на Северный Кавказ, находящийся в состоянии перманентной «войны». Близость Чечни явилась деструктивным фактором. Но наличие большого количества отдыхающих не могло решить проблему посещаемости балетных спектаклей. В Кабардино-Балкарии в середине 1980 – начале 1990-х гг. было много известных артистов балета: Р. Хакулова, Х. Амшокова, Р. Молова, С. Захохова, Л. Гукетлова, сестры Г. и Т. Пазовы, Б. Карданов, Х. Архестов, М. Хамурзов и др. Однако многие из них ушли на пенсию, а кадры для национального балета, способные ставить и исполнять сложные масштабные балетные спектакли, отсутствовали.

Специалисты, которых готовило Кабардино-Балкарское культурно-просветительное училище, в основной своей массе предпочитали устраиваться на работу в коллективы национального танца, где существовала перспектива зарубежных поездок. К тому же большое значение имел опыт, который нарабатывался годами. Следует отметить, что предъявляя высокие требования певцу или танцору, нельзя забывать, что их зарплата была ниже уровня прожиточного минимума, а жилищные условия требовали значительного улучшения. Артисты балета и танцовщики профессиональных хореографических коллективов, уходя на пенсию в возрасте 38–39 лет, зачастую с травмами, не имели иной специальности, кроме танцевальной, и не могли найти другую работу. Все вышеуказанные вопросы носили общегосударственный масштаб и до сих пор ждут своего решения.

Проблему развития балета в республике могли решить постановки национальных балетов, но развитие балетного искусства республики пошло по другому пути, зритель не стал ходить в театр. Если в конце 1960 – начале 1970-х гг. в Кабардино-Балкарии были заложены основы искусства классического танца, созданы и поставлены первые балетные постановки на национальные темы – «Лялюца», «Даханого», «Аминат», то к середине 1980-х гг. развитие национального балетного искусства республики пошло на спад. Кабардинские и балкарские композиторы не писали балеты, т.к. не были уверены в том, что они будут поставлены и они получат гонорар.

Один из первых солистов балета КБР Мухамед Дашуев отмечает: «Не могу сказать, когда это произошло, но тихо, незаметно балет умер. Да, формально он жил, но это было уже не то. Мы замахнулись на классику, а сделать это на должном уровне не смогли. Стало приходиться мало людей. По своему желанию приходили единицы. Мы это чувствовали. Они могли смеяться в зале, бывало, их выводили. Мы потеряли своего зрителя. Оглядываясь назад, понимаю, что национальные балеты – это был единственно правильный путь развития местного балета. Но мы сошли с этого пути»².

Государственный ансамбль танца «Кабардинка» в середине 1980-х гг. работал достаточно активно, часто гастролировал. Летом 1983 г. «Кабардинка» с триумфом выступала в Бразилии. В ноябре 1985 г. «Кабардинка» посетила Иорданию, где проводилась неделя дружбы Иордании и Советского Союза под патронажем короля Хусейна. Следует отметить, что в 1980-е гг. стали довольно часто проходить зарубежные гастроли различных танцевальных коллективов Кабардино-Балкарии. Это объясняется ростом интереса зарубежного зрителя к кавказскому национальному колориту, который демонстрировали коллективы нашей республики.

К концу 1980-х «Кабардинка» была популярным ансамблем с большими творческими возможностями. Но программа не совершенствовалась, практически мало чем отличаясь от программ множества художественных коллективов Северного Кавказа. Это касалось и музыки, и рисунков, характера и подбора исполняемых танцев. «Кабардинка» была оторвана от народной самобытной адыгской культуры. На творчестве «Кабардинки» стояла печать советской культуры, «национальной по форме, социалистической по содержанию»³. Взаимодействие внешних и внутренних факторов логически подводило к тому, что для преодоления творческого кризиса в ансамбле требовалось провести кардинальные перемены.

На фоне роста национального самосознания и стремления наций к возрождению своей самобытности, в кризисный период, в 1991 г., главным балетмейстером «Кабардинки» был назначен Ауладин Думанишев, который проработал в ансамбле танцором 20 лет. В первую очередь Думанишеву пришлось заняться кадровыми вопросами, искать и привлекать молодых исполнителей, танцоров,

артистов балета, грамотных музыкантов для оркестровой группы ансамбля, обновлять фольклорный материал, вернуть «Кабардинке» самобытность, ее подлинно адыгское «лицо»⁴.

При Думанишеве ансамбль стал использовать в своем репертуаре древние старинные танцы, музыку и инструменты. В поисках этнографического материала балетмейстер побывал в кабардинских селах Кабардино-Балкарии, в Моздоке, в Адыгее, в Шапсугии, в Карачаево-Черкесии. Эмпирическим путем Думанишевым был записан большой музыкально-хореографический материал. Значительную помощь оказали балетмейстеру труды адыгских ученых С. Мафедзева, З. Налоева, Б. Бгажнокова, посвященные старинным адыгским обрядам, игрищам, танцам.

Долгое время основные функции сопровождения танцев выполняли традиционные для аккомпанирования гармоника, доул, зурна или кларнет. Играли в унисон, т.е. мелодии звучали однообразно, в один голос. С приходом Думанишева в «Кабардинке» появилась инструментальная группа. В нее входили аккордеон, национальная гармоника, кларнет, гобой, шикапшина, апашина, пшинакаб, ударные – доул, трещотка и т.д. Известный художник Р. Цримов создал эскизы костюмов для новой программы. Был поднят обширный исторический материал, костюмы воссоздавались по крупицам, ни одна деталь не была упущена из внимания, т.к. малейшее отклонение могло нарушить целостную полифоническую картину восприятия танца, изменить его конкретно-исторический контекст. Костюм, являясь ценным этнографическим источником, должен был соответствовать эпохе и характеру танца. По традиции, благодаря содействию Ю. Темирканова, костюмы шились в Мариинском театре Санкт-Петербурга.

Результатом кропотливой творческой работы и многочасовых репетиций была создана новая, во многом революционная программа, премьера которой состоялась 14 августа 1993 г. Название ансамбля – Государственный ансамбль адыгского танца – полностью соответствовало духу представленного действия, режиссеры которого Р. Фиров и М. Кубатиев вместе с коллективом под руководством А. Думанишева представили на суд зрителя захватывающий зрелищный спектакль.

Вопреки общепринятой традиции программа началась не с «Массового исламея», а с культового адыгского танца «Кафа», ставшего впоследствии визитной карточкой коллектива. Все лучшие качества, присущие адыгскому народу, были воплощены в этом танце, состоявшем из двух частей: Классической кафы и Дворянской кафы (солисты Ф.Кудаева и А.Битоков).

В 1992 г. ансамбль «Кабардинка» по приглашению «Адыгэ хасэ» побывал с гастролями в Турции. В поездке был рожден замысел постановки Убыхского танца («Убых лъапэршэ»), элементы которого были сохранены представителями черкесской (адыгской) диаспоры Турции. На премьерном показе программы летом 1993 г. «Убыхский танец» пользовался наибольшим успехом. Удачно был применен тембр подстукивающих в зеркальном пунктирном ритме деревянных брусочков.

Интересны замысел и постановка танцев «Гуашэ Иэсэ» («Прием молодых дворянок у княгини») и «Гуашэ гъасэ» («Обучение молодых девушек шитью и этикету») в исполнении женской группы ансамбля. Присутствовал в новой программе и компонент классического балета. Выпукло и образно были сыграны характеры в миниатюре «Адиюх» по мотивам известной народной песни (балетмейстер-постановщик Р.Пачев, солисты: Ф. Кудаева и Т. Шабатуков). До Думанишева в программах национальных хореографических коллективов подобные постановки не осуществлялись.

Танец моздокских кабардинцев отличался динамизмом и красочностью, Уджэхш – слаженностью движений и колоритным мужским кварто-квинтовым ежью;

Бжедугский исламей – отточенностью пластики солистов М. Ягановой и Р. Ашинова; Кабардинский исламей и Гиляхстанский пляс – технической сложностью исполнения.

Самым впечатляющим и образным танцем, венчавшим программу, был Созереш – композиция по мотивам фольклора адыгов. Начавшись с языческого ритуала поклонения богу солнца Созерешу, танец вылился в большой общеадыгский джэгу, где был представлен каждый адыгский субэтнос. Присутствие в танце жреца, распорядителя игр, распорядителя танцев со всеми подобающими традиционными атрибутами создавало ощущение реальности происходившего действия.

Новая программа «Кабардинки», по мнению многих специалистов, вобрала в себя дух адыгского народа, своеобразный музыкально-поэтический, хореографический мир. Признанием заслуг коллектива явилось присвоение ему звания «академический» в 1994 г. «Кабардинка» первой среди северокавказских коллективов была удостоена почетной награды

Перед коллективом стояли большие творческие задачи. Планировалось создание сценических образов черкесских мамлюков, героев нартского эпоса и воплощение на сцене хореографическими средствами образов трех выдающихся черкешенок: Шарлотты – Элизабет Аиссе (классика французской литературы XVII в.), Ирен дю Луар (Эльмесхан) Хагундоковой, (командира Легиона Чести Франции) и Людмилы Чериной (примы-балерины Гранд-опера в Париже). В перспективе А. Думанишев планировал создание Театра адыгского танца.

Следует отметить, что новую программу «Кабардинки» приняли не все зрители и специалисты. Многим она показалась скучной, танцы – чрезмерно затянутыми и чинными, лишенными привычной зрителю живости. Предъявлялись претензии к костюмам и танцевальной атрибутике. Например, появление в Классической кафе и Дворянской кафе танцоров с саблями, кинжалами и пистолетами посчитали недопустимыми, хотя представители дворянской знати не могли появиться на людях, если отсутствовал хоть какой-либо из традиционных военных атрибутов. Некоторая часть зрителей, привыкшая к более свободным, быстрым танцам, с непременными выкриками танцующих и головокружительными кульбитами, не поняла и не приняла новую концепцию подхода к народной хореографии. Но нельзя отрицать того факта, что программа «Кабардинки» начала 1990-х гг. была революционной и, перефразируя известное определение, – национальной и по форме и по содержанию.

Стремление наций к самоопределению и возрождению национальной культуры привело к возникновению новых коллективов. В 1988 г. в Кабардино-Балкарии при Государственной филармонии появился новый профессиональный танцевальный коллектив «Балкария», основная цель которого состояла в воссоздании в танце истории балкарского народа, его обычаев и традиций. В январе 1990 г. было принято постановление Совета Министров КБАССР «О преобразовании Кабардино-Балкарского фольклорно-этнографического ансамбля танца «Балкария». В частности, в нем было отмечено: «Принять предложение Министерства культуры КБАССР о преобразовании Фольклорно-этнографического ансамбля танца «Балкария» при государственной филармонии в Кабардино-Балкарский государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария» с выделением на самостоятельный баланс, правами юридического лица, открытием расчетного счета в учреждениях Госбанка за счет лимитов предельных ассигнований, имеющихся у существующего ансамбля, размеров оборотных средств»⁵.

В 1990 г. ансамбль был удостоен высшей награды «Золотой шлем» на фестивале горских народов Кавказа «Нартаа» в Абхазии. Немалая заслуга в успешной творческой деятельности самобытного коллектива принадлежит талантливому

балетмейстеру М.И. Ульбашеву. Старинные народные балкарские танцы «Элия», «Хардар», «Чоппа» в исполнении «Балкарии» – это ритуальное действо, несшее элементы языческой культуры, сопровождавшееся сохранившимися мелодиями, песнями, использованием обрядовых предметов. Государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария» принял участие в работе международных фольклорных фестивалей во Франции, Италии, Голландии, демонстрируя профессиональный уровень исполнения и бережное отношение к народной танцевальной культуре.

После апрельского пленума ЦК КПСС 1985 г., контроль партии и государства за процессами, происходящими в культуре в середине 80 – начале 90-х гг. XX в. был несколько ослаблен, но инерционные движения все еще сохранялись. Одним из способов контроля за самостоятельностью были регулярно проводимые смотры художественной самостоятельности – городские, республиканские, всероссийские, всесоюзные. Они мобилизовывали творческие силы коллективов, заставляя их постоянно находиться в хорошей форме.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС в период с октября 1983 г. по май 1985 г. в Кабардино-Балкарской АССР проходил смотр самостоятельного художественного творчества, посвященный 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вот как в были отражены результаты смотра в приказе министра культуры Кабардино-Балкарской АССР К.К. Эфендиева от 6 декабря 1985 г.: «Решение о проведении Всесоюзного смотра самостоятельного художественного творчества было воспринято трудящимися и участниками художественной самостоятельности республики как одно из ярких проявлений внимания и заботы Коммунистической партии и советского правительства о духовном росте и развитии художественной культуры советского народа. В ходе проведения Всесоюзного смотра в учреждениях культуры республики создано более 50 новых кружков с общим числом участников 1800 человек»⁶. Из содержания приказа мы можем сделать вывод о том, какое значение придавало руководство страны и Коммунистическая партия Советского Союза развитию самостоятельной культуры, являвшейся рычагом воздействия на население.

В целом было отмечено, что в Зольском районе число участников художественной самостоятельности увеличилось с 2 673 до 2 842 человек, в Терском районе с 3 456 до 3 800 человек, в Чегемском районе – с 2 640 до 3 000 человек, в Майском районе – с 1 486 до 1 600 человек, в Прохладненском районе – с 5 464 до 5 780 человек; создано 150 клубов и объединений военно-патриотического направления⁷.

Политизированность смотров художественной самостоятельности, контроль со стороны партийного руководства красноречиво отображается в следующем отрывке документа: «Всесоюзный смотр обогатил арсенал форм участия художественной самостоятельности в общественно-политической и культурной жизни. Самостоятельные коллективы принимали активное участие в проведении массовых театрализованных представлений, в вахтах памяти, в фестивалях и конкурсах героико-патриотической и политической песни, тематических выставках. Повсеместно проходили концерты, посвященные победителям социалистического соревнования, производственным достижениям трудовых коллективов. Художественная самостоятельность Кабардино-Балкарской АССР активно включилась во всенародное движение борьбы за мир, организуя тематические праздники, театрализованные митинги, концерты с перечислением собранных средств в Советский фонд мира и в Фонд XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве»⁸. Таким образом, во главе угла стояла идеологическая составляющая подобных мероприятий, а качество исполнения, самобытность и сохранение подлинно национальной художественной культуры не имели решающего значения.

В преддверии предстоящего съезда руководящая партия предлагала провести в январе-феврале 1986 г. смотр политической песни «Молодежь в борьбе за мир и

социальный прогресс» и исполнителей народной песни, музыки и хореографии, посвященный XXVII съезду КПСС, обеспечить активное участие коллективов художественной самодеятельности в подготовке к XXVII съезду партии, повсеместно организовывать их творческие отчеты.

Достаточно информативен следующий отрывок из Постановления бюро обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР о мерах по выполнению Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 апреля 1986 г. «О мерах по дальнейшему улучшению концертной деятельности в стране и укреплению материально-технической базы концертных организаций»: «Критика, средства массовой информации не проявляют должной активности в пропаганде достижений музыкальной культуры, формировании художественных потребностей советских людей. Принижена ответственность первичных партийных организаций художественных советов за формирование концертных программ, репертуара творческих коллективов, солистов. Медленно решаются вопросы укрепления материально-технической базы концертных организаций, подготовки творческих кадров для профессионального искусства»⁹.

В средствах массовой информации также подробно освещались мероприятия художественной самодеятельности республики. В статье, опубликованной в Кабардино-Балкарской правде 25 марта 1986 г., отмечалось: «В комплексе разносторонних мер по совершенствованию социально-культурной сферы Коммунистическая партия придает особое значение развитию самодеятельного народного творчества, – сказала перед началом фестивального концерта в Нальчике председатель оргкомитета, заместитель Председателя Совета Министров КБАССР Е.М. Кимова. – Фестиваль начинается в трудовых коллективах предприятий, учреждений, хозяйствах, школах. Он будет продолжаться до ноябрьских юбилейных дней 1987 г. Самые талантливые коллективы и исполнители затем примут участие во Всероссийском и Всесоюзном концертах в Москве. На всех этапах – от клубных кружков до концерта победителей в Москве – самодеятельные артисты должны проявить талант, увлеченность, культуру, вкус. Это будет определяющим в оценке их мастерства. Эпиграфом фестиваля стали слова «Пусть над нашей солнечной республикой звучат, не смолкая, величественные песни, прославляющие любимую Родину – Советский Союз, родную Коммунистическую партию, которая уверенно ведет нас к коммунизму»¹⁰.

Как уже было указано выше, обращалось внимание в основном на идеологическую, политическую составляющую, а не на сохранение национальной культуры. Хотя на смотрах художественной самодеятельности отчетливо проявлялись недостатки и пробелы в исполнении, особенно это касалось танцевальной культуры. Но все же руководители некоторых хореографических коллективов критически анализировали творчество своих коллег. Например, О. Жерештиев – руководитель народного ансамбля «Исламей» Зольского РДК в статье «За самобытность танцев», посвященной итогам телефестиваля самодеятельного искусства, высказал ряд критических замечаний. Он отметил, что бросалось в глаза однообразие в исполнении некоторых танцев, прослеживались тенденции к их искажению. «Не все бережно относятся к характеру исполнения Кафы: множество неточностей допустил ансамбль Чегемского РДК. Пример исполнения Кафы – 72-летний З. Даов из Сармаково Зольского района. Ряд коллективов в танцах Удж-пух и Удж-хэш использовал движения Лезгинки. Акушинский искажен до неузнаваемости, вплоть до костюмов. В итоге автор приходит к логичному выводу: если хочешь иметь в репертуаре танец другого народа, нужно досконально изучить первоисточник. Тем более это касается своих, исконно народных, традиционных танцев»¹¹.

Одним из путей решения указанных выше проблем являлась бы организация регулярных семинаров по повышению квалификации руководителей

самодеятельных танцевальных коллективов, подобных тому, что организовал Межсоюзный Дом самодеятельного творчества в августе 1984 г. Занятия проводили ведущие балетмейстеры республики: заслуженный артист РСФСР, руководитель народного ансамбля танца «Нальчанка» Республиканского управления профтехобразования Х. Дашуев, лауреат всесоюзных и всероссийских смотров-конкурсов Б. Губжоков, приглашенный из Осетии хореограф К. Цоболов. На занятиях были разучены кабардинские, балкарские, осетинские, грузинские и другие танцы народов Кавказа.

Подобные семинары проводили и методисты Республиканского научно-методического центра народного творчества, но они также не были достаточно регулярными и не охватывали всех руководителей национальных танцевальных коллективов. Народная память хранила множество хороводов-уджей, других традиционных танцев и приемов, не использовавшихся балетмейстерами-хореографами. Фундаментальное изучение фольклора требовало полевых экспедиций, что было сопряжено со многими финансовыми, организационными, административными вопросами. Следует учесть и тот факт, что в рассматриваемый период в единственном учебном заведении республики, в котором готовили руководителей хореографов, – культпросветучилище, в учебную программу не было включено изучение фольклорного танца кабардинцев и балкарцев.

В 1980 г. в системе Министерства культуры функционировало 1 173 кружка художественной самодеятельности (21 973 участника); 1985 г. – 1 243 кружка (24 263 участника); 1988 г. – 1 852 кружка (38 721 участник). Таким образом, к концу 1980-х интерес к участию в художественной самодеятельности был стабильно высоким, это можно связать с тем, что и положение в стране в 1980-е гг. было достаточно стабильным, влияние Коммунистической партии не подвергалось сомнению. В связи с тем, что партия контролировала положение дел в культуре, был и ряд положительных аспектов. Нет сомнения в том, что без достаточной материальной базы не могло бы существовать ни одно учреждение культуры. И хотя к культуре применялся остаточный принцип финансирования, обеспечение коллективов было недостаточным, но регулярным. По инициативе Компартии, в стране проводились ежегодные рейды по проверке готовности сельских учреждений культуры к зиме. В начале 1990-х гг., после развала Советского Союза и утраты Компартией руководящей роли, многие учреждения культуры пришли в упадок. Резко снизилось количество самодеятельных коллективов. Те, что выжили, не могли обеспечить себя костюмами, инструментами и т.п. Лишь к середине 1990-х наступил период относительной стабилизации.

Народная (традиционная) хореография претерпела в рассматриваемый период значительные изменения. Если молодые люди в 1950–1970-е гг. шли на торжество без приглашения, за стол не садились, в основном танцевали и пели, то с конца 1970-х гг. молодежь также стала садиться за столы. Вел застолье, как правило, тхъэмадэ – старший из мужчин. Он решал, когда гостям следует подниматься и идти танцевать. Распорядителя танцев уже с 1950-х гг. практически уже не было. Роль распорядителя, как правило, выполнял друг жениха, следивший за порядком среди молодежи. Распорядителем мог являться и щхъэгъэрыт – назначаемый главой семьи человек, следящий за порядком застолья. По традиции мужчины и женщины должны сидеть за разными столами.

Тот факт, что молодежь стала садиться за стол наравне со старшими можно считать негативным явлением. Это обстоятельство практически стало подразумевать и официальное разрешение для принятия горячительных напитков молодыми людьми. Интерес к танцам стал снижаться. Многие молодые люди предпочитали оставаться за столом, нежели выходить в танцевальный круг. Да и те, что танцевали, зачастую это делали неумело. Исключение составляли участники профессиональных и самодеятельных коллективов, которые, оказавшись на торжестве, старались соблюдать каноны танцевального этикета.

Молодежь в середине 1980 – начале 1990-х гг. не умела нормально танцевать на джэгу и не соблюдала танцевальный этикет. Причиной подобного явления могло быть то, что ее этому не учили. Более того, на торжественных мероприятиях в вузах, техникумах, училищах и школах не было принято, а кое-где и запрещалось танцевать национальные танцы. Даже в сельских районах с преобладанием кабардинского и балкарского населения молодежь плясала под советские и эстрадные мелодии, и эти же движения переносила в традиционный танцевальный круг. Отсюда появлялись и комичные, не свойственные национальным танцам движения. Если в 1950–1960-е гг. предпочтением пользовались медленные танцы (къафэ кЫхь), то с 1970-х гг. стали преобладать быстрые танцы типа исламея. Даже традиционно медленные кафы стали исполняться в чрезмерно быстром темпе, появился специальный термин – «джэгу къафэ»(игрищная кафа), которая должна была исполняться в ускоренном темпе.

Еще одной причиной того, что молодежь неумело вела себя в танцевальном круге было то, что люди старшего поколения мало обращали внимания на поведение молодых людей, редко делали замечания по поводу неэтичного поведения в танцевальном круге, воспринимая его как невинную шалость.

Пренебрежение танцевальным этикетом молодежью стало особенно заметно в 1980-е гг. В танце, предусматривающем соблюдение определенной дистанции между танцующими, партнер мог приблизиться к партнерше на довольно близкое расстояние и даже слегка толкнуть ее. В прежние времена этот проступок рассматривался бы как оскорбление, и человек, допустивший его, мог поплатиться жизнью. Стал нередким явлением и нетактичный способ «приглашения» девушки на танец. Если она отказывалась танцевать по каким-либо причинам, молодой человек мог вытащить ее в танцевальный круг насильно.

Таким образом, период середины 1980 – начала 1990-х гг. в сфере профессиональной хореографии являлся в целом плодотворным, но наблюдались и недостатки. В начале 1980-х гг. в развитии балета республики наметился спад: отсутствие оригинальных постановок, в том числе и национальных, скудное финансирование. В прославленном коллективе «Кабардинка», творческий подъем которого пришелся на 1950–1970-е гг., к концу 1980-х гг. стал ощущаться кризис. Для его преодоления требовалось провести кардинальные преобразования, которые были осуществлены в рамках социокультурной модернизации в начале 1990-х гг. Под руководством талантливого балетмейстера А. Думанишева «Кабардинка» стала использовать в своем репертуаре старинные танцы, музыку, инструменты; ансамблю было присвоено высокое звание академического. На волне стремления наций к сохранению этнической культуры в республике в конце 1980-х гг. появился новый хореографический коллектив – Фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария».

В 50–80-х гг. XX в. в республике функционировало значительное количество самодеятельных коллективов национального танца, но в начале 1990-х гг. их количество стало уменьшаться из-за недостатка финансирования. Следует отметить, что танцы, исполнявшиеся большинством коллективов, были однотипными, у руководителей – балетмейстеров и постановщиков танцев – не хватало научных знаний о традиционной культуре народа. С одной стороны, влияние партийного руководства на репертуарную политику к концу 1980-х гг. стало ослабевать, с другой – из-за ломки государственного и партийного устройства страны нарушилась система финансирования культуры.

Народная (традиционная) хореография претерпела значительные изменения в середине 80 – начале 90-х гг. XX в. В танцах не стало распорядителя, не соблюдался танцевальный этикет и нормы поведения, принятые в танцевальном круге. Постепенно разрушалась эмоциональная связь поколений.

Примечания

1. [Электронный ресурс]. URL : http://singularity.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/EPOCHS/gorbachev.html
2. Мякина А. Национальные балеты – это был единственно правильный путь // Газета Юга. 2011. 24 марта.
3. Печонов В. «Кабардинка» – наша гордость и краса // Кабардино-Балкарская правда. 1997. 12 июня.
4. Там же.
5. Духовная культура народов КБР в конце XX – начале XXI в.: Сборник документов / Сост. З.М. Кешева. Нальчик, 2013. С. 32.
6. Там же. С. 21.
7. Там же. С. 22.
8. Там же. С. 23.
9. Там же. С. 24–25.
10. Материалы по духовной культуре народов КБР в конце XX – начале XXI в. / Сост. З.М. Кешева. Нальчик, 2013. С. 26.
11. Жереитиев О. За самобытность танцев // Кабардино-Балкарская правда. 1971. 3 марта.

Z.M. Kesheva

DANCE CULTURE PEOPLES KBR IN THE MIDDLE 80 – EARLY 90-IES YEARS OF XX CENTURY IN THE SOCIAL AND CULTURAL MODERNIZATION

This article discusses the transformation of the dance culture of the KBR during the middle 80 – early 90-ies years of XX century. Emphasis author focuses on the internal and external factors affecting the changes in the field of culture. The author explains the position that ethnic identity inherent in the dance culture of the peoples of the KBR was largely lost.

Keywords: transformation, dance culture, the peoples of the CBD, spiritual culture, Soviet society, socio-cultural panorama, national creative staff.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 911:3

*Р.А. Бураев, А.Ю. Паритов,
Ф.М. Мирзоева, Р.А. Бачиев, Р.М. Гонгапшев*

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье освещаются вопросы физико- и экономико-географические проблемы, а также демографии и аспекты внутрирегиональных проблем экологии Северного Кавказа. Новизна и актуальность статьи заключается в их анализе и синтезе.

Ключевые слова: дезинтеграционные процессы, рыночные отношения, этнодемографические проблемы, этнокультурный ландшафт, феномен двойного этнического самосознания, миграционные процессы.

Для нашей страны дата 1990 г. стала знаменательной разделительной вехой социально-экономического развития. Россия вышла из состава СССР и приступила к демонтажу социалистической системы хозяйствования и формированию рыночной экономики. Этот мирный перестроечный процесс все же не обошелся без потрясений. В следующее десятилетие последовал общенациональный кризис, обостривший до предела региональные проблемы, которые имелись и в прошлом. В то же время появились «новые» проблемы в результате дезинтеграционных процессов экономического пространства бывшего единого народно-хозяйственного комплекса страны. Таким образом, социально-экономические, историко-географические и экономические причины определили многоплановость существующих проблем Северного Кавказа.

Некоторые физико-географические особенности Северного Кавказа

Северо-Кавказский регион исключительно своеобразен как в физико-географическом, так и в социально-экономическом отношении. Регион как никакая другая территория страны изучена достаточно полно. Тем не менее в условиях смены общественно-политического устройства страны региональные отличительные особенности требуют серьезного переосмысления.

Северный Кавказ, относящийся к основному виду экономических районов страны, очень сложен и далеко неоднороден по многим показателям. Его своеобразие особенно значительно в физико-географическом отношении. Большая часть границ России проходит здесь в районе Большого Кавказа и четко фиксируется естественными природными рубежами. Сложно пересеченный характер рельефа ограничила заселенность территории, ее хозяйственное использование. Это зона рискованного земледелия.

По характеру рельефа Северный Кавказ подразделяется на Предкавказье, которое занимает территорию между Кумо-Маньчской впадиной и горной зоной. Это равнина, в центральной части которой Ставропольская возвышенность и Минераловодская группа островных гор (лакколлитов). К западу от Ставропольской возвышенности – Кубано-Приазовская низменность, а к востоку от Предкавказья – Терско-Кумская низменность и т.д. Минераловодские лакколлиты, Терский и

Сунженские хребты занимают промежуточное положение между Большим Кавказом и Предкавказьем.

В южной части Северного Кавказа простирается грандиозная Горная зона Большого Кавказа шириной в западной части 32 км близ Новороссийска, 180 км – на меридиане Эльбруса и 160 км – в Дагестане. Большой Кавказ разделяют на несколько поперечных сегментов (отрезков) и три продольных зоны (пояса): осевое поднятие, представленное Главным (Водораздельным) и Боковым хребтами (3 000–4 000 м).

Вдоль простираения Кавказа выделяются четыре разновысотных отрезка Центрального Кавказа с вершинами-«пятитысячниками» (Эльбрус – 5 642 м, Дыхтау – 5 204 м, Шхара – 5 068 м, Джангитау – 5 058 м, Казбек – 5 033 м).

Не менее сложным являются почвенно-климатические условия Северного Кавказа. Они определяются тем, что Кавказ расположен на стыке двух климатических поясов – умеренного и субтропического. Вместе с тем с многообразием рельефа и климата связаны и особенности почвенного и растительного покрова. Для Предкавказья характерна зональность в их размещении, а для гор – высотная поясность, и структура их различается. По особенностям природы на Кавказе выделяются три региона: Большой Кавказ, Западное и Среднее Предкавказье и Терско-Кумская низменность.

Экономико-географические черты Северного Кавказа

По физико-географическим особенностям Северный Кавказ делится на три части: Западный, Центральный и Восточный. Западный Кавказ подразделяется на Западный (от Эльбруса до горы Фишт – 2 868 м). От Фишта к Таманскому полуострову – Северо-Западный Кавказ. Территория от Эльбруса до Казбека – Центральный Кавказ, от Казбека к востоку (высоты ниже Центрального, но выше Западного Кавказа) – Восточный.

Подобное деление существует и в социально-экономической географии Северного Кавказа, хотя по своим территориальным границам они и не совпадают. Так, например, Центральный Кавказ в физико-географическом понимании в большей своей части занимает пределы горно-предгорной зоны (65 % всей территории). Эта территория включает горы, предгорья и сравнительно небольшую часть примыкающих к ним равнинных пространств. В пределах территории также наиболее грандиозная часть горной системы Северного Кавказа.

В экономико-географическом смысле Центральный Кавказ – это территория трех республик: Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания. Это своеобразный территориально-производственный комплекс, внутри которого каждая республика при этом представляет собой специфическую экономическую территорию. Каждый район внутри Центрального Кавказа выделяется по сумме самых разнообразных признаков – определяющих и второстепенных по значимости. Прежде всего, территории различаются специализацией хозяйства при высоком уровне комплексности их экономики. При этом совокупность, взаимосвязанность ведущих отраслей в этих районах не столь значительна, как в подобных крупных экономических районах. И это вполне естественно, потому что в системе экономического районирования в данном случае экономические территории республик являются низшими звеньями.

В сетке крупных экономических районов страны нет такого понятия, как Центральной Кавказ. На чем же основана выделяемая на Северном Кавказе новая таксономическая единица? Главные признаки, которые свойственны системе территориально-производственных комплексов России, принимают на данной ступени экономического районирования свои особые, «специфические» черты. Вместе с тем для Центрального Кавказа большое значение имеют дополнительные

признаки, используемые при экономическом районировании территории. Район отличается характером историко-экономических условий хозяйственного развития, сложностью исторически сложившихся форм территориальной организации отраслевой структуры производства, типами расселения, естественными ресурсами и т.д. Республики Центрального Кавказа при том, что заметно отличаются от других национальных образований Северного Кавказа, имеют много общих черт. Для них характерно: 1) сходство специализации народного хозяйства; 2) многонациональность состава населения; 3) наличие общности проблем экономического и социального развития в обозримой перспективе; 4) единство существенных черт природно-экономических условий и ресурсов; 5) преимущественная концентрация производства и населения в границах равнинно-предгорной зоны Северного Кавказа и очаговость характера размещения производительных сил горных зон этих республик; 6) определенная общность исторических условий формирования их народно-хозяйственных комплексов; 7) преимущественное развитие в каждом из них горно-добывающей, а также нематериалоемких, но трудоемких отраслей промышленности; 8) единство транспортной сети при преимущественном развитии автотранспорта и т.д., и т.п.

Северный Кавказ, пожалуй, – один из самых своеобразных регионов страны, который отличается, с одной стороны, территориальной ограниченностью, с другой – исключительно сложной «национальной мозаикой». Вместе с тем одна из характерных черт Северного Кавказа и его регионов – исключительно высокая плотность населения. Так, при средней плотности населения страны 8,6 чел. на кв. км, в том числе сельского населения – 2,2 чел., на Северном Кавказе она составляет 47,1 чел. Более того, в ряде республик и административно-территориальных единицах средняя плотность населения существенно превышает среднекавказский показатель. В Республике Северная Осетия-Алания на 1 кв. км приходится 79,3 чел., в Кабардино-Балкарии – 60,8 чел. и т.д. При этом, как и в дореволюционное время, коренное население республик в условиях крайней земельной ограниченности и сегодня остается в основной своей массе сельским жителем. При накладе рыночных условий развития и последовавшего экономического кризиса вполне понятно, сколь драматичной должно быть его социально-экономическое положение. Фактически за некоторым исключением селяне составляют армию скрытой безработицы.

Сложность оценки региональных проблем Северного Кавказа сопряжена с рядом причин, и прежде всего с тем, что некоторые теоретические вопросы в свое время не нашли должного осмысления, как было отмечено выше, или же в новых условиях они оказались несостоятельными для решения практических задач. Прежде всего, несмотря на наличие довольно основательных видов районирования в научных исследованиях, а отчасти – и в практике, до сих пор недостаточно выявлены и сформулированы основные принципиальные положения, характеризующие понятие и содержание сетки низового административного районирования. Более того, нет научной методики, определяющей главные признаки, критерии и место этих единиц в формировании национально-территориальных образований. А этот вопрос, между прочим, является исключительно важным для сохранения малых по численности этнических групп и народов, оказавшихся волей исторических событий в среде крупных массивов по своей численности наций.

Для таких республик, как Дагестан, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария, отличающихся наличием ряда коренных народов, но не менее значительных по численности других народов, порой с очень большой многослойностью в своем размещении, особенно важно иметь четкое определение суммы разнообразных признаков выделения административных районов с разграничением ведущих (определяющих) и второстепенных показателей. При этом не следует забывать и то, что научное исследование этого вида районирования внесло бы ясность в

неоднородность национально-хозяйственных образований, в причины несовпадения границ сеток низового административно-территориального устройства с историческими, этническими и другими показателями.

Особенно важно провести в этом плане целенаправленные исследования этнических подвижек как дореволюционного, так и послереволюционного периодов в результате Кавказской войны, репрессий и репатриации народов, насильственного выселения горцев на равнину (Дагестан), миграции населения по экономическим и иным причинам и т.д., и т.п.

На Северном Кавказе существует определенный разброс по отношению к рыночным механизмам, к идее реформы, да и в целом к политике федерального правительства. Но бесспорно одно: существование, например, обширной адыгской диаспоры за рубежом, которая может сыграть положительную роль в оживлении экономической жизни в регионах Северного Кавказа. Этот немаловажный фактор сам по себе весьма привлекателен тем, что соотечественники приобщены к передовой производственно-организационной рыночной культуре хозяйствования, обладают определенным капиталом, и т.д. Но уповать только на это как решающее условие подъема или существенного оживления экономической жизни регионов было бы, по меньшей мере, наивно. Капиталистическая система, формирующая рыночные отношения, родственные чувства в расчет не берет. Она требует одного – благоприятных условий капиталовложений. Одним словом, этот вопрос имеет многоплановые аспекты, и за их исследования надо браться основательно.

Многие причины, объясняющие неблагоприятное социально-экономическое самочувствие регионов Северного Кавказа в общем известны: пройденный этап социалистической индустриализации всех регионов страны по одной и той же модели развития экономики, гигантизм предприятий, дальние связи, отсутствие нешаблонной региональной политики в ее западном понимании и многое другое, а также изменения экономического механизма в новых социально-экономических условиях, новая социальная и геополитическая ситуация и т.д., и т.п.

Вопросы демографии Северного Кавказа

Актуальность темы определяется рядом причин. Прежде всего, характер и суть демографических процессов, их роль и влияние на экономическое развитие и размещение производства настолько велики, что их игнорирование может привести к непредсказуемым последствиям в решении как стратегических, так и тактических задач социально-экономического развития. Во-вторых, «демографическая грамотность» сопряжена с этнодемографическими процессами, что определяет в значительной степени социально-политическую стабильность любого региона, особенно тех, которые находятся в контактно-полиэтнических зонах страны. В третьих, население является основой формирования трудовых ресурсов и, следовательно, его состав, структура и динамика определяется прежде всего демографическими процессами – совокупностью случаев рождаемости, смертей, браков, разводов и миграционных процессов. Отсутствие или незнание этих сведений, их игнорирование могут привести без преувеличения к серьезным просчетам в предпринимательской деятельности в рыночных условиях. Таким образом, всестороннее изучение этнодемографических процессов позволяет выявить закономерности и тенденции географии развития и размещения населения и трудовых ресурсов. Наконец, «механизм» действия рыночных законов развития современного общества определяет роль и значимость различных условий и факторов формирования (прежде всего процессов, связанных с населением и его расселением, этническим составом, ее историей т.д.) и развития регионов. Более того, нет сомнения в том, что этнодемографическая ситуация во многом зависит и от таких показателей, как система жизнеобеспечения (жилищно-бытовые условия, традиционные системы

питания и т.д.), особенности характера и уровень долгожительства, психологическая ситуация общества и т.д.

Сама по себе рассматриваемая проблематика вызывает значительный интерес в качестве актуальной темы исследования в целях изучения динамики населения регионов. Для регионов Северного Кавказа она является тем более значимой в силу крайне сложной истории формирования системы этнотерриториальных образований. Примером тому служит Кабардино-Балкария, отличающаяся не только в природном отношении, но и сложностью этнодемографических процессов и важностью своего геополитического положения на Северном Кавказе как в прошлом, так и в настоящее время.

За всю историю формирования регионов Северного Кавказа Кабардино-Балкария пережила несколько демографических кризисов и подъемов. Тем не менее историю демографии республики условно можно разделить на три весьма неравных по продолжительности периода с соответствующими типами воспроизводства населения. Их формирование определялось и определяется, прежде всего сменой способа производства материальных благ, чередующимися в соответствии с социально-экономическими формациями (феодализмом, социализмом и современным формирующимся капитализмом). Первые две формации, как это ни парадоксально, несмотря на кардинальное различие их экономико-политического строя, характеризовались в Кабардино-Балкарии определенными общими чертами типологии воспроизводства населения. Наблюдался более или менее стабильный рост численности населения. Но этот рост, при рассмотрении в разрезе национальностей, объясняются разными причинами. Так, например, высокие темпы роста численности населения коренных народов при советской власти было связано не столько за счет естественного прироста в результате повышения условий жизни и налаживания социальной сферы обслуживания и культурных преобразований (что имело место), а более всего за счет высоких темпов механического притока из соседних регионов и Нечерноземья центральной части России. В преобладающем числе это были выходцы из Дагестана, Северной Осетии, по преимуществу русские.

При этом, если в дореволюционное время причиной значительного притока иммигрантов был процесс присоединения Северного Кавказа в период Русско-кавказской войны, то в последующее время он был связан с экономической колонизацией территории, иммиграцией «иногороднего» населения в пореформенный период и в неурожайные годы из Центрально-Черноземных губерний, Поволжья, Украины (1891–1892). В годы советской власти реализация ленинского принципа социалистической индустриализации, вызвавшее высокие темпы роста производства национальной экономики на основе небывалого бурного развития промышленности, также обусловил высокий уровень иммиграции населения из промышленных районов страны.

Что касается динамики кабардинского и балкарского населения, характеризовавшейся относительно высоким приростом в дореволюционный период, то оно было связано с тем, что сохранялась традиция многодетности. С одной стороны, стремлением родителей иметь много детей являлось закономерной реакцией на высокую детскую смертность. С другой стороны, оно было вызвано и желанием сельских жителей иметь в земледельческом хозяйстве как можно больше рабочих рук. Важную роль в поддержании традиции многодетности играли и другие факторы: ранние браки, религия, прочные брачные отношения.

В годы советской власти высокие темпы роста численности населения коренных народов были связаны с улучшением системы здравоохранения, социально-экономическими и культурными преобразованиями, мероприятиями, поддерживающими материнство и т.д.

В эпоху новейшей истории нашей страны народы Кабардино-Балкарии сменили два этапа демографических процессов: время становления и развития

невиданного в истории человечества нового общественно-политического устройства – советской власти с достоинствами и со всеми существенными издержками, приведшими к большим людским потерям (жертвы репрессий, Второй мировой войны и т.д.), и время эпохального события – возврата страны в 90-е гг. к исходным позициям капиталистического пути развития со всеми вытекающими последствиями: развалом плановой системы хозяйствования, переходом на рыночную экономику, развалом сложившейся структуры экономики страны и регионов, массовой безработицей и т.д. и т.п. Все это обусловило новую тенденцию динамики населения и привело республику к демографическому кризису. Еще до начала 90-х гг., начавшийся социально-экономический спад народного хозяйства привел к ухудшению и без того низкого уровня жизни населения республики. Для поколения трудоспособного населения распад государства стал потрясающим, шоковым событием. Целое поколение, взращенное в условиях идеологии «всеобщего равенства» и «благоденствия», в одночасье оказалось в абсолютно новой общественно-политической среде с совершенно иными, свойственными ей морально-психологическими устоями, образом жизни и ценностями. Таким образом, существенная девальвация, а в некоторых случаях – и полная потеря целого ряда сложившихся «универсальных» ценностей в постсоветский период развития страны привели к кардинальным трансформационным процессам условий жизни населения; изменилось привычное социальное самочувствие, и значительно ухудшилась национальная безопасность и стабильность регионов. Все это послужило причиной существенного изменения характера воспроизводства населения. Намечившаяся тенденция перехода от характерного для национальных регионов Северного Кавказа многодетной семьи (в среднем 5 и более детей) к малодетной (к простому, а то и к суженному воспроизводству) стала заметно проявляться уже в 80-х гг. А с 90-х гг. глубокий социально-экономический кризис привел к началу настоящего «обвала» воспроизводства населения Кабардино-Балкарии. По статистически данным, продолжавшееся с 1995 г. стабильное падение естественного прироста населения в настоящее время несколько приостановилось. Тем не менее этнодемографическая ситуация в республике остается проблематичной и характеризуется следующим образом:

– воспроизводство населения своеобразно и нетипично, что не позволяет отнести его к какому-либо общепринятому типу. При общей тенденции относительно небольшого увеличения рождаемости в последние годы (2000 г. – 10,5 чел. на 1 000 жителей, в 1990 г. – 20 чел.) смертность выросла с 8,5 чел. до 10 чел. на 1 000 жителей. Естественный прирост при этом за указанное время сократился до 10,7 чел. на 1 000 жителей;

– наблюдается нестандартная динамика воспроизводства в сопоставлении городского и сельского населения республики. Общей характерной чертой является то, что в расчете на 1000 чел. идет стабильное падение естественного прироста населения на селе. В 1990 г. естественный прирост сельского населения превышал прирост городского населения на 7,9 чел. на 1000 чел. В 2004 г. это превышение составило всего 2,2 чел. на 1000 жителей. Наряду с этим темпы падения естественного прироста селян оказались более значительными, чем городского населения. Однако, если естественный прирост городского населения стал отрицательным (– 0,5 чел.), то прирост сельского населения сохраняет плюсовой характер (+ 2,7 чел. на 1 000 чел., 2004 г.);

– происходят некоторые видоизменения в исторически сложившихся этно-территориальных образованиях. С одной стороны, идет постепенный сход населения горной зоны. С другой стороны, некогда ярко выраженные границы этнотерриториальных образований стираются в предгорной зоне, и образуется своеобразная полоса полиэтнического характера. Этот ареал формирования этнокультурного ландшафта в принципе является результатом длительного взаимодействия разных социокультурных общностей. Тем не менее в последние

десятилетия этнодисперсность (многослойность национального состава) приобретает ускоренные темпы в силу новых условий экономического, социального и политического развития республики. Таким образом, с точки зрения этногеографии в пределах Кабардино-Балкарии сложилась и продолжает формироваться наиболее густозаселенная контактно-полиэтническая полоса, охватывающая предгорно-низкогорную часть с преобладающим кабардинским населением. А к северо-востоку в равнинной (частично – в предгорье) зоне и к юго-западу в горной зоне (в первом случае с преобладанием русскоязычного населения, во втором – с абсолютным преобладанием балкарского населения) сложились не очень четко выраженные этнические ареалы;

– огромное влияние в условиях рыночной экономики на этнические процессы оказывает форма государственного устройства территории обитание народов. Для титульных народов Кабардино-Балкарии, имеющих свою государственность, характерно как бы двойное этническое самосознание: сохраняя чувство своей национальной принадлежности, они одновременно ощущают себя формирующимися нациями одной республики, одного территориально-государственного образования. Этот феномен двойного этнического самосознания, имеющего нелегкий путь своего формирования и развития, в новых социально-экономических условиях создает предпосылки для повышения уровня мобильности молодого поколения в поисках лучших условий жизнедеятельности. История Кабардино-Балкарии столь высокого уровня трудовой миграции коренного населения не знает;

– в значительной степени ход этнических процессов определяют формы расселения. Особенно велико влияние на этногеографическую ситуацию процесса урбанизации. Город в силу своей многофункциональности, со сравнительно более высоким уровнем жизни, с большей значимостью и ролью в социально-экономическом развитии региона в условиях высокого уровня безработицы способствует притоку трудоспособного населения. Многонациональность – одна из характерных черт городского населения всех регионов Северного Кавказа. Особенно притягательная сила в горных республиках. Так, удельный вес горожан от общей численности русского населения составляет 81%, кабардинцев – 49,7%, балкарцев – 66,1%. В тоже время окружающие Нальчик сельские поселения отличаются в пределах армирующей городской агломерации высоким удельным весом селян. Они характеризуются в то же время большой численностью населения (с. Нарган – 12 552 чел., с. Шалушка – 11 240 чел., с. Кенже – 10 326 чел., с. Хасанья – 10 190 чел.) и многонациональностью;

– миграционные процессы – важный фактор формирования населения и характера его расселения. Современные миграционные процессы прежде всего определяются экономическими мотивами. В социально-профессиональной структуре среди выезжающих почти 100% люди с высшим и специальным образованием. Регионами и городами «притяжения» являются такие крупные административные центры, как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и др., а также индустриально развивающиеся регионы страны. Так, в Москве по приблизительным подсчетам только кабардинская диаспора начитывает более 14 тыс. чел. В последние годы все больше стали проявляться различные виды трудовой международной миграции населения из Кабардино-Балкарии. Их большая часть оседает прежде всего в ФРГ.

Проблемы экологии регионов Северного Кавказа

В числе проблем развития регионов Северного Кавказа в рыночных условиях особое место занимают вопросы экологии. В принципе проблемы экологии регионов общеизвестны. В географической научной литературе накоплен довольно солидный багаж системного анализа, оценки последствий воздействия человека на окружающую среду, прогнозирования неблагоприятных влияний его деятельности на возобновимые природные ресурсы и т.д. Однако нет таких научных исследований, которые решали бы вопросы определения стратегии

экологической политики в регионах Северного Кавказа с учетом основных направлений специализации и территориальной организации производительных сил каждого из них. В рамках Концепции перевода Российской Федерации на модель устойчивого развития, на наш взгляд, очень важно проведение научных исследований по экологическим проблемам перспективного развития и размещения производительных сил регионов Северного Кавказа.

В перспективе экологическая ситуация при развитии и размещении производительных сил регионов так или иначе будет определяться группой внешних и внутренних факторов. К внутренним следует отнести территориальные и отраслевые особенности структуры хозяйства, применяемые технологии, антропогенные нагрузки на ландшафты и т.д. К внешним же следует отнести особенности экономико-географического положения как самого Северного Кавказа, так и каждого территориально-хозяйственного образования, относительно экологически активно воздействующих систем на компоненты окружающей среды. Иначе говоря, экологические аспекты развития и размещения производительных сил Северного Кавказа и его регионов, представляющих собой территории многоотраслевой структуры хозяйствования и высокой плотности населения, определяются их эколого-географическим положением. Дело в том, что объем трансграничного переноса загрязнений на территорию регионов будет зависеть, как и прежде, от экологического состояния приграничных территорий и районов.

Наверное, не нужно доказывать, что экономический подъем регионов Северного Кавказа определяется прежде всего тем, насколько оперативнее будет восстановлено и налажено производство в прежней производственно-отраслевой структуре. На первый взгляд, современная экологическая обстановка кажется не столь драматичной. Антропогенное воздействие на природную среду как бы снизилось. Но этот некоторый спад экологической напряженности носит временный характер и связан с падением производственной деятельности регионов, в результате закрытия целого ряда крупных предприятий, называвшихся «предприятиями общесоюзного значения».

Особо проблематичным является эколого-географическое положение Кабардино-Балкарии. Вряд ли в республике и в соседних с ней регионах в ближайшие десятилетия возможны будут какие-либо структурные изменения экономики. Форсированная их индустриализация в прошлом определила типичный, плохо сбалансированный хозяйственный комплекс с большим набором «грязных» производств: химической, нефтеперерабатывающей промышленности, промышленности строительных материалов, сахарной и других производственных отраслей. При условии существующего направления переноса воздушных масс от этих регионов на территорию Кабардино-Балкарии с севера, востока и запада происходит мощная эмиссия загрязненного воздуха. Таким образом, загрязнение, «производимое» хозяйством республики, намного увеличивается за счет эмиссии (импорта) из Ставропольского края, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и других регионов в связи с переносом воздушных масс. Эти соседи являются «поставщиками» загрязнителей первой порядка. Сравнительно небольшая протяженность их территорий обуславливает близость расположения «грязных» производств к республике. Так, например, в Ставропольском крае это, прежде всего, особо крупное предприятие Северо-Кавказского нефтегазохимического комплекса производственного объединения «Азот» (г. Невинномысск) по выпуску в качестве основного продукта азотного удобрения. Не менее значительным является Прикумский завод пластмасс на реке Кума в восточной части Ставрополя по производству полиэтилена, пропилена и бензина.

Дагестан, Краснодарский край и Ростовская область по отношению к Кабардино-Балкарии – соседи второго и третьего порядка, и их роль в эмиссии

загрязнений менее значительна. Тем не менее их влияние на экологическое состояние также ощутимо, потому что предгорно-равнинная территория – главный транспортно-хозяйственный осто́в с наиболее высоким уровнем концентрации населения и наиболее открытая часть Северного Кавказа для ветров.

В научных работах, посвященных экологии регионов, затрагиваются как обычно лишь один аспект – антропогенные изменения природы под влиянием интенсивной хозяйственной деятельности в самих регионах и развития многоотраслевой структуры производства на основе бесконтрольной эксплуатации естественных ресурсов и т.д. Однако есть и другие, мало затрагиваемые причины, влияние которых на экологическое состояние регионов исключительно велико. Об этом свидетельствует наличие такого понятия, как «трасгрессия загрязнения воздушными массами» в связи с особенностями формирования климатических и других условий в разных частях страны.

Итак, почему регионы Северного Кавказа накрывают эмиссии загрязненных воздушных масс, поступающих из центральных регионов России, из промышленных районов Украины, Чернобыля и других территорий? Северный Кавказ находится под влиянием проникающих сюда свободно различных воздушных масс: холодного и сухого воздуха Арктики, насыщенного влагой воздушной массы с Атлантического океана, тропического воздуха Средиземноморья и, наконец, хотя сравнительно и редко, но также тропического воздуха из пустынных нагорий Передней Азии и Ближнего Востока. Сменяя друг друга, различные воздушные массы не только создают большую пестроту и разнообразие погодных условий, но и в значительной степени оказывают влияние на экологическую ситуацию в регионах Северного Кавказа. Это связано с общей компактностью территории, высоким уровнем индустриализации в прошлом в районах прохождения воздушных масс без учета географических особенностей Северного Кавказа и т.д.

Таким образом, стабилизация экологической ситуации в отдельно взятой республике или хозяйственно-территориальном образовании фактически невозможна без оптимизации экологической обстановки во многих регионах и особенно в регионах Северного Кавказа. Это, пожалуй, более трудноразрешимая проблема перспектив развития и размещения производительных сил республик и административно-хозяйственных образований, чем те, которые определяются внутренними факторами. Говоря обобщенно, внутренние факторы, позволяющие определить состояние окружающей среды в связи с перспективами развития производительных сил, менее значимы, чем те, которые имеют внешнее воздействие на среду, т.е. те, которые определяют территориальную организацию производства в целом и решают проблему совершенствования структуры хозяйственного комплекса на основе целевых задач улучшения экологической обстановки и т.д.

Несмотря на некоторую исходную неоднородность экономического развития регионов Северного Кавказа, территориальная и отраслевая структуры индустрии регионов тесно связаны, и любые сдвиги и изменения в одних районах передаются в другие регионы. Все эти вопросы и проблемы заслуживают серьезного анализа и синтеза для определения перспектив развития регионов Северного Кавказа.

В статье затронуты лишь отдельные региональные проблемы. Даже этот небольшой перечень вопросов свидетельствует о важности и актуальности проведения региональных исследований. Делая некоторое обобщение существующих проблем, на наш взгляд, в исследованиях следует обратить особое внимание на следующие вопросы:

– Необходим анализ предпосылок формирования и развития национально-хозяйственных территориальных образований. Важно объяснить факторы и причины, определяющие региональные особенности и своеобразие национально-территориальных образований по социально-политическим, историко-географическим, природно-экономическим, экологическим и другими проблемам;

- Следует понять территориальную и отраслевую структуру производства, отношение регионов к рыночным механизмам; политики экономического суверенитета регионов и значение свободных экономических зон – возможности и реалии. Важно определить направления региональной и структурной политики с целью достижения баланса между автономией и зависимостью, экономикой и экологией;
- Необходимо раскрыть суть эколого-экономической «самочувствия» и приоритеты региональной природоохранной политики, вопросы методики экономической оценки воздействия производства регионов на среду. Главное – установить суть вопросов эффективного использования местных ресурсов в условиях существующих экологических проблем и необходимости оптимизации структурной перестройки национально-хозяйственных образований;
- Важно объяснить причины обострения региональных проблем в условиях формирования и развития рыночной экономики и разработать практические рекомендации в целях улучшения политической стабильности и «социально-экономической самочувствия» регионов Северного Кавказа;
- Наконец, необходимо разработать теоретические и практические вопросы основ совершенствования сетки экономического районирования.

Примечания

1. *Бураев Р.А.* Экономический кризис и этнодемографические процессы в Кабардино-Балкарии // Вестник КБРУ. Серия биол. науки. Вып. 10. Нальчик, 2009.
2. Введение в экономическую географию и региональную экономику России: Учебник для вузов. 2-е издание. М.: Гуманитарный изд. центр «Владос», 2008.
3. Проблемы социально-экономического развития горных районов: Тезисы докладов Закавказской научной конференции (22–24 мая 1985). Ереван, 1985.
4. *Раковская Э.М., Давыдова М.И.* Физическая география России. Ч. 2. Азиатская часть, Кавказ и Урал. М.: Гуманитарный изд. центр «Владос», 2001.
5. Ресурсы, среда, расселение: Сб. М.: «Наука», 1974.

***R.A. Buraev, A.Y. Paritov, F.M. Mirzoeva,
R.A. Bachiev, R.M. Gongapshev***

NORTH CAUCASUS AT STAGE OF MARKET ECONOMY FORMATION

The issues of physical, economic and geographical problems and also the issues of demography and aspects of intraregional problems of ecology in the North Caucasus are enlightened. The novelty and topicality of this article consists of its analysis and synthesis.

Keywords: disintegration processes, market relations, ethnodemographical problems, ethnocultural landscape, phenomenon of double ethnic consciousness, migration processes.

Г.Д. Базиева

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

Художественный текст рассматривается как важный концепт, отражающий историко-культурные и эстетические трансформации в обществе.

Ключевые слова: художественный текст, национальная культура, заглавие, наименование текста, парадигмы художественности, Кабардино-Балкария

В числе многообразных трактовок текста особое место занимает *культурологическая* интерпретация, где «текст» характеризуется как данность культурологического порядка с присущими ей эстетическими и этнокультурными чертами. Данная методика позволяет сопоставить не только «текстологические» характеристики различных произведений, но и проанализировать «текст» национальной культуры в целостном единстве разнообразных видов и форм художественного творчества.

Культурологическая интерпретация основана на том, что художественные тексты, рассматриваемые как явление семиотическое и определяемые как «связные знаковые комплексы», создаются не на одних только естественных языках. Существуют несловесные тексты, обращенные к зрению (произведения изобразительных искусств), или к слуху (музыкальные произведения), либо к зрению и слуху одновременно (язык ритуала и, в частности, литургии, театральное искусство, кино- и телеинформация).

Поиск целостного подхода к феноменам культуры актуализирует обращение к художественным текстам как к важным концептам, характеризующим коммуникативные потенции культуры, позволяющие выявить наличие универсальных и специфических знаковых систем в творческих практиках. Современные ученые, отталкиваясь от теории Ю.М. Лотмана, рассматривающего культуру как текст, трактуют культурологический метод так же, как интерпретацию и понимание «текста» культуры, который «одновременно онтологизирует целостную культурную реальность, выражением и презентацией которой выступает сам текст»¹.

Рассматривая культуру как «механизм роста информации», как «совокупность текстов или сложно построенный текст», Ю.М. Лотман существенно переосмыслил лингвистическое понимание текста и расширил понимание литературоведческое, сместив акценты в сторону культурологической трактовки понятия. Текст Ю.М. Лотмана – это все пространство культуры на всех уровнях как в синхронном, так и диахронном разрезах, что позволяет называть текстом образования самого разного плана – от человеческой личности и художественного произведения до текста жизни и текста культуры в целом².

Категории текста и культуры взаимообуславливают друг друга: текст есть часть культуры, но в то же время культура сама является текстом. В связи с этим

* Статья выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции, обычаи, ритуал в истории и культуре» по проекту «Идентичность в поисках традиции: народы Кабардино-Балкарии в государственно-политических и социокультурных трансформациях».

Ю.М. Лотман рассматривал культуру как «собрание текстов и даже как единый большой текст». Текст, по мнению исследователя, с одной стороны, «уподобляясь культурному макрокосмосу, становится значительнее самого себя и приобретает черты модели культуры», а с другой стороны, «он имеет тенденцию осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности»³.

Описание «некоторой системы культуры», как отмечал Ю.М. Лотман, должно строиться на трех уровнях: 1) описание субтекстовых сообщений; 2) описание культуры как системы текстов; 3) описание культуры как набора функций, обслуживаемых текстами⁴. Исходя из данного подхода, Ю.М. Лотман выделяет два типа культур – «одни будут стремиться специализировать тексты, с тем чтобы каждой культурной функции соответствовал ей присущий вид текстов, другие будут стремиться к стиранию граней между текстами, с тем чтобы однотипные тексты обслуживали весь набор культурных функций. В первом случае будет выдвигаться вперед роль текста, во втором – функций»⁵. Анализ культуры на всех трех уровнях (субтекстов, текстов и функций) – задача сложная и междисциплинарная. Но результатом эволюции различных текстов являются художественные тексты – концентрированное и вместе с тем высшее выражение текста культуры как такового.

В связи с проблемой определения понятия «художественный текст» в литературоведении возникла терминологическая неясность: в частности, чем художественное произведение отличается от художественного текста. В словаре «Эстетика» даются следующие определения данных понятий: «Текст художественный (textum – ткань, соединение) – смысловое целое, являющееся организованным единством составляющих его элементов»⁶. «Произведение художественное – продукт художественного творчества, в котором в чувственно-материальной форме воплощен духовно-содержательный замысел его создателя – художника и который отвечает определенным критериям эстетической ценности»⁷. Таким образом, различие в определении понятий основывается на том, что если текст – это некое «смысловое» целое, то произведение – это художественный продукт. В ряде литературоведческих работ «текст» и «произведение» рассматриваются недифференцированно. Однако, по мнению лингвистов, эти термины следует различать.

По Р. Барту, текст и произведение связаны как *процесс* и *результат*, чтобы понять произведение (результат), нужно обратиться к процессу производства – тексту: «...произведение, понятое, воспринятое и принятое во всей полноте своей символической природы – это и есть текст»⁸. Р. Барт усматривал в «тексте» универсальную «социологику», дающую возможность построения лингвистическими средствами метаязыка современной культуры.

В структурном анализе произведения Р. Барт придавал большое значение заглавиям и наименованиям художественных текстов. Известно три подхода к классификации заглавий: 1) семантический подход, при котором определяющей является взаимосвязь заглавия и содержания текста; 2) структурный подход, при котором заглавие обуславливается типом, структурой текста (заглавия – описания, повествования и т.д.); 3) стилистический подход, при котором в основу заглавий кладется его соответствие стилю текста.

«Функция заглавий изучена до сих пор недостаточно, – по крайней мере в рамках структурного анализа, – отмечает Р. Барт, – заглавие призвано маркировать начало текста, тем самым представляя текст в виде товара. Всякое заглавие имеет, таким образом, несколько одновременных смыслов, из которых следует выделить как минимум два: 1) высказывание, содержащееся в заглавии и связанное с конкретным содержанием предваряемого текста; 2) само по себе указание на то, что ниже следует некая литературная «вещь» (то есть, по сути, товар). Иначе говоря, заглавие всегда имеет двойную функцию: энонсиативную и дейктическую»⁹.

(энонсиативный – указывающий на процесс высказывания, полифонический, информационный; дейктический – выделяющий, дифференцирующий)

Подобные функции выполняет любое наименование художественного текста (литературного, музыкального, изобразительного, кинематографического и др.). В литературе заглавие – «композиционный прием, обусловленный тематикой произведения. Поскольку эта последняя сама обусловлена закрепленной в произведении социальной психоидеологией, заглавие становится детерминированным компонентом стиля»¹⁰.

Открывая произведение, заглавие выполняет целый ряд функций, и, с одной стороны, неотделимо от текста и является его частью, а с другой – обладает относительной автономностью. В этой связи интерес представляет не только содержание, но и форма (структура) текста, в которой заглавие является первым знаком темы, отражающим социально-политические, эстетические и нравственные проблемы того или иного периода в истории государства, народа и автономной личности. Заглавие (наименование) художественного текста есть не только первичная презентация, но и первая авторская интерпретация, выполняющая ряд важных функций в социокультурном контексте. Особый интерес к нему объясняется и уникальным положением заголовка в тексте, и многообразием его функций. Заголовок аккумулирует в себе смысл, стилистику и поэтику произведения, выступает смысловым сгустком текста, реализуя различные интенции. Оно, во-первых, соотносит сам текст с его художественным миром: главными героями, временем действия, основными пространственными координатами; во-вторых, выражает авторское видение изображаемых ситуаций, событий и пр., реализует его замысел как целостности др.: Заглавие литературных текстов КБР, созданных в советский период (Д.М. Налоев «Начало» (1935), З.П. Кардангушев «Каншоубий и Гошаях» (1940), З.А. Аксиров «Даханаго» (1940), Р.К. Геляев «Кровавый калым» (1940), А.Т. Шортанов «Горцы» (1954–1975), А.П. Кешоков «Вершины не спят» (1960 – 1966), «Сломанная подкова» (1973), З.Х. Толгуров «Большая медведица» (1981), Б.И. Гуртуев «Новый талисман» (1970), В.Г. Кузьмин «Мой дом – не крепость» (1974), Т. Адыгов (М.Х. Маржохов) «Щит Тибарда» (1982), К.Ш. Кулиев «Была зима» (1987)), отражает динамику национального самосознания от фольклорной традиции к историзму и осмыслению коренных перемен в жизни общества.

О важном значении заглавия произведения, а также обложки к нему (т.е. презентации текста) писал в 1949 г. балкарский поэт К.Ш. Кулиев:

Я буду издан, вполне возможно,
Когда уж закончится счет моих дней,
И, может быть, будет искать художник
Рисунок к заглавию книги моей.
Он волен, но пусть он рисует все же
Клинок. Чтоб на книге блеснул металл.
Как вынимают клинок из ножен,
Всю жизнь я из сердца свой стих вынимал.
1949

Изобразительные тексты советского периода (И.В. Балицкий «Шора Ногмов и Пушкин» (1951), «Приезд послов Ивана Грозного в Кабарду» (1957), «Марко Вовчок беседует с крестьянами Кабарды» (1959), В.М. Абаев «Кабардинка» (1962), Х.Б. Крымшамхалов «Скорбящий горец» (1968), «Вершины. Парный портрет К. Кулиева и А. Кешокова» (1976), Н.М. Третьяков «Киров среди горцев» (1959), А.М. Сундуков «Мать солдатская» (1969–1976) также несут важную функцию культурной памяти, являясь отражением исторических трансформаций в обществе. Культурологическое изучение художественных текстов включает

в себя и описание процессов создания тех или иных знаковых произведений в истории и культуре народа. К примеру, интересна история создания монумента «Скорбящий горец», опубликованная в газете «Кабардино-Балкарская правда» в 2011 г. Искусствовед Ж. Аппаева описала сложный процесс возведения монумента, который сопровождался не только художественными, но и идеологическими проблемами¹¹.

В советский период любое произведение искусства выполняло наряду с художественной и идеологическую функцию. Н.К. Гей предлагал различать условия художественности от критериев художественности. Под условиями понимались жизненная правда искусства, его народность, партийность и идейная направленность, а под критериями – художественная организация произведения (органичность, художественная правда, гуманистическая направленность). Если условия художественности определяли «сущность произведения», то критерии художественности – «показатели эстетического совершенства, неповторимости и в этом смысле особой ценности осуществления»¹².

Эстетика социалистического реализма была эстетикой действия, поступка, подвига. К примеру, В. Катаев писал: «...Перечитываю написанное. Мало у меня глаголов. Вот в чем беда. Существительное – это изображение. Глагол – действие. По соотношению количества существительных с количеством глаголов можно судить о качестве прозы. В хорошей прозе изобразительное и повествовательное уравновешено»¹³.

В подавляющем большинстве произведений советского периода герой – молодой человек, ищущий смысла жизни и стремящийся к деятельности – находит себя в строительстве нового социалистического общества, утверждая приоритет коммунистических идеалов. Многие произведения советского периода в настоящий период воспринимаются как «дань» эпохе, нередко отрицается их художественная ценность. Однако в советский период создавались произведения, носящие символический характер не только для современников, но и для последующих поколений, отражая в новых реалиях новые смыслы. Так, для национальной культуры КБР безусловное символическое значение несут романы А.П. Кешокова «*Вершины не спят*» и «*Сломанная подкова*». Исследуя противоречивость идеалов советской эпохи, воплощенных в кабардинской литературе, И.А. Кажарова отмечает: «Феномен А. Кешокова интересен тем, что явил тот редкий случай, когда внутренние установки достигали гармонии с идеалами общественного строя, и полнота этой гармонии утверждалась в равной степени мощью таланта и последовательностью гражданской позиции»¹⁴.

В прозаических текстах конца 80 – начала 90-х гг. (А.М. Теппеев «*Тяжкий путь*» (1989), «*Мост Сийрат*» (1993), С.Х. Мафедзев «*Гыбзы достойные*» (1992), З.Х. Толгуров «*Голубой тинчак*» (1993) и др.) поднимается ряд острых для национальной истории проблем. «Близкая авторам среда, частью которой они являются сами, ее культура и речь приобретают в данных произведениях конструктивное художественное значение»¹⁵.

Изобразительные тексты данного периода также обращаются к трагическим страницам в истории родных народов – Кавказской войне, махаджирству, депортации (И.Х. Джанкишиев «*24, 14, 13*» (1987), «*Молитва*» (1989), Х.А. Теппеев «*Мост Сийрат*» (1989), В. Курданов «*Приют спецпереселенцев*» (1991), А.Т. Жилов «*Колесо истории*» (2000), А. Гучапшев, З. Матуев «*Древо жизни на колесе истории*» (2004) и др.).

Современный художественный процесс характеризуется расширением экспериментальных и тематических горизонтов литературы и искусства КБР, развивающегося в пределах различных направлений, в рамках которых существует несколько поисковых линий (этнографизм, фольклоризм, мифологизм, интертекстуальность, постмодернизм, авангардизм и др.). Ф.Т. Узденова и А.М. Сарбашева

отмечают, что современная балкарская литература характеризуется разнообразием художественно-стилевых методов, возрастанием роли психологического фактора, постановкой новых художественных задач, расширением тематических поисков и др.¹⁶.

Если в начале 90-х гг. основной темой и литературы и искусства КБР были поиски историзма, изучение этнографии родных народов, фольклора и т.д., то последнее десятилетие отличается созданием философской прозы в духе современных постмодернистских поисков. Эстетика действия в постмодернистской традиции заменена на эстетику рефлексии (З. Канкулов *«Затерявшийся в городе»* (1989–1991), Д.П. Кошубаев *«Абраг»* (2004), М.М. Емкужев *«Ночь Кадар, или который справа»* (2010), К. Елевтеров *«Вынырывающий»* (1996), М. Хакуашева *«Дорога домой»* (2006), Б.М. Чипчиков *«Мы жили рядышком с Граалем»* (2009), Н. Полошевская *«Тысяча первый роман о детстве»* (2010) и др.).

Изобразительная стилистика постсоветского периода (Р.Н. Цримов *«Старик и горы»* (1999), *«Распятие»* (2007), Х.Х. Атабиева *«Лунная ночь»* (1987), Х.А. Теппеев *«Мост Сийрат»* (1989), *«Кавказский пейзаж лицом на север»* (1987), А.Т. Жилов *«Колесо истории»* (2000), *«Маленький ажигафа»* (2000), А.Б. Колкутин *«Игроки»* (1993), *«Борис и Глеб»* (1995) и др.) также подвергается влиянию мировых тенденций в искусстве, направленных как на экспериментальный синтез, так и на поиски индивидуальной творческой манеры.

Жанровый синтез и интеграция изобразительно-выразительных средств представляет достаточно широкие возможности для популяризации произведений национальной литературы и искусства в средствах массовой коммуникации. Не случайно в культуре КБР особо популярны в настоящий период постановки на традиционные сюжеты, использующие средства пластической выразительности, специфические музыкальные эффекты, демонстрацию национальных обычаев и обрядов, а также посвященные творчеству выдающихся кабардинских и балкарских деятелей культуры (фольклорно-этнографические праздники, дни национальных культур, фольк-шоу, музыкально-поэтические вечера, литературно-музыкальные постановки и др.)¹⁷. Современное искусство, выходя в сферу «гиперреальности» и «гипертекста», одновременно находится и под сильным влиянием этнических традиций (не случайно в научный оборот активно вводятся такие понятия, как «этноживопись», «этнографика», «этностиль», «фолк-дизайн» и др.).

В культуре усиливаются коммуникативные и коммерческие функции художественных текстов, а их заглавия (наименования), с одной стороны, устанавливают контакт с адресатом текста и предполагают его творческое сопереживание и оценку, а с другой – призваны заинтересовать потребителя, привлечь необычным, закодированным названием, в этой связи становятся удачным (или неудачным) PR-ходом. Для современного художественного процесса характерны тенденции к стиранию границ между реалистическими и нереалистическими направлениями в литературе, между интеллектуальной и массовой литературой, между литературными жанрами, между литературой и внелитературной действительностью; теряют силу традиционные представления о гармонии, целостности, органичности, понятности произведения, то есть традиционные представления о художественности. Но сохранилась ли возможность называть современное искусство художественным? Не утрачивает ли оно свою специфику?

Культурологические интерпретации текста фокусируют внимание на историчности всех культурных продуктов и активно разрабатывают стратегию «парадигмы искусства», которая определяется как исторически своеобразный тип художественной ментальности, обладающий особыми – для искусства системообразующими и специфицирующими качествами, позволяющими каждой новой

парадигме изменять понятие художественности. На этой основе художественность становится категорией исторической и универсальной, которая раскрывается в пространстве культуры и меняется вместе с течением социокультурного времени.

«Дорефлексивно-традиционалистское» состояние культуры, по С.С. Аверинцеву, завершается концом «традиционалистской установки как таковой»¹⁸. Новейшая классификация парадигм художественности («внеэстетическая», «эстетическая», «художественная» и «постхудожественная») нацелена на изучение различных сторон единого творческого процесса и формирование доминантных признаков художественности, позволяющих обществу принимать или отвергать оцениваемые объекты в качестве художественных¹⁹.

«Постхудожественная» парадигма искусства основана на множественности, вариативности художественности, тяготея к альтернативно-универсальному толкованию, доминирующему в осмыслении художественных феноменов. «Универсальность» предполагает существование в рамках этой новейшей парадигмы различных, но равнозначных оценок художественной ценности произведений, созданных в разные исторические периоды.

Примечания

1. *Запесоцкий А.С., Марков А.П.* Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 83.
2. *Леута О.Н.* Лотман о трех функциях текста // Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В.К. Кантора. М., 2009. С. 294–309.
3. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. С. 204–205.
4. *Лотман Ю.М.* Текст и функция / Избранные статьи (в 3 т.). Таллин, 1993. Т. 1. С. 141.
5. Там же. С. 142.
6. Эстетика. М., 1989. С. 347.
7. Там же. С. 273–274.
8. *Барт Р.* От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 417.
9. Там же. С. 431.
10. Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1930. Т. 4. / URL: [http: dic. Academic.Ru](http://dic.academic.ru) (дата обращения: 21.10.13.)
11. *Аннаева Ж.М.* У развилки дорог // КБП. 2011. 6 августа.
12. *Гей Н.К.* Искусство слова // О художественности литературы. М., 1967. С. 337.
13. *Катаев В.* Алмазный мой венец. Кишинев, 1986. С. 12.
14. *Кажарова И.А.* Противоречивость идеала в кабардинской поэзии 1940–50-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26). В 3 ч. Ч. 2. С. 85.
15. *Базиева Г.Д.* Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтничном пространстве России. Нальчик, 2010. С. 163.
16. *Узденова Ф.Т., Сарбашева А.М.* Современная балкарская литература: основные тенденции развития // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 5. С. 147.
17. *Базиева Г.Д.* Глобализационные процессы и художественная культура Кабардино-Балкарской Республики // Кавказ и глобализация. 2013. Т. 7. Вып. 3–4. С. 118.
18. *Аверинцев С.С.* Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 7.
19. *Рубцова Е.В.* Историчность парадигм искусства и проблема современной художественности: Автореф. дисс. ... на соиск. учен. степени канд. филос. наук. Екатеринбург // UR:[http :// 2004/1/9288-rubcova](http://2004/1/9288-rubcova) (дата обращения 15.03.13).

G.D. Bazieva

ARTISTIC TEXT: CULTUROLOGICAL INTERPRETATION

The art text is considered as the important concept reflecting historical and cultural and esthetic transformations in society.

Keywords: art text, national culture, title, text name, artistry paradigms, Kabardino-Balkaria.

Р.Х. Тазиев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Предметом исследования являются национально-смешанные семьи и этническая самоидентификация детей, выросших в таких семьях; роль подобных семейных ячеек в этнических процессах в целом. Отмечается, что межнациональные браки имеют локальные отличия, а интенсивность и направленность этнических процессов в них во многом зависят от конкретной ситуации. Также рассматриваются тенденции развития т.н. гражданского брака.

Ключевые слова: межнациональные браки, однородные в национальном отношении браки, доминирующий фактор, «гражданский» брак, «этнические процессы».

Семья, как известно, несет на себе основную нагрузку в плане социализации подрастающего поколения. Со временем, особенно начиная с 90-х гг. XX в. семейную ячейку, как и другие традиционные институты, настигли кризисные явления, выраженные, в частности, в изменениях показателей роста распадов семьи, унификации многих сторон ее быта – в том числе материальной и духовной культуры – проблемах воспроизводства населения. Правда, полностью отождествлять кризис в экономике и семейной области, очевидно, нельзя. Экономический кризис в России в 90-х гг. прошлого века лишь ускорил негативные процессы в семейной ячейке. Об этом, в частности, свидетельствует факт, что институт семьи в развитых странах Европы и США претерпел заметные изменения в условиях сравнительной экономической и политической стабилизации¹. Поэтому основной причиной деформирования семейной ячейки, очевидно, стоит считать влияние всемирной глобализации, являющегося основным детонатором подрыва ее основ. Именно последнее обстоятельство (влияние глобальных процессов) в определенной степени делает сомнительным вероятность реанимации традиционной семьи в полном объеме после преодоления экономических кризисных последствий в стране (как известно, с начала нового столетия Россия не только преодолевает кризис, но и выходит на новый экономический уровень).

Имея в виду кризис семейной ячейки в целом, очевидно, стоит учитывать региональные особенности данной проблемы. Так, в Северо-Кавказском регионе, в частности КБР, «...семья у кабардинцев (у балкарцев. – Р.Т.), несмотря на ее сильную трансформацию и кризис семейных ценностей, все же сохраняет традиционные и важнейшие функции воспроизводства населения, трансляции этнической культуры, социализации личности и обеспечения витальных потребностей человека»². Примерно подобных позиций по отношению к семейной ячейке пока занимает и молодое поколение республики. Социологический опрос на данную тему выявил, что «семья и сегодня является одной из важнейших жизненных ценностей»³.

Правда, у исследователей данной тематики в оценках состояния современной российской семьи встречаются мнения довольно противоречивого характера. Например, с одной стороны, признается, что современные отрицательные явления семейной ячейки – уход от регистрации брака, разводы – не избавляют супругов от решения существующих проблем, а, напротив, приумножают их,

«... неофициальные, а также неполные семьи живут в худших семейных условиях, чем официальные и полные, доходы их оказываются ниже ... Решение возникающих противоречий между супругами в «осколочном варианте» происходит не с меньшими, а с большими затратами нервной и физической энергии»⁴. В то же время исследователи (нередко одни и те же) считают, что модель неполной (в том числе малодетной и незарегистрированной) семьи «...объективно более соответствует постиндустриальному обществу с его социальной мобильностью, высоким уровнем развития научных и промышленных технологий, информации, а значит, и большим значением профессионализма, трудно совмещающимся с выполнением семейных обязанностей»⁵.

Возможно, такая постановка проблемы заслуживает внимания и, очевидно, может иметь место в первом или, как максимум, втором поколении указанного варианта семейной структуры. В последующих поколениях, отставание в материальном (жилищном) плане, в области воспитания и социализации детей (нередко приводящие их к более высокой восприимчивости к отрицательным явлениям в области быта – алкоголизму, наркомании, аморальному поведению, криминализации), очевидно, будут сказываться на успешном жизненном (в том числе и профессиональном) продвижении членов, особенно подрастающего поколения, подобной семейной модели. Естественно, в каждом правиле есть свои исключения, и речь, понятно, идет об основных параметрах бытия рассматриваемой семейной структуры.

Несколько в ином ракурсе стоит рассматривать модель – смешанную в национальном отношении структуру семейной ячейки. Здесь, в первую очередь, актуализируются (имеется в виду вариант ее полной модели) не материальный ее уровень и эффективность воспитательного процесса, а иные моменты ее бытия. С одной стороны, подобная семейная структура также не защищена от отрицательных явлений современности. С другой, в национально смешанных семьях наиболее злободневны следующие моменты:

- определение языка общения;
- становление определенных (специфических) черт культуры;
- определение детьми своей этнической принадлежности.

Природа межэтнических браков, как впрочем, и всякое явление, имеет свои плюсы и минусы. Достоинства и негатив брачных союзов указанного вида в большой степени зависят от конкретной ситуации – этнического состава окружающего населения; общей численности и исторического прошлого народов, из которых происходят супруги; генофонда и, наконец, личностных качеств брачующихся.

При таком оценочном подходе можно рассмотреть возможные варианты положительных сторон (и наоборот) неоднородных в национальном отношении браков.

При совпадении всех благоприятных обстоятельств в выигрыше остаются оба супруга и семья в целом – контактирующие культуры дополняют друг друга; знание нескольких языков; обогащение пищевого меню и т.д.; в невыгодном положении оказывается один из супругов, дети не знают (не признают) язык, национальные традиции и национальную принадлежность одного из родителей; дети не становятся здесь носителями национальных традиций обоих супругов и этническая трансмиссия практически отсутствует.

Подобная семья (имеется в виду при отсутствии благоприятных обстоятельств) в целом менее, чем однородная, защищена от многих негативных явлений современности. К конфликтным ситуациям в бытовом плане добавляются противоречия на этническом уровне, что вкуче играет далеко не положительную роль в процессах воспитания и социализации подрастающего поколения.

Межнациональные браки в целом характеризуются многосторонними, в том числе и специфического характера, связями. Характер связей фактора

межнационального супружества имеет как равновеликие, так и подчиненные (второстепенные) уровни, например, наличие доминирующего или подчиненного фактора. Указанное явление, как правило, характеризуется локальными отличиями. Например, отдельные исследователи культуры и быта народов Поволжья отмечают, что в условиях городов Удмуртии на первый план выдвигается средство устной коммуникации – соотношение языка внутрисемейного общения (удмуртский, русский). Иные связи в межнациональных браках, в том числе материального и духовного порядка, в указанном регионе имеют второстепенное значение и выступают не в прямом, а в опосредованном виде⁶.

В других регионах доминирующий элемент характера связей, наблюдаемый в межнациональных браках, может меняться. Например, в областях численного превосходства местного населения, вследствие чего один из супругов не коренной национальности довольно быстро усваивает язык окружающего населения и, как правило, использует его в общении с домашними, могут проявляться иные, в том числе, материального характера факторы – например, изменение пищевого рациона – (увеличение его разнообразия,) привнесение особенностей в одежде, а в области традиций – ослабление обычая избегания и т.п. Здесь, очевидно, в отличие от «поволжского» опыта, характеры связей в межнациональных браках могут не только меняться, но и иметь примерно равновеликие значения. Поэтому интенсивность и направленность этнических и культурно-бытовых процессов, протекающих в межнациональных семьях, во многом зависят от конкретной ситуации⁷.

Большие по численности народы нередко используют межнациональные браки как средство ассимиляции менее малочисленных. Многие императоры Древнего Китая поощряли межэтнические браки именно с этой целью.

Численно превосходящее иноэтническое окружение, совпадающее с принадлежностью одного из супругов, способствует ассимиляции потомства уже в первом (втором) поколении даже гораздо менее многочисленными, чем китайцы народами. Например, в сельских местностях Узбекистана невестки не коренной национальности, уже через сравнительно короткое время, при речевых контактах с окружающими, как правило, чаще используют узбекский язык.

Иное положение в регионах, где коренное население составляет меньшинство (в доле эквиваленте) населения. Например, в автономных республиках Поволжья и других, в том числе и национальных округах, наблюдается противоположная вышеуказанному этнокультурная ситуация. Фактическое игнорирование интересов народов, антиисторические установки на скорейшее механическое слияние всех наций и народностей страны, подстегивание естественно-исторических процессов, отождествление национального с националистическим, интернационального – с безнациональным – отрицательно сказываются на судьбах (особенно немногочисленных) народов страны. Например, «ряд проблем, связанных с перспективой развития этноса, ставит современное положение городских удмуртов... Город является мощным фактором их ассимиляции... Преобладающее иноэтническое окружение ограничивает функционирование удмуртского языка домашней средой, но и здесь лишь между лицами старшего поколения»⁸. «В городских семьях 87 % детей от смешанных браков удмуртами себя не признают. Возникновение национально-смешанных семей – это результат интенсивных межэтнических отношений. Такие семьи, вызывая определенные изменения в быту и сознании, выступают как фактор ассимиляции удмуртов»⁹.

Подобные процессы (кроме поволжских)¹⁰ можно отметить и в других республиках (Карелия, Коми), и национальных автономных округах. Например, отдельные исследователи культуры и быта поволжских народов отмечали отсутствие у них, особенно у удмуртов, характерного для народов в целом чувства национальной гордости. Наличие подобного комплекса неполноценности в

этническом плане отмечали еще дореволюционные авторы: «они (удмурты. – *Р.Т.*) стесняются своей национальности, своих обычаев»¹¹.

В упомянутом удмуртском примере характер связей в указанных видах семей практически не имеет равновеликих значений в силу явного языкового доминанта одной из сторон. Указанное явление объясняется не только отсутствием в других областях культуры удмуртов и русских (традиции, материальная сторона) одностороннего, явного превосходства, а во многом благодаря указанной языковой доминанте, когда через русский язык происходит двойное давление на представителя удмуртского этноса – изменение ментальности. Данный процесс в достаточной степени взаимосвязан. Высокая шкала владения русским дает возможность горожанину удмурту «избавление» – по его убеждению – от своего «непрестижного» языка народа. Феномен указаний последним опирается на самооценку подавляющего большинства удмуртского этноса (как впрочем, большинства коренных народов Поволжья) как второсортной национальности¹².

Наряду с указанными регионами, где этнические (национальное самосознание) и языковые ситуации в достаточно большой степени взаимосвязаны и взаимообусловлены, имеется ряд автономных республик и областей, занимающие промежуточное положение между подобными территориями, т.е. зоны более замедленного и менее интенсивного протекания этноязыковых процессов, например, Северо-Кавказские автономные республики, а также особенно – Башкортостан и Татарстан.

Связь между степенью наличия национально смешанных семей и интенсивностью межэтнических отношений, как правило, имеет неоднородную направленность. Например, увеличение доли подобных браков в свою очередь (особенно у малочисленных народов) ускоряет межнациональные и ассимиляционные процессы (в том числе в области языка и этнического самосознания)

Если, например, в городах республик Поволжья за языковой ассимиляцией коренного населения довольно быстро следует этническая, то в указанных выше регионах ассимиляционные процессы (в том числе смена национальной принадлежности) в среде местного населения, как правило, проходит несколько этапов.

Этнические процессы, в том числе обусловленные наличием неоднородных в национальном отношении браков, например, в республиках Северного Кавказа и Поволжья, имеют свои сходства и отличия. В городских условиях этих регионов прочные позиции русского языка, как правило, еще более усиливаются в межнациональных семьях. Городское подрастающее поколение сравнительно слабо (за исключением вайнахских и дагестанских народов) в подобных (и не только) семьях знает родной язык. Однако в отличие от некоторых национальных территорий страны смена языка здесь (в СКФО), за небольшим исключением, не приводит к смене этнической принадлежности в первом, а нередко и во втором поколениях. При этом самоидентификация национальной принадлежности подростками нередко происходит «по чисто прагматическим соображениям или представлениям о престижности той или иной этнической принадлежности»¹³. Данное явление объясняется наличием в северокавказских республиках сравнительно устойчивого национального самосознания. Например, в отличие от некоторых указанных регионов здесь пока не отмечается массовой «установки» избавляться – путем смены этнической вывески – от своего «непрестижного» народа. Вследствие этого в Северо-Кавказском регионе межнациональные браки пока не способствуют быстрой этнической ассимиляции коренного населения (особенно в первом поколении). Учитывая наличие традиции – имевшей место еще в недавнем прошлом – более частая межнациональная брачность мужчин,

чем женщин (дети, как правило, принимали национальность отца) они, как правило, приводили не к уменьшению, а наоборот, увеличению численности коренного населения, особенно в первом поколении. Иное дело, что отсутствие лингвистических знаний (недостаточное владение) в области родного языка часто способствует (тем более, если один из родителей не коренной национальности) изменению менталитета индивида, что, очевидно, подготавливает почву для последующей ассимиляции его потомства.

Таким образом, у коренных народов Северного Кавказа (в том числе и КБР) наблюдается отсутствие жесткой зависимости между степенью владения родным языком и процессами этнической ассимиляции. Данное явление объясняется наличием здесь сравнительно устойчивого национального самосознания.

Соотношение однородных и межнациональных браков в этническом плане помогает пониманию задач выявления ориентаций населения на меж- или внутринациональные контакты в одной из сравнительно консервативных сфер нашего бытия (семье).

Отдельные исследователи одним из основных факторов роста межэтнических браков считают ослабление влияния на индивида традиционных родственных и соседских связей. Наличие многочисленной и сплоченной родни как фактор, сдерживающий рост межнациональных браков, очевидно, сложно отрицать, хотя здесь могут быть и свои исключения. Во-первых, стоит учитывать ментальность такой родни, в том числе и ее этническую самооценку (например, можно допустить, что родственники из среды немногочисленных народов, в том числе и из числа выше рассмотренных поволжских республик, чаще не будут против брака родственника, к примеру, с представителем русской национальности, считая такой брачный союз даже престижным). Во-вторых, как верно отмечают отдельные исследователи, в среде даже самых сплоченных народов встречаются т.н. этнические маргиналы (т.е. индивиды, отклоняющиеся от стандартов социального поведения, принятых в его этносе). В-третьих, при всех равных условиях, на долю заключаемых межнациональных браков оказывает влияние национальный состав окружающего населения.

В последнее время, наблюдается рост числа официально не зарегистрированных браков, которые в прошлом – особенно до Октябрьской революции – были практически невозможны. На обыденном уровне неформальные браки именуется «гражданскими», что фактически не соответствует действительности, хотя отдельные исследователи, очевидно, не против данного словосочетания в указанном научно-терминологическом понимании¹⁴.

Понятие «гражданский» брак появился в России из Западной Европы еще в середине XIX в. и был в основном связан с женским вопросом (либертанскими идеями). Практическая реализация данных идей имело место в России спустя примерно столетия. В начале XX в. в стране впервые были отмечены т.н. гражданские браки – сожительство молодых людей (как правило, в городах) без венчания в церкви. Уже в то время термин «гражданский» брак не был адекватен действительности, так как под ним подразумевается бракосочетание в светских (государственных) учреждениях, без практического участия церкви (венчания).

После Октябрьской революции смысл понятия «гражданский» брак меняется. Теперь так называют брак, заключенный в специальных учреждениях без участия церкви (что в целом отражает реальное положение вещей). Начиная примерно с последней трети XX в. словосочетание «гражданский» брак вновь меняет свое значение. Теперь он, как и в начале XX в., обозначает проживание людей противоположного пола без законной регистрации брака.

Кроме понятия «гражданский» брак, который по смыслу, очевидно, менее всего отражает подобный вид совместного проживания полов, в данной области научной проблематики имеется достаточно разветвленная терминология: «сожительство», «незарегистрированный (нерегистрируемый) брак», «свободный

брак», «неофициальный брак», «фактическая семья». Кроме того, отдельные исследователи данной тематики предлагают термин «нелегитимный брак». Какой из этих терминов составит (или нет) альтернативу неадекватному понятию «гражданский» брак, покажет время.

Определенная дифференциация (довольно условная) наблюдается и внутри подобных совместных проживаний индивидов: а) простое сожителство – без наличия (ведения) общего хозяйства; б) свободный брак (с наличием общего хозяйства, но с отсутствием детей); в) фактическая семья (с наличием общего хозяйства и детей).

Таким образом, теоретическое обоснование отдельными исследователями тенденции роста числа незарегистрированных брачных пар в виде процесса разделения института брака и семьи не вполне соответствует действительности, потому что далеко не все свободные брачные пары (а таковые в настоящее время составляют 10 % взрослого населения страны¹⁵ со временем образуют фактическую семью. Часть исследователей одним из основных появлений предпосылок «свободных браков» указывает на западное влияние. Другие, наоборот, послереволюционные 20-е гг., характеризуют периодом ухода старого брака при отсутствии новых его форм)¹⁶. А систематическая пропаганда советской властью равных прав мужчин и женщин и необходимость вовлечения последних в профессиональную деятельность, мол, приводила к большей свободе во взаимоотношениях полов, что отражалось и на формах заключения брака. Глашатаем новых семейно-брачных отношений была А.М. Коллонтай, фактически первая предложившая идею разведения понятий «брак» и «семья»¹⁷.

И все же Советская власть не признала свободные формы семейно-брачных отношений, в том числе и коллективные ее формы (многоженство, многомужество). В 1926 г. был принят новый Кодекс о браке, семье и опеке¹⁸, в сравнительном плане бывший в отличие от идей А.М. Коллонтай довольно аскетическим и более напоминавшим 12 половых заповедей пролетариата А.Б. Залкинда (психоаналитика, т.н. врача партии)¹⁹. Правда, в новом Кодексе одна из идей А. Коллонтай все же получила свое воплощение. Речь идет о правовом признании (наряду с зарегистрированными) т.н. фактических браков.

Таким образом, отношение в стране к незарегистрированным бракам менялось следующим образом: дореволюционное – резко отрицательное; 1917 г. (после секуляризации брака) – 1926 гг. – сравнительно либеральное к ним отношение; 1926–1944 гг. определенное ужесточение брачного кодекса, но с правовым признанием фактической семьи. С 1944 г. по настоящее время – фактическое супружество в России не имеет юридического признания²⁰.

Система определенного государственного регулирования семейно-брачных отношений при наличии отдельных ее минусов в областях, касающихся личной свободы и демократии, в целом, несомненно, имеет более плюсов в плане укрепления семейных устоев и социализации молодого поколения. Но крайних позиций не удалось избежать и здесь. Если в дореволюционном прошлом государство не считало для себя зазорным регулирование (вмешательство) в отдельные стороны семейной ячейки, например, «...по закону 1721 г. иноверец ... желающий вступить в брак с исповедующей православие, должен был принять российское подданство и дать письменное обязательство «не совращать супруга в свое вероисповедание, а родившихся от этого брака детей крестить и воспитывать в греко-российской вере»²¹, то в новом семейном кодексе (1995 г.) государство и в вопросе сохранения брака пошла более «демократическим» путем²².

Подобные изменения (в сторону демократизации в вопросах брачно-семейных отношений) были осуществлены в свете новой социально-экономической и политической ситуации в стране. Правда, несмотря на демократизацию общественной жизни, очевидно, государство не должно самоустраняться в вопросах влияния и регулирования на институт брака, семьи и пускать подобные

процессы на самотек. Последующие события показали, что семья в целом уже не в состоянии самостоятельно противостоять нарастающим негативным процессам. Например, во времена становления демократии в стране (1989–1993) «...число вновь заключенных браков сократилось почти на четверть (число же разводов при этом увеличилось на 14 %)»²³.

В то же время во многих странах мира государство прилагает заметные усилия для регулирования семейно-брачной и демографической ситуации. Например, как известно, в Испании и Португалии до недавнего времени были запрещены аборт и очень затруднена процедура разводов. В других странах под определенным контролем государства находятся демографические вопросы, например, в Китае – в сторону ограничения рождаемости; в иных – Франция, Германия, Израиль и др. – увеличения численности населения.

Ухудшение (примерно с 1990 г.) демографической ситуации в стране (в том числе и КБР) со временем вызвало серьезную обеспокоенность государства и различных общественных сил (в том числе религиозных организаций). Вопросам брака и семьи после указанного периода стало уделяться гораздо большее внимание как в СМИ, так и в научной литературе. Религиозные организации страны (в том числе исламское руководство КБР) так же держало эти вопросы в поле своего зрения, хотя РПЦ проявляло в данном вопросе большую активность, в том числе и на уровне собственных съездов. Например, в 2000 г. на архиерейском соборе были обсуждены и приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»²⁴, где в числе других были рассмотрены вопросы браков, разводов, внебрачных половых отношений.

Несмотря на усилия религиозных организаций в вопросах укрепления семейно-брачных отношений населения, морали в целом, во многих слоях общества наблюдается определенная неудовлетворенность недостаточно активной позицией религиозных организаций в плане противодействия популяризации эротических программ (реклам) в средствах массовой информации страны, хотя силы (с одной стороны, в лице поступательных процессов всемирной глобализации и с другой – различных общественных институтов) в целом не равнозначны.

Таким образом, интенсивность и направленность этнических и культурно-бытовых процессов, протекающих в межнациональных семьях, во многом зависят от конкретной ситуации, где немаловажную роль играют соотношение численности и престижности народов и языков (главным образом в глазах окружающего населения), представителями которых являются супруги, и их личностные качества.

Примечания

1. *Носкова А.В.* Семейная тематика в Европейской социологии // Социологические исследования. М., 2012. № 3. С. 26.
2. *Сабанчиева Л.Х.* Кабардинская свадьба: архаичные и современные мотивы // Исторический вестник. Т. VIII. Нальчик, 2009. С. 226.
3. *Тхамокова И.Х.* Семья глазами студентов г. Нальчика: Сборник научных статей Института социальных исследований. Назрань, 2010. С. 120.
4. *Карцева Л.В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. М., 2003. № 7. С. 98.
5. Там же. С. 99.
6. См. подробнее «Народы Поволжья и Приуралья». М., 2000. С. 519.
7. *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная семья у армян. М., 1972. С. 120.
8. Народы Поволжья... М., 2000. С. 516.
9. Там же. С. 517.
10. *Христоролюбова Л.С.* Семья и семейный быт // Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000. С. 463.

11. Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Удмурты // Народы Поволжья и Приуралья. М., 1985. С. 104.
12. Но пока удмурт лучше владеет родным, чем русским (как правило, в сельской местности), а тем более владеет последним относительно слабо, ему психологически сложно сменить национальную принадлежность. Подобная преграда в городах Удмуртии для смены этнической вывески исчезает
13. Тхамокова И.Х. Национально смешанные браки и этническая самоидентификация // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Элиста, 2009. Ч. I. С. 429.
14. Багданова Л.П., Шукина А.С. Гражданский брак в современной демократической ситуации // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 101. Стоит отметить, что данные исследователи в курсе исходного (в современном понятии не вполне адекватного) происхождения указанного термина.
15. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С. 29.
16. Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу (Письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. М., 1923. № 3. С. 110–112.
17. Носкова А.В. Указ. соч. С. 27.
18. Пушкарева Н.А., Казмина О.Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. М., 2003. № 4. С. 68.
19. Залкинд А.Б. Революция и молодежь. М., 1924. С. 65. *Он же*. Половой вопрос. М., 1930. С. 252–253.
20. Косарева И.А. Квазибрак: Проблемы и перспективы. // Государство и право. М., 2010. № 5. С. 70.
21. Киселева И.Т. Круг брачных связей хэванских ижор // Этносы и этнические процессы. М., 1993. С. 231.
22. Семейный кодекс Российской Федерации. М., 1996. С. 8.
23. О положении семей в Российской Федерации. М., 1994. С. 11.
24. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень отдела внешних церковных связей Московского патриархата. М., 2000. № 8. С. 56, 65–66.

R.H. Taziev

SOME ASPECTS OF MODERN RUSSIAN FAMILY'S DEVELOPMENT

The subject of this work is national mixed marriages and ethnic self-identification of children grown in such families, the role of such family cells in ethnic processes as a whole. It is noted that international marriages have local differences but the intensity and the sense of ethnic processes in them deepened upon concrete situation much. Also considered the tendencies of development of so called «civil» marriages.

Keywords: international marriages; nationally homogeneous marriages, leading factor, «civil» marriage, ethnic processes.

УДК 811.352.3

Баклуу Хь.И.

АДЫГЭБЗЭР: ДЫГЪУАСЭ, НОБЭ, ПЩЭДЕЙ

В статье рассматриваются проблемы сохранения и развития родного языка адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов), живущих на исторической родине и в зарубежных диаспорах. В ней предлагаются некоторые рекомендации по вопросам создания единого литературного языка для всего этноса.

Ключевые слова: терминология, литературный язык, эпитет, порядок слов, комиссия, конференция, наука, языкознание, методика, анализ, глобализация.

Хэти зэрищIэщи, цIыхум дунейм щилэжь псори зезыгъакIуэ акъылым и лъабжьэр бзэрщ, ар зэрыгупсысэр псалъэкIэщ. Абы гъащIэм щилэ мыхьэнэр къэлуэтэгъуейщ. Петр Езанэм Урысей ЩIэныгъэ академиер къыщызэлуихым итха указым япэу зи цIэ ирилуар бзэрщ, ар джныр, егъэджныр, тхылъхэр щызэрадзэкIынуур и гусэу. Нобэ щалъхуа хэкум къина адыгэхэми хамэ къэрал диаспорэм щыпсэухэми нэхъ зыхащIэ хуащ анэдэлъхубзэр зэралэщIэкIыр. Абы иригузавэр хэхуэ зэпытщ. Адыгэбзэм щытопсэлъыхьыр газетхэм, радиом, телевидением, парламентхэм, школахэм, университетхэм. Утыкум къыхахэщ адыгэбзэм, литературэм я IэщIагъэкIэ пэжыжьэхэри. Ахэми я жагъуэ щIын хуейкъым, фIы ягу ильщи, лъэпкъым и луэхум ирогузавэри, ауэ зыщыгъэгъупщэн хуейкъым хамэ псалъэжьыр: «Жыхьэнэм узышэ гъуэгур мурадыфIкIэ сеящ» жыхуилэр. Абы къыкIыр фIы пщIэуэ къыпфIэщIурэ зэран къызэрыпхьыфынуурщ. Адыгэбзэм пыщIа луэхухэм, лъэпощхьэпыхэм я унафэ зыщIыфынуур уэрамым деж щытепсэлъыхьэхэрауэ къыщIэкIынкъым, атIэ IэщIагъэлхэмрэ къэрал къулыкъуэщIэхэмрэщ. ЧэнджэщакIуэхэр куэдылуэ мэхур.

Ильэс щитI ипэкIэ псэуа си адэжь Баклуу Алий (абы и цIэр зэрехэ Хьэгъундыкъуей и ижырбагъумкIэ узылуллэ «Баклуулий» мэзым) и бынхэм яжрилуэ ялуэтэгъыр: «Зыми фи чэнджэщ евмыхьэлIэ, Iейуэ къывэмыллэлуауэ». А псалъэхэм себэкъуэн къысхуихуащ, сыту жыпIэмэ нобэ адыгэбзэмрэ литературэмрэ щытыкIэ гузэвэгъуэ ихуащи, ар си IэщIагъэщи, ильэс куэд хуауэ щIакхуэ Iыхьэ къырызолэжьри. Адыгэбзэм сыхуеджащ, ар щезгъэджащ ищхьэ еджапIэм ильэс бжыгъэкIэ. Университетым щезгъэджащ урыс литературэр, хамэ къэрал литературэхэр, теориер. Абыхэм гугъу садехьащ, щIэпщыкIынуур хуей хуащ тхылъыщэ бжыгъэхэр, ауэ псом нэхэрэ сызэлIэлIэн хуей хуар адыгэбзэр егъэджэнырщ. Щхьэусыгъуэр куэдщ: адыгэбзэр зэраджа, къызэрахута, ар зэрегъэджен хуей лэжыгъэхэр щIэчу зэрытхар урысыбзэщ, ахэм я нэхьыбэм зыкIи зэтемыхуэ урысыбзэмрэ адыгэбзэмрэ я принципхэр щызэхэгъээрыхьащ (псом хуэмыдэу синтаксисым деж), терминологиём и нэхьыбапIэри, «точкэм» деж къыщыщIэдзауэ «приложенэ», «определенэ» жыхуилэм щыщIэкIыжу къызэрагъэщIар хамэбзэщ. УзыгъэбэмIэн нэгъуэщI щхьэусыгъуи щыIэхэщ. Пэжщ, термин псори адыгэ псалъэ пхуэщIынукъым, ауэ адыгэ тхыбзэр щаухуэу яджынщыщIадзам абы елэжьахэм зыкъомкIэ ягъэщ адыгэбзэ мащIэ терминологиём зэрыхьащ. Бзэм щIэуэ термин къыщыыхьэкIэ ар зыфIэмыкъабылхэр къыкъуэжIынуурщ. Псалъэм папщIэ, Карамзин «Промышленность» псалъэр япэу

кышцигьэсэбэпам дыхьэшхэн ящлат. Нобэ а псалъэ хьэлэмэтым и кьуэпсхэр шиукьуэдиящ урысыбзэм. Тегушхуауэ икИ фЫуэ егупсысауэ къэштапхьэщ псалъэщлэхэр, хьэрэм щЫн хуейкьым бзэм хзэгъа хамэ псалъэхэри.

Бзэм и лэжьэклэм, и зыужьыклэм, егьэджэным кьыдэклэуэ Гуэху зэхэмыбзхэм пыщлаэхэм я гушцыгуж шынагьуэ ин кьыкьуэклащ иужьрей ильэсхэм. Ар зи Гуэужьыр «Глобализацэ» жыхуагэ дунейпсо экономикэм щытепщэ псэуклэрщ. Мыр нобэ кьэжьа Гуэхукьым. Ллэщыгьуэ зыбжанэ хьуауэ кьэралхэр зэпэщлэтщ, зонькьуэкьур хэт и экономикэр, и Гуэхузехьэклэр япэ ищын жалэу. Бзэри, литературэри, культурэ псори зыкьомклэ экономикэм и жьауэм щлэтщ. Нобэ Америкэм и «жьэгум» кьышоуджыр ахьшэ зиГэ псори. Дунейм тепщэ шохьур инджылыбзэри. 1918 гьэм нэсыху «дунейпсо бзэуэ» кьалгытэрт французыбзэр (Париж культурэм, модэм и хьэмтетыгьуэти), ауэ Великобритание Империем, итлэнэ Америкэм я экономикэм я фЫшцлэклэ инджылыбзэр тепщэ хьууэ щлэдзаш. Я пщлэр нэхь ин хьуащ испаныбзэм (щыху мелуан 500-м нэс иропсалгэр кьэрал 23-м), нэмыщбзэм, урысыбзэм, китаибзэм, ауэ адрей дунейм тет бзэ минихым нэсым я кьэклэунур нэщхьэягьуэщ. Нэхьыбэр клэудьжынуш. Абыхэм яхэтщ адыгэбзэри.

Сыт ди Гэмал апхуэдэ шынагьуэм дыпэщлэтынклэ, сыт хуэдэ лэахьыгьэ кьэдмыгьэсэбэпу блэдгьэклэ пасэм, сыт и махуэ нобэ адыгэбзэм, сытклэ хуэхьэзыр пщэдэй гьашцлэм? А проблемэхэм теухуауэ сыкьыщыпсэлгьаш щлэныгьэ конференц зыбжанэм ди кьэралми (Налшык, Грознэм, Назрань, Мейкьуапэ, Теберда, Владикавказ) ди лэпкьэгьухэр щыпсэу Тыркуми (Анкара, 2003), Иорданми (Амман, 2008), сыхэтащ бзэм теухуа комиссиени. Абы кьыша гупсысэ гуэрхэр утыкум кьыслэхьэнэ сфлэигьуэщ. Акьылзэхэдзэм сэбэп кьышэ хабзэщ. Гуэхуеплгыклэ пэжыр уафэм кьехуэхьыркьым, атлэ ар убзыхуа щыхьур апхуэдэ конференцхэм щлэныгьэлхэр щызэдауэрэ, зэчэнджэщхэрэщ. Гэщыб щлэны хуейкьым бзэм хуемыджэхэм жалэри – адыгэбзэр лэпкьым и щыху псоми я зэхуэдэ мылькуш, апхуэдэу щытми, жалэ псори лэпкьым сэбэп кьыхуэзыхьыну флэщ щлэныгьуэщ. Абы и шапхьэ зыбжанэ пыщлащ ди алфавитым ильэс Гэджэ хьуауэ иращылла псалъэмакьыр. Ар зэм мэувылэр, итлэни кьалэтыжыр хэкум ис адыгэ гуэрхэми, хамэкьэрал щыпсэухэми. Аращ сэри мы тхыгьэм деж куэдрэ жысла гуэрхэми кьытезгьэзэжу сыщытепсэлгыхьыр. Уи жагьуэ зэрыхьунши, кьыдэдауэхэм кьащохьур хьэрф зэгуэтхэр ди бий нэхьыщхьэу, ахэр димылэжмэ псори «насыпыфлэ» дыхьуну.

Тхыбзэрщыхум щлэуэ кьигупсыса ехьуллэныгьэ нэхь ин дыдэу кьэлгытапхьэщ, ар йофлэклэр моторми, кхьухьлэагэми, ракетэми, телевизорми. А хьугьуэфлэныгьуэр адыгэм гувауэщ кьашыларыхьар, аращ ди тхыдэри нэсу, пэжу джа щлэмыхьуари, кьэрал щлэдмыхуэфари. Адыгэхэр тхыбзэ кьызэрагьэпэщыну куэд дыдэ щлауэ щлэхьуэпсырт икИ хуэхьэзырт, ауэ сыт щыгьуи зэран хьурт зауэ клэ зимылэжхэр, ахэм кьуажэхэр зэхэзехуэн ящлырт, я псэуклэр, щыплэ щыпсэухэр яхьуэжырей хьурт. Аращ ди псуэалгэхэри «тырлыку» архитектурэм хуэзыгьэклэуари (а зэман дыдэм адыгэ ухуакьуэхэм унэ гьуэзэджэхэр хамэхэм деж шащлырт: Египетым, Украинэм, Урысейм). Зэман жьыжэм адыгэхэм тхыбзэ ямылами хамэ тхыбзэ кьагьэсэбэпырт. Доминиканым щыщ Юлиан 1340 гьэм адыгэхэм я деж щыла нэужь итхыжащ: «Князь и народ называют себя христианами, имея греческое писание и греческих священников» (Адыгэ энциклопедие. М., 2006, н. 687). Иужьрей лээхьэнэхэм кьагьэсэбэпащ татархэм, хьэрыпхэм, урысхэм я тхыбзэр, ауэ адыгэбзэм и тхыбзэр яхуэу щыщладзар епщыкьубгьуанэ ллэщыгьуэрщ, уеблэмэ еджаплэ зыбжанэм, Ставрополь дэга гимназием (Бырсей У.) адыгэбзэр шрагьэджырт. Куэдым, цыхубэм ящлэу, иритхэу, яджу щыхьуар Совет лээхьэнэрщ.

Псоми зэрэщлэщи, тхыбзэр кьызэрежьэр алфавитырт. Адыгэхэм нэхьэрэ нэхь алфавит куэд еплэа лэпкьэ щлагьуэ щылэу кьыщлэахьыркьым. Епщыкьубгьуанэ ллэщыгьуэуэм адыгэбзэм и алфавит зэхалгьауэ щытащ: Грацилевский И. (урыс

зэрыбым тету, 1829 гь.), Нэгумэ Шорэ (хэрып зэрыбым тету). урыс графикэм тещыхьа алфавитым елэжьахэщ П. Усларрэ Бырсей Умаррэ), Лопатинский Л. зэхильхьэгъащ «Урыс-Къэбэрдей псалъалъ», «Къэбэрдей грамматикэ» 1891 гь. Хамэ къэралхэм щыпсэу адыгэхэми къахэкIащ адыгэ тхыбзэр къызэрагъэпэщыну пылъахэр. Алфавиту тIу, хьэрфылъэ и гъусэу зэхильхьауэ щытащ 1909–1910 гъэхэм Тыркум щыпсэу Пчыхьэлыкъуэ Мухьэмэд).

Езым я алфавит зэхалъхьат Хьан-Джэрий, ПашцIэ Бэчмырзэ, нэгъуэщI Iэджэми. Абыхэм я гуащIэр кIуэдакъым, ауэ я лэжьыгъэр цIыхубэм хапщэфакъым тхыдэ гущIэгъуншэм и зэранкIэ.

Коммунистхэм нэщIэбжэ куэд къамыхьами, абы фIуэ ялэжьахэр зыщыгъэгъупшэн хуейкъым. Бзэ, культурэ и лъэныкъуэкIэ лъэпкъ псори зэхуэдэ ящIащ, ирагъэкIуэкIащ «культурэм теухуа революцэ», яухуащ еджапIэхэр, библиотекэхэр, театрхэр, институтхэр. Инри цыкIури тхэф-еджэф ящIащ. Адыгэ тхыбзэр япэ щыкIэ траухуащ хьэрыпыбзэм и алфавитым, Iуэхур тращIыхьащ хьэрыпыбзэ зыщIэ ефэндыхэм, къурIэн еджэ дэтхэнэми, къалъытащ ар сэбэп зэрахуэхьунур. Псори хьарзынэу екIуэкIырт, ауэ 1925 гъэм тхыбзэм и графикэр къыщIэудауэ латын хьэрфхэмкIэ зэрахуэкIащ. Абы зыкъомрэ еплъхэри, 1936 гъэм СССР-м ис лъэпкъхэм я тхыбзэр урысхэр зэрытхэ кириллицэм и графикэм траухуащ. Зэман кIэщIым ерагъыу зэрагъэпэща адыгэ тхыбзэр щэнейрэ яхьуэжаш. Абы гугъу иригъэхьащ сабийхэри балигъхэри. Апхуэдэ Iуэху зехьэкIэр аун щидаш и романым адыгей тхакIуэ Iэзэ Еутых Аскэр. ТхакIуэм и персонаж гуэрым гушыIэу жригъэIащ: «Ди къуажэм дэхэр щэнейрэ пщыхьэщхьэкIэ гъуэлыжьхэт тхэкIэрэ еджэкIэрэ ящIэу, ауэ пщэдджыжькIэ къэушхэрт зыми хьэрф имыщIэу».

Иужьрей урыс графикэр шэч хэмылбу политикэм епхат, ауэ кириллицэр нэхъ тегъэпсыхьауэ къыщIэкIащ адыгэбзэм. Кириллицэм иIэ дамыгъэхэр, хьэрфхэр нэхьыбэщ хьэрып тхэкIэм нэхьри, латыным нэхьри. Апхуэдэу щытми, кириллицэм и хьэрфхэр хурикъуакъым адыгэбзэм и макъхэм я бжыгъэм. ХэкIыпIэу къагъуэтахэр хьэрф зэгъуэтхэрщ. Ар тхьэжу къагъуэтакъым е Iуэхум хамыщIыкIу аратэкъым, атIэ зы алфавит системэм и хьэрфхэм уикIмэ проблемэ Iэджи къыкъуэкIынут зэрытрадзэ машинэхэм теухуауэ, тхыль къыдзэыгъэкIхэм я дежкIэ (ахэм къахэхьуэнут компьютер къызэрежьэрэ). Ди тхыбзэм зи къару хэзыльхьа Яковлев Н.Ф. папщIэ Къумахуэ Мухьэдин етхыр: «Ныне действующие адыгские алфавитные системы не такие уж примитивные изобретения. Яковлев был признанным в мире высококлассным специалистом по общей и адыгской фонетике. Может показаться парадоксальным, но адыгские системы письма выгодно отличаются своей системностью от архаичных и трудных систем изображения живой речи письменными знаками во многих старописьменных языках, в том числе английском и французском, в которых один звук может передаваться разными буквами»¹. Абы и щапхьэхэр иужькIэ къэхьынщ. Алфавитыр хьуэжын хуейуэ жызыIэхэр ноби увыIэкъым, хамэкъэралым щыIэ адыгэхэр къатхэ зэпытщ ди институтым, Адыгэ Академием, ахэр арэзыкъым хьэрф зэгъуэтхэмкIэ, абы и щхьэусыгъуэр ящIэркъыми.

Псом япэ къыжыIэпхьэщ адыгэ-абхьаз бзэ гупым макъ дэкIуашэу къагъэсэбэпыр егъэлеяуэ зэрыкуэдыр. Ар зыкIэ бзэм и къулеягъэщ, адреимкIэ проблемэ къэзышэ Iуэхуш. Убыхыбзэм макъ дэкIуашэ фонемэу 80 иIэщ, ар дунейм и «чемпиону» къыщIэкIынщ макъ иIэм и бжыгъэкIэ, куэдкIэ къыкIэрыхукъым абхьазыбзэмрэ абазэбзэмрэ, бжэдыгъу диалектым фонемэ дэкIуашэу 65-рэ хэтщ, адыгей литературэбзэри (кIэмыргуей диалектым тетыр) къэбэрдей-шэрджэсыбзэри макъкIэ пэрытхэм хабжэр. Аращ дамыгъэ мащIэ зиIэ хьэрып графикэри, латыныбзэм и хьэрфхэри адыгэбзэм щIпэмылэщыр.

Адыгэхэм ягъэунэхуа алфавитхэм ди макъхэр кърибгъэлыгъуэну нэхъ хуэкIуэр кириллицэраш. Абы хузэфIэкIащ дамыгъэ лей хэмыхьэу адыгэ тхыбзэр игъэлэжьэн. Зы хьэрф щIэгъэкъуэн закъуэщ лейуэ къыгъэсэбэпар, ар «апостроф»

жыхуэтІэ единицэу тха дамыгээрш. Ар куэд дыдэ и уасэщ. Кириллицэм и тельхьэщ абыкІэ ильэс 90-м щигьуауэ ди кьэралым ис адыгэ мин 800-м нэс абы иритхэхэр. Ар кьуэпс куэдкІэ хыхьащ гьащІэм. А алфавитыр кьагьэсэбэпкІэрэ адыгэбээр шаджыр ику ит еджапІэм, университетхэм, ди куэдщ щІэныгьэлІхэу бзэм елэжьхэр, докторхэр, профессорхэр, университету щым кьыщІагьэжІыр адыгэбээрэ литературэмкІэ егьэджакІуэхэр. Адыгэбээрэ мэлажьэр театру щы (Черкесск, Майкоп, Нальчик). ЩыІэщ методикэм елэжь институту щы, адыгэ кафедрэхэр, тхыль тедзапІэхэр, адыгэбээрэ кьэрал газету щы кьыдокІыр, зиужьащ литературэм, н.кь. А псор ІэщІыб пщІыуэ нэгьуэщІ алфавит утехьэныр льэпкьыр гьэжІуэдыным ухуэзышэ гьуэгуш. А псалъэмакьыр совет зэманым, 90 гьэхэм кьежьа Іуэхуш. КьызырыкІар макь зэгуэт кьызырыдгьэсэбэпырш. Хэкурыс адыгэ гурьхэми ирахьэжьа псалъэмакьым 2003 гьэм кьадежьууэ хуежьащ Тыркум ис адыгэхэри. Псоми зэращІэщи, Тыркум щыІэ диаспорэр нэхь ин дыдэщ, ахэр миллион зыбжанэ мэхьур, ауэ ильэсищэрэ пІыщІым щигьуауэ апхуэдиз цыху хьу льэпкьым хуитыныгьэ иджыри кьэс илакьым и бзэкІэ тхэну, еджэну. Адыгэхэм я бээр яфІэжІуэд хьуащ, псом хуэмыдэу ди зэманым. Иужьрей ильэсхэм Тыркур хэтщ Европэм гьунэгьу зыхуищІыну, и структурэм хыхьэну. Мис абдеж наІуэ кьыщыхьуащ Европэмрэ Тыркумрэ льэпкь политикэм, демократиэм, хуитыныгьэм зэрэпльыр зэрызэтемыхуэр. Кьэрал унафэщІхэм адыгэхэм «хуитыныгьэ Іыхьэ» тІэжІу кьратыну мурад ящІащ, телевидением зэман гур хухахаш, бзэм и Іуэхури утыку кьыхьащ.

2003 гьэм Анкара деж щІэныгьэ конференц ин шрагьэжІуэжІащ адыгэхэм я бзэм и кьэжІуэным теухуауэ, кьаІэтат тхыбзэм и Іуэхур. Урысейм икІы абы дагьэжІуат: Благьуэжь Зулкьарней (Адыгей республикэ), БищІо Борис (Кьэбэрдей-Балькьэр), сэ Кьэрэшей-Шэрджэсым срилІыкІуэт. Абы хэтащ Сирием, Иорданием, Голландием щыщ еджагьэшхуэхэри. Тыркум ис адыгэхэр иувькІат латин графикэм я тхыбээр тегьэувэн хуейуэ. Ахэм жаІэрт: «Ди сабийхэр школым зэреджэ, институтхэм зэрыщеджэ тыркубээр латин графикэм тетщ, ахэм я дежкІэ нэхь тынш хьунуш адыгэбээр а хьэрф тхыкІэмкІэ яджмэ». Мыр узэдаІуэ хьун, кьибдзэ хьун щхьэусыгьуэщ, Тыркум ис адыгэ закьуэм тепщІыхьэмэ. Хьэрып кьэралхэм ис адыгэхэм я дежкІэ хьэрыпыбзэм и тхэжІэр абы я дежкІэ нэхь хуокІуэр. Урысейм и деж кириллицэр тыншщ. Адыгэу кьэрал куэдым икьухьам тепщІыхьэмэ, ахэр зы бзэкІэ псалъэу икІи тхэуэ пщІыжын уи мурадмэ, сыт кьыхэхьыпхьэр? Сэ жысар си гьусахэми, Сириемрэ Иорданиемрэ кьыкІахэми кьыздаІыгьащ, яфІэжІабылащ алфавитыр кириллицэм кьытенэныр.

Тыркум и лыкІуэхэмрэ дэрэ махуищкІэ дызэдэуащ, ахэр латиницэм, дэ – кириллицэм дрительхьэт. Ди ныкьуэжьуэгьухэм я Іуэхур политикэм епхауэ зэрыщытыр наІуэт, ахэм я нэхьыбэр адыгэбээр ящІэми, щІэныгьэлІхэтэкьым, я лэжыгьэжІэ филологием пэжыжьэхэт.

Хамэжьэралхэм щыпсэуэхэм нэсу кьрадзэртэкьым дэ ильэс 90-кІэ зэдгьэпэща литературэм, гьуазджэм, бээр зэрадж методикэм, льэпкь театрым игьэува спектаклхэр, нэгьуэщІ куэд зэрафІэжІуэдынур. УпщІэ яхуэзгьэуващ: ЩоджэнцІыкІу Алий и усэхэр, поэмэхэр зэрывджынур сыт хуэдэ тхыбээр? Тхыль мин бжыгьэхэр зэхьуэжІын Іухум дыпэлэщынукуьым, хэкурысхэм ялэжьа куэд дыдэр хэхэсхэм я дежкІэ сэбэпыншэ хьунут. Ди зэманым латин тхэжІэр «модэ» хьуащ. Кьэзан тэтэрхэри хэтащ абы я тхыбээр трагьэхьэну, куэдри зэдэуащ ар зыдэхэмрэ мыарэзыхэмрэ. ИкІэм икІэжым тэтэр тхыбээр и Іуэхур Кьэрал Думэм нэри, хабзэкІэ кириллицэм кьытранащ, тэтэрым иджыри кьэс филологием шалэжьахэри цыхубэм кьагурыІуэу кьэнэжаш. Кьытезгьэзэжынщи Тыркум щыпсэу адыгэхэм ди алфавитым дагьуэ хуащІым нэхьыщхьэр хьэрф зэгуэтхэр кьызырыдгьэсэбэпырат. Пэжу ар ныкьусаныгьэ цыкІукуьым, ауэ а дагьуэр яІэщ льэпкьышхуэ зыбжанэм я алфавитхэми. Хьэрф зэгуэтхэр кьагьэсэбэп французхэм (Renault – Рено), нэмыцэхэм хьэрфипІкІэ я кьэралым зэреджэ псалъэхэм хэту ятх

«ч» макъыр. Инджылызхэр зэрытхэмрэ къызэреджэмрэ апхуэдизу зэщхьэщокри, езыхэм ауан защыжу псалъэжэ ялэщ: «Манчестер тхамэ, Ливерпулу къоджэ». Ныкъусаныгъэ ин дыдэ илэщ кытайхэ ильэс минитхуклэ зэрытхэ алфавитым (Абы я иероглифыр дамыгъэрэ сурэтрэу зэхэгъэшыпсыхьаш), ауэ абыхэм я щхьэ кыихьэкъым ар яхьуэжыну, сыту жыплэмэ ахэр я блэклам ельэпауэркъым. Гугъу дехьхэу бзэр зэрагъащлэми, тхыбзэр зэйклэ зэпагъэуакъым, алфавитым «сэжыт ищла» щылауи къыщлэжынкъым, курыт еджаплэр къэзыуххэм ящлэн хуейщ иероглиф минрэ ныкъуэрэ. Алфавитыр гъэмахуэ-щымамуэ щыгъынкыым, ар ягу кыихьэху яхьуэжыркыым. Иджырей техникэми идэркъым зы системэм имызагъэ графикэр, дамыгъэ лейхэр, алфавит зэхуэмыдэхэм къыхах дамыгъэхэр зэхэгъэувэныр.

Тыркум щеклуэкла конференцим дгъэзэжынщи, дыщызэгурымылуэм латин зы лъабжэ варианты (30 гъэхэм ди деж щылаам зэхуэжыныгъэ хэтлэхьэри) кириллицэри тлэжы зэдгъэзэхуэжри, ар нэгъуэщлэ варианты тшыри дызэбгъыкыжаш, ауэ ди лъэпкъэгъухэм дайлэлауаш политикхэм емыдалуэу адыгэ псоми нэхъ къащхьэпэн кириллицэм щлэбэнынхэу. Ди гуапэ зэрыхьунщи, ильэс къыкылэжылауэхэм ди еплыклар щыпхрыклаш хамэкъэрал щыпсэу адыгэхэм я деж.

Хэхэс адыгэхэм я бзэр щлэжыдыр зы лажьэр алфавитыракъым, атлэ адыгэбзэр егъэджыныр къэрал луэу зэрымыхьурщ.

Хасэхэм я къаруклэ мы проблемэр зэфлэха хьунукъым. Тыркум деж къуажэхэм дэс адыгэхэм я анэдэльхубзэр нэхъ щыхьума хьути, ари ялэщлэжы. Иужьрей ильэс тлощым ахэр къалэм лэпхьауэхэщ, абы щыхэпхьауэ мэпсэу, щлалэгъуалэм закъуэтлакъуэщ бзэр зыщлэжыр. Адыгэбзэр яджыну хуит ящлами, нобэ сабийуэ 10–12 хуэдиз хьуну класс зэрагъэпэщыфкъым мелуан бжыгъэ хьу адыгэхэм. Къэбэрдейм, Адыгейм икылауэ Тыркум щылауэ егъэджакуэ зыбжанэ, класс гуэрхэри зэхуашэсаш, ауэ хэжыплэ тэмэм къагъуэтауэ флэщ щыгъуейщ. Ари фыщ, «Гугъэр адэжэ щлэинщ», ди лъэпкъэгъухэм гугъэр яфлэбгъэжылуэд хьунукъым.

Хамэ къэралхэм щыпсэухэр фылуэ нэхьыбэщ хэкум къинам нэхьрэ, ауэ абы яшыщу адыгэбзэр зыщлэжыр мащлэ дыдэщ. Сыт абы хэжыплэу ялэр? Ищхьэм зэрыжыслэщи, проблемэр зэлузэпэщ зыщыфынур къэрал зыщыпсэухэрщ. Дэри, Хэкужыым исхэр, защлэджэжынуу, ауэ къэрал еджаплэ, программэ ялэу, кадрхэр ягъэхьэзыру, ахьшэр къэралым тригъэжылуэдэу щымытмэ – адрей псор «нэф гэжэжыщ». Дэнэ къэрал щымыпсэуми, адыгэхэм къалэжыаш апхуэдэ гулыгъэ. Къэрал дэтхэнэми зэхуагъэдэн хуейщ ильэпкъ псори, хуэсакъын хуейщ адыгэбзэми, тыркубзэм, хьэрыпыбзэм хуэдэу. Телевидениемкыла къафэ къэбгъэлагъуэжылуэ адыгэм я бзэри, культурэри хьума хьунукъым икыли зиужыныкыым. Нобэжылуэ адыгэхэр зэрыгушхуэр зыхэс лъэпкъэхэм хуащлахэрщ, генералу хуэзэуахэрщ, тхаклуэу, еджауэ къэрал утыкум ихьахэрщ. Ахэри фыщ, уригушхуэни хуейщ, ауэ дыкызыхэжыла лъэпкъым и бзэр, культурэр тхьумэн щхьэжылуэ нэхъ тегушхуауэ политикэ егъэжылуэжылуэ хуейщ.

Хэхэсхэм ящыщ Къэбэрдейм къокуэр университетым щеджэнхэу, дохутыру, экономисту, юристу ягъэзэжыр. Арщхьэжылуэ адыгэбзэмрэ литературэмрэ хуеджэфын яхэткъым, абы курыт еджаплэм хуеджажыкыми. Адыгэбзэр хэхэсхэм я деж курыт еджаплэм шаджатэмэ, ди университетхэми ищхьэ лэщлагъэ шагъуэтынт. Ягъэзэжмэ, адыгэбзэр диаспорэм деж хьарзынэу щрагъэджынут.

Иджыри зы проблемэ. Хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм сыт хуэдэ адыгэбзэ къыхахыну? Адыгейбзэра хьэмэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэра? Сыт хуэдиз а къэралхэм я бзэр зыщлэжы ис, сыт хуэдэ диалект нэхъ тынш. Абы елытауэ щлалэгъуалэ зы бзэр зыщлэжы хуейхэр унэтлэ хуейщ. Сэ къызэрысфлэщыжылуэ, зы бзэр зымыщлэу къэнахэм я дежкыла къэбэрдей-шэрджэсыбзэр нэхъ тыншу яджыфынуу. Абы хэкужыым исхэм я нэхьыбэр иропсальэр (къэбэрдейхэр, шэрджэсхэр), абы диалект гурылуэгъуей ижыкыым. Нэхъ белджылыуэ диалекту

хэтыр беслэнейр араши, ар кьэбэрдейбзэм шлагуэжкэ кьыщхэщыккыым. Кьэбэрдейбзэм и макхэр нэхь мащцэ. Ар адыгейхэм кьагуроуэр. Кьэбэрдейхэм я дежкэ адыгейбзэр нэхь гугуэщ. Иджыри зы. Налшык кьалэм адыгэ нэхьбэу дэсц, адыгэбзэри нэхь щыхьумащ. Лэныкьуэ псоми егупсысауэ хэпцэ кьэгуэтыпхэщ.

Хэхэсым шыцэхэмрэ зи хэку исыж адыгэ шлагуэалэхэмрэ зэпыщцэ мэхур, зопсалэхэр телефонкэ, смс-хэр зэхуагэхьыр, зэхуотхэр интернеткэ. Гугуэ лей еху кьагэсэбэпыр латин графикэр, инджылыз псалэхэр. Ар хэпцэ хьунукыым. Этносыр зэрыгуэтыжыну хуеймэ, кириллицэр кьэгуэсэбэпыпхэщ. Зэпцэщцэ дыхьуху, глобализацэм нэхь псынщцэу игэкьуэдынуш ди бзэри, ди хабзэри, тхыдэри, литературэри.

Бзэм псынщцэу ихьуэжу илэр и макхэракыым, грамматикэракыым, атлэ лексикэраш, псалэхэраш. Псалэщцэхэр, терминкэ зэджэхэр адыгэбзэм кьышыыхьэм деж егупсысын хуейщ, а псалэр дауэ шылэжэну адыгэ псом я деж. Зы гупсысэр псалэ зэхуэмыдэжкэ Тыркум, Сирием, Иорданием шыпсэу адыгэхэм кьагэсэбэп хьумэ, абы лэпкьыр нэхьри зэпцэщцэ ищцэнуш. Зы шапхэ кьэтхынщ. Мазэхэм зэреджэр. Мы флэщыгэццэхэр махуэ кьэс зыбжанэрэ кьагэсэбэп. Тыркубзэмрэ хьэрыпыбзэмрэ мазыхым я ццэхэр шыцэхуэр. Абыхэм ящыцу зыр – «май» псалэ, гьатхэкум зэреджэр хэтц дунейм шытепцэ бзэ псоми: инджылызми, франджми, нэмыцэми, урысми, тыркуми, хьэрыпми, адыгэм я бзэми. Адыгэхэр мазэ псоми зэреджэр урысым хуэдэ дыдэу кьащтэри иджыри кьэс лэжыащ, зыкыи зэран хьуакыым: январь, февраль. Март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. А псалэ пщыкьутыр Урысейм шыпсэу адыгэ псоми азбару ящцэр, ахэр хыхьащ бзэм, литературэм, шлэныгэм. А флэщыгэццэхэр хэтц дунейм шытепцэ бзэхэми. Зыщыгэгуэпщэн хуейкыым дэ Урысей кьэралыгуэшхуэм и зы лыхьэу дызэрыщытыр, ди шлэблэр курыт еджапцэхэми, университетхэми зэрыщеджэр зэрыурысыбзэр. Радиор, телевидениер, газетхэр, тхыльхэр кьызэрыдэжкэри а урысыбзэ дунейм шыцэхэ инхэм хабжэрщ. Адыгэ газет закьуэмрэ зы журналымрэ «бэдзэуэгьуэ, шыщхэлу, мэкьуауэгьуэ» жэуэ тебдзэжкэ сабийхэм махуэ кьэс зэхэх урысыбзэм кьыгэсэбэп «май, январь жыхуицэ мазэццэхэр хьфлэдзэу цыхубэ календарым хуэжыну флэщ цыгыуейщ, сыту жыпцэмэ «интернациональнэ» псалэ хьуа, илэс 80-кэ кьэдгэсэбэпа терминхэр гьэжыгуэдыгуейщ. Адыгэ мазэццэхэр бзэм хэгэхьэжын шлэзыдзэхэм мурадыфл ялэщ, ахэр адыгэбзэм и кьабзагэм ирогузавэр, ауэ бзэм хээгьа терминхэр псори Гумпэм шлэныр Гуэхум кьемызэгьщ. Зэхуэжкын хуейр «нэм кьыщцэуэхэрщ», псалэ папцэ, «Малэ Зеленчук (КьШР-м шыщ Ботэшей кьуажэм зэреджэрщ), «Верхнэ Акьбаш», «Нижнэ Акьбаш», «Старэ Черек», н.к. хьэдэгьуэдахэр). Мыхэр зэхэзыхым кьыфлэщцэнуш ди бзэм «Ипцэ», «Ищхэрэ» гурыгуэгуэ кьыхуэмыгэлыагуэу.

Нобэ адыгэбзэм флэгуэ зиужьащ 50 гьэхэм елытауэ. А зэманым кьагэсэбэпу шыта урыс псалэхэр: народ, поэт, стиххэр, нэгьуэщцэ куэд адыгэ псалэ хуэжыуэ. Суффикс лейуэ кьэдгэсэбэпхэри адыгэ псалэхэм пыхужахэщ, псом хуэмыдэу «ский» жыхуицэр. Советскэ Союзыр – Совет Союз, Коммунистическэ партыр – Коммунист парт хьуахэщ, я мыхьэнэри кьызэтенащ. Мы суффиксым и мыхьэнэр адыгэбзэм зэфлэхыр псалытцым я увьпцэм: чырбыш унэ, япэ зэритым кьегэлыагуэ унэр чырбышым кьызэрыхэщцэжыклар.

Иужьрей илэсэхэм хамэбзэхэм кьыхэжкэ псалэхэр жьыджэру зэрахуэжкэ хьуащ адыгэ псалэхэжкэ е адыгэу кьащхьухэмкэ. ар япэ игэщын Гуэхуу си гугэжкыым. Дэ дызытегузэрыхьын хуейр нобэ дунейм кьытехэ гурыгуэгуэхэм, хьэпшыпхэм я флэщыгэццэхэр бзэм хэдгэзэгьа зэрыхьунурщ, армыхьумэ псалэ кьэдгэжыгуэщцэр хэддзыжыныркыым, зэхуэжкыныркыым. Лей кьысцохур «культурэ», «район» нэгьуэщцэ псалэ зыбжанэ лэщыб зэрытцэр. Тырку псалэ «куейр» сыткэ нэхьфлэ «район» дызэсам нэхэрэ? А псор кьыщцэхур

терминологием кІэлъыплъ комиссие е нэгъуэщІ орган зэрыдимыІэрщ. ІэщІагъэлІхэм, бзэм елэжьщІэныгъэлІхэм я Іызыныншэу псалъэщІэхэр я Іурылътхьэн хуейкъым ІуэхушІапІэхэм, еджапІэхэм, прессэм шылажьэм я бзэм. Адыгэбзэм и лексикэм и зыужьыкІэр зыми и нэлэ щІэткъым, аращ «сэ фІэзмыгъэжар хьэрэмщІ» жызыІэхэр нэхьыбэ щІэхьур. Адыгэбзэм и блэкІам. Абы и зыужьыкІэм зэран хуэхьуахэр сэтей къэщІауэ и къэкІуэнум дегупсысын хуейщ.

Адыгэбзэм и дыгъуасэм уриплъэжмэ, Урысей Империем дышыхэсам дэри, хэхэс адыгэу хамэкъэралым нобэ щыІэхэм хуэдэу дышытащ, «ди гур пхьэуэ, ди лъэр пхьэм дэнауэ». Алфавит щІыпІэ зэхуэмыдэхэм щызэхалътхьэу, щІыпІэ гуэрхэм тхыбзэ зэхалътхьэрэ щІэблэр щрагъаджэу, ауэ ар къызэзыгъэпэщхэр «меценат» жыхуаІэ цыху жумарт закъуэтІакъуэхэрат е хасэ зэ ягъэлажьэхэу итІанэ щэщэжхэу шытырт. Адыгэбзэр, адрей лъэпкъ СССР-м хиубыда лъэпкъхэм я бзэхэм хуэдэу шадж шыхьуар совет лъэхъэнэрщ. Абы шыгъуэм зыри сабийхэм я анэ-адэхэм еупщІыртэкъым нобэ хуэдэу: «Уи сабийр адыгэбзэ ебгъэджену ухуей?» – жалэу. Революцэм иужь къыкІэлъыкІуат «Культурэм и революцэ» уеблэмэ хэгъзыхькІэ балигъхэр 20–30 гъэхэм ягъасэрт тхэфу, еджэфу. Совет лъэхъэнэм илэжьа ІуэхуфІхэм нобэрэй капиталистхэм кІэрагъэхуурэ макІуэр.

Урыс-Кавказ зауэжыым иужькІэ хэкум къина адыгэхэр зэпэлэщІэ ящІри тхыбзэ ямыІэу, диалектхэр зэлъэмыІэсу, псалъэкІэ зэмыхьуажэу зэман куэд дэкІащ. Къэбэрдеймрэ КІахэмрэ (иджы Адыгей жыхуэтІэмрэ) пасэ дыдэу зэпэлэщІэ хьуащ, езы Къэбэрдейми 1804–1822 гъэхэм къуажэ 62-рэ хэкІри Іэпхьуащ Инжыдж, Инжыджышхуэ, Лабэ Іуфэхэм. Ахэри а зэманым шыщІэдзауэ совет лъэхъэнэм къынэсыху зэпэлэщІэу шытащ. Паштыхь чиновникхэм я Іызыныншэу зэІыхьлэхэри зэкІэлъыкІуэн хуиттэкъым. Абдеж къыщожьэр адыгэ лІакъуэхэри, диалектхэри, бзэри зэкъуэуда зэрыхьуар. КърикІуар псоми дощІэр – адыгэ диалектхэм къатехьукІащ бзитІ: къэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ. Абы ипэкІэ адыгэ псори, хэт сыт хуэдэ диалект Іурылътхьэ, зэгурыІуэрт, ауэ нобэ жыІэгъуейщ къэбэрдейхэмрэ адыгейхэмрэ хуиту зэгурыІуэу. ГъэщІэгъуэнщ, хамэкъэрал шыпсэу адыгэхэр нэхь зэхэпхьауэ зэрыпсэум къыхэкІыу адыгэбзэ зыщІэж псори зэгурыІуэр.

Ди жагъуэ зэрыхьунщи, адыгейхэмрэ къэбэрдейхэмрэ зэпэлэщІэ, зэтемыхуэ хьун Іуэхур ноби къэувыІакъым. Адыгэхэм иужьрей илгъэхэм къагурыІуащ зы бзэ, зы тхыбзэ диІэн зэрыхуеяри, зэрыхуейри, ауэ кІасэ хьуащ ар гъащІэм хэпщэныр. Совет зэманым Къэбэрдей-Балъкъэр, Къэрэшей-Шэрджэс, Адыгей къышызэрагъэпэщам иужькІэ, тхыбзэ щахуэу адыгэ псоми зы бзэ яІэн зэрыхуейр къэзыгъэуэ щІэныгъэлІ шылахэщ. Ар цыху куэдым ящІэркъым. Хэкум икІыжа щІэныгъэлІ ТІрахьуэ Рэмэзан (1914 гъэм Адыгейм къыщалътхуащ, МГУ-м и филологие къудамэр къиухащ, Институт Востоковедением шылэжьащ Москва деж Яковлев Н.Ф. и гъусэу. Мейкъуапэ дэт щІэныгъэ-къэхутақІуэ институтми шылэжьащ. Зауэм шыгъуэ гъэр хьуащ, къыгъэзэжакъым, Мюнхен 1964 гъэм шылІащ) итхыжащ: Латин графикэр къыщащтэм зэлъэпкъэгъухэр алфавиткІэ зэкІэщІащ. Ахэр ягъэзэхуэжыну, зы тхыбзэм трагъэуэжыну щІэныгъэ конференц щекІуэкІахэт Адыгейм, Къэбэрдей-Балъкъэрым, Къэрэшей-Шэрджэсым, Шэшэн-Ингушым, Дагъыстэным, ауэ ягъэува къалэнхэр къайхьулакъым, я пашэхэр ягъэкІуэдащ «буржуазнэ националист» фІащри... ИужькІэ 1930 гъэм «АлфавитыщІэм теухуа Комитет ЦИК-м и унафэм щІэгъу Москва шащІащ «адыгэ-шэрджэс-къэбэрдей» алфавитхэр (шэшэн-ингуш, дагъыстэн зэІыхьлэхэм яйхэри) зэпэгъунэгъу щІын хуейуэ». Ауэ ар яІэщІэхужауэ псори кириллицэм техьэжаш, езы Коркмасов Джелали 1937 гъэм яукІащ хьэкъ имыІэу². Апхуэдэ Іуэху зехьэкІэр 30 гъэхэм шымыІамэ нобэ адыгэ псори зы бзэкІэ дьтхэу шытынут. БлэкІар блэкІащ, сыт ди Іэмал мы Іуэхур зэдгъэзэхуэжыну. Адыгэбзэм телажьэхэм щІэныгъэ нэхь куурэ пщІэрэ шхьэрэ зиІэу дунейм тета ІэщІагъэлІ гъуэзэджэ Къумахуэ Мухьэдин хамэкъэрал шыпсэухэм адыгэбзэр яхузэгъэщІэжыфыну къилытэртэкъым. Абы

хэжыпэу ильгагур зыг – адэжэ хэкум кьагъээжынырт. Зы бзэм дьтехъэжыным и Гуэхури, зы литературэбзэ дилэри хьуапсапэ кьудейуэ жи́лэрт. Адыгей литературэбзэмрэ кьэбэрдей-шэрджэс литературэбзэмрэ зэхэувэу, зэхэшыпсыхьу зы хьуныр флэщ шьыгъуейщ, апхуэдэ дунейм кьыщымыхьуауэ етхыр Кьумахуэ М. (Адыгэ энциклопедие, н. 688), ауэ зы литературэбзэр адрейм теклуэмэ, лъэныкь-уэ иригъээмэ – ар Гуэху цхьэхуэщ. Ари флэщ шьыгъуейщ адыгэм и психологиём уешлэмэ.

«Адыгитл зээгъмэ, дунейр кьутэжынуш» – шьыжапэм цхьэусыгъуэ илэщ. Ди дежкэ зы цьыхум и Гуэху еплъыклар нэхьыщхьэщ, куэдым жапэм нэхьрэ. «Индивидуализм» жыхуалэр ебэклэрт «коллективное мышление» жыхуапэм нэхьрэ. Латин Америкэм я культурэми и лъабжьэр индивидуализмырщ. Лыгъэ зэпэубыдыри, абы зыгуэркэ пыщлауэ кьысщохьур. Ди лъэпкэ (сословие) гуэшыкэу цытари шапхьэу кьыщлэжынуш. Псори хуитыныгъмэ хушлэжурт пасэм, псоми лэщэ ялыгът. Пшы-уэркэ гупыр куэдыуэу зэрыщытри апхуэдэщ. Урысыр нэхь гьэдэуэгъуафлэщ, ахэм «Соборное мышление», акьыл зэхэдзэ жыхуэтлэ хьунур яхэлъщ. Куэдым жапэр хабзэ ящыфыр нэмыцэми.

Адыгейхэмрэ кьэбэрдейхэмрэ тхыбзэ кьащылэрыхьам ипэклэ зэман кьыхькэ Урысей Империем ахэр зэпэлэщлэ ищлат Псыжьыр (Кубань) я гьунапкьэу. Урыс-Кавказ зауэм шыгъуи, ар иуха нэужьы Хэкум кьинэжа адыгэхэм я кум кьэзакъ станицэ куэддыдэ кьыдэтлысхьащ. Апхуэдиз зэманым Клахэ адыгэхэмрэ Кьэбэрдей адыгэхэмрэ я бзэр цхьэхуэ хьуащ. Адыгэ псоми тхыбзэ кьащылэрыхьам абы я область цхьэхуэ ялэж яшлэщ. Бзэм теухуауэ кьахьа унафэхэри, гьэпсыклар цхьэж кьызырыфлэщлэ ящлат, лъэпкэ псор зэзышлэлэжын зы литературэбзэ ямыухуэу. Иджыри зэ кьытедгъээжынщи 1930 гъмэ «Комитет нового алфавита» Москва кьыщызэрагъэпэщам (Коркмасов Джелал и унафэщлэ) шлэныгъэ конференц зэхуашэсри алфавитхэр унифицировать шьын хуей унафэ кьащтащ (адыгэхэм, шэшэнхэмрэ ингушхэмрэ, кьэрэшейхэмрэ балъкьэрхэмрэ, Дагьыстэным шьылэ лъэпкэ зэлыхьыхэм). Аргуэру Гуэхур кьыхьлыхь ящлэри зыри кьиклакьым. Коркмасоври репрессием ихьащ. Бзэ псори урыс графикэм хуэгъэклээн Гуэхури кьэжьэри, унификацие жыхуалэри лъэлэжэщ. Нобэ зы литературэбзэм ухуэжыныр нэхь гугъу хьуащ. Аргуэру лъэпкьыр гуэшауэ шьыпэклэ бзэклэ зэбгъэдоклар. Хамэ кьэралхэм кьыщыхута адыгэм я Гуэхур нэхьыкэжщ. Я адыгэбзэр клуэдыным нэсащ.

Адыгейхэмрэ кьэбэрдейхэмрэ зы литературэбзэм хуэгъэклээныр Гуэху кьыхьщ, гугъуш. Абы епха Гуэхугъуэхэм яхэтщ зэман куэд зытемыклуэдэнухэри. Ди макъ тхыкэжэ зэтемыхуэ зыжанэ хэтщ. Ахэр зэрыщын хуейхэр Кьумахуэ Мухьэдин итхауэ шьылэщ. Орфографиём и хабзэ зэхуэмыдэхэр зэхуэдэ шьыжын хуейщ. Сэ си унэцлэр «Баклуу» жэуэ ятхыр кьэбэрдейхэми шэрджэсхэми. Зы статья гуэрэ адыгейбзэклэ Майкоп кьыщытрадзати «Си унэцлэ абы шлэтарх кьысхуэцлыхужакьым – «Бакло». Зы бзэм ухуэжыныр ипэклэ узэрытхэр, а тхам укьызыреджэр зэтэхуэу гьэпсын хуейщ.

Бзэм псалъэ куэд кьыхохьэр нэгъуэщыбзэхэм кьыщыхьуахэу, ахэр адыгэ псоми зэхуэдэу кьащтэ хьумэ абы кьыгъэувылэн хуэдэу кьысфлэщлар адыгейбзэмрэ кьэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ нэхьри зэпэжыжэ хьуныр. А процессым кьинэмышлауэ бзэм пыщла Гуэхухэми клэтыплъу кьызыгъэпэщын хуейщ «Терминологие комиссие» е нэгъуэщлэ орган гуэрэ унафэщлэ нэхьрэ лэщлагъэллэ нэхьыбэу хэту, абы и унафэр газетхэми, телевидениеми, еджапэхэми ягъээщлэ кьалэн ящыщлауэ. Дэ псалъэ куэд дилэщ зы макъ зэпхуэжкэ зэхуэдэ хьууэ. Псалъэм папщлэ, адрей диалектхэми, шэрджэсхэми «гупшысэ» жыдолар, ауэ а псалъэр кьэбэрдейхэм зэрахьуэклэщ «гупшысэклэ», шьызырахьуэклэри совет лъэхьэнэрщ. Хамэ кьэрал шыпсэу адыгэхэм жапэр «гупшысэщ». Адыгэ псалъэжыри арат: «Гупшыси псалъэ, зыплыхьы тлыс». Апхуэдэ шапхьэхэр куэдыклейщ.

Иужьрей зэманым адыгэбзэр курыт еджапэхэм предмет цхьэхуэ кьудей флэклэ зэрырагъэджынымкэ мыарэзы куэд топсэлыхьыр. Абы и шьылуэжкэ бзэм

хухаха сыхьэтхэри ягъэмэщлащ. Иужьрейм уезэгъынклэ Iэмал иIэкъым. Япэрей проблемэр игъэувауэ щытащ ХьэтIэхьущокъуэ Къазий 1860 гъэхэм. Абы жиIэрт къуажэм дэс адыгэ сабийхэу урысыбзэ зымышIэхэм а бзэ дыдэмклэ предмет псори ирагъэдджыну хэтт. Ар щыуагъэшхуэщ. Ильэсищэм щIигъу дэклауэ а Iуэхур аргуэру къалэтри эксперимент папщIэу еджапIэ гуэрхэм (Къэбэрдейми, Шэрджэсми) пэщIэдзэ классхэм предмет псори адыгэбзэклэ ирагъэджащ илгъэс зыбжанэклэ. абыи анэ-адэхэри «хэлIыфIыхьри» нэгъуэщI щхьэусыгъуи чиновникхэм къагъуэтри, адыгэбзэр зы предметым хуагъэкIуэжащ. Илгъэс щэ ныкъуэ текIри аргуэру псалъэмакъыр къалэтыжащ.

Уи жагъуэ зэрыхъунщи, а еплъыкIэ зэхуэмыдэм тетхэм жаIэхэм пэж хэлъхэщ. ПэщIэдзэ классым предмет псори адыгэбзэмклэ ядж умышIэмэ (классиблри адыгэбзэм тегъэувэныр щхьэгъэпцIэжщ, ар адыгэбзэм хуэгъуэщIынукъым) адыгэбзэм зиужьынукъым, ар къэралыбзэу щыту жаIэ щхьэкIэ, «унагъуэбзэ» эпитетыр нэхъ тохуэр. А Iуэхум тетщIыхьынуэмэ учебникхэр япэ шIыкIэ гъэхьэзырын хуейщ, а предметхэр езыгъэджэн къэбгъуэтынри тыншкъым.

Адыгэбзэр предмет щхьэхуэ закъуэу, нобэ зэраджым хуэдэу къанэмэ, зыфIэкъабылхэм жаIэр, адыгэбзэр пэщIэдзэ классхэм предмет псоми иратмэ сабийхэр урысыбзэ ямышIэу, курыт классхэм хуэмыхьэзыру хъунуш. Абы пэж хэлъщ, ауэ ди къэралым урысыбзэм щIыпIэ ин дыдэ шеубыдыр, нобэрей дэтхэнэ сабиймибалигъми махуэ кIыхьагъым зэхихри, зэджэри, илгъагъури урысыбзэщ. Абы теухуащ радиор, телевидениер, интернетыр, газетхэр, рекламэр, мультфильмхэр. А псом уафIэкIыу урысыбзэ умышIэу ди къэралым ущыпсэуфынукъым, мэзым ущIэмьсэмэ. А пэщIэдзэ классхэми урысыбзэр предмету къэнэнущ.

Бзэр зэрадж методикэ тэмэм ди къэралым зэикI щылакъым, аращ ди еджапIэхэм зы хамэ къэралыбзэ щаджу щытати, а зыри дахэ-дахэу езы егъэджакIуэхэми ящIэртэкъым. Репетиторхэм тIэкIу Iуэхур нагъэсыжт. Европэм деж школхэми университетхэми хамэ къэралыбзэу тIу щаджыр, а тIуми ирипсэльэфу щытщ. Сэ 1975 гъэм къэралибл сыщыIати, ар си фIэщ хъуащ: хэт уэрамым деж дыхуэмызами и анэдэльхубзэм нэмышIыу бзэ зытIуекIэ къопсэльэфырт, ауэ ди турист гупым къытхэт урыс пщащэ инджылыбзэ институтым щезыгъэджэр шэщIауэ епсэльэфыртэкъым цIыху къызэрыгуэкIэхэм. Нобэр къыздэсым адыгэбзэри, урысыбзэри, хамэ къэралыбзэри зэраджым, зэращIэм арэзы укьищIкъым. Дунейпсом япэ щыща инджылыбзэр ди курыт еджапIэми, университетхэми, аспирантурэми илгъэс куэдкIэ щаджыр, ауэ яхуегъащIэкъым, репетиторхэм я нэхьыбэми бзэр я «зэштегъэуш».

Адыгэбзэр хъумэн, абы зегъэужьын папщIэклэ ар адыгэ псоми я зэхуэдэ «лъэпкъ идея» («национальная идея») жыхуалэ гуэр диIэн хуейщ. ЛIэшIыгъуэ бжыгъэкIэ адыгэхэр пщы зэныкъуэкъуныгъэм хэклакъым, зауэ кIэ зимыIэхэми я зэран къыдэклащ. Урыс Империемрэ Уэсмэн (Тырку) Империемрэ я зэпэщIэтыныгъэм адыгэхэр зэгуичри, лъэпкъым и къарур щIихащ, нэхьыбэр хэклэуэдащ, къэнахэри къэрал зыбжанэм къыщыхутащ. Тхыдэ гущIэгъуншэм нэхъ зэран ин зэклар ди бзэрщ. Нобэ адыгэу дунейм тетым и нэхьыбэр «бзагуэ» ищIащ Тырку Империем и лъэпкъ политикэм, ахэм ящIэжыркъым я анэдэльхубзэр. Аращ адыгэбзэр лъэпкъ идем и лъабжьэ щIын щIыхуейр.

Илгъэс куэд щIауэ дытопсэльыхьыр ахьшэ куэди зэманьшхуи зытемыкIуэдэн Iуэху дымыгъэзэщIахэм .

Ахэр псоми ящIэр:

- 1) IуэхушIапIэхэм, тыкуэнхэм, фирмэхэм я фIэщыгъэцIэхэр адыгэбзэклэ тетхэн.
- 2) Радиом адыгэбзэклэ нэтынхэр зэрыхагъэхьуар къэбгъэсэбэпауэ адыгэбзэм и проблемэхэм нэхъ убгъуауэ щытепсэльыхьын. РубрикэщIэ хэгъэхьэн: «Тэмэму дрипсалгъэрэ адыгэбзэм? фIэщыгъэцIэ иIэу. Ди псэльэкIэм, «орфоэпие» жыхуалэ бзэ щIэныгъэм и Iыхьэм зыри тепсэльыхькъым, къахутэкъым. Литературэбзэм тэмэму ирипсалгъэхэр закъуэтIакъуэщ.

3) Къуажэцлэхэр, нэгъуэщл флэщыгэцлэхэр мазэ къэс зэпхуэжк хьунукьым, ауэ гуми псэми темыхуэ къуажэцлэхэр дицлэц: Малэ Зеленчук (Ботэщейуэ япэм шытащ, КъШР), Старэ Шэрэдж, н.к.б. Мыхэр зылбагъум къафлэщлынуш ди бзэм мыхьэнэ къызэрыгуэжкхэр хэмыту. Сэ и гугъу сщлъркъым къуажэцлэ хьарзынэхэр хьуэжын хуейуэ жызылэм. Псалъэм папщлэ, «Ислъэмей», «Наурызей» щлъжын щлъхуей щхьэусыгъуэ щылэкьым. Наурызхи Ислъамхи адыгэ тхыдэм къыхэнаш. Къуажэм Ислъэмей и цлэмэ, ар зыкнл игьэлахахьшэркъым. Къуажэцлэр хьуэжынми ахьшэ куэди теклуэдэнуш, нэгъуэщл проблемэхэри пыщлэщ.

Псом нэхэрэ нэхьыщхьэр бзэм зэрызиужьым клэлъыплл, щлэныгьэлхэр зыхэт комиссие е Совет зэгъэпэщынырщ. Абы хэтын хуейщ Адыгейми, Къэрэшей-Шэрджэсми, Къэбэрдей-Балъкъэрми щыщ лэщлэагьэлхэр. Термин бзэм къыхыхьэхэр къызыхэжк бзэм къытенэнрэ къызыыхьэ адыгэбзэм и фашэм къыгьэхьэнрэ унафэ зыщлын хуейр а комиссиерщ. Абы жалэр ягъээщлэн хуейщ курыт еджаплэхэми, университетхэми, радиомы, газетхэми, адыгэбзэклэ къыдэжк журналхэми.

Нобэжк щхьэж къызэрыфлэщлэ псалъэщлэхэр къащтэ, апхуэдэ лүэху бгъэдыхьэклэ ялэкьым зи щхьэ пщлэ хуэзыщлыж, зи бзэ тегузавэ дэтхэнэ лъэпкъми. Бзэм и лүэхур шыткнлщ Францием, Англием, нэгъуэщл къэралхэм. Унафэщлэхэм, лэщлэагьэлхэм я лзыныншэу французыбзэм псалъэщлэ къыщтэкьым. Уи жагъуэ зэрыхьунщи, иужьрей илъэхсэм адыгэбзэм куэд щлауэ хээгъа, литературэбзэм мин бжыгьэрэ къыгьэсэбэпа псалъэхэр хадзри ахэр зэрахьуэжкхэр нэгъуэщл псалъэхэжк. илъэс бгъуэщлым нэс къэдгъэсэбэпа мазэцлэхэр сыт щлэтхьуэжыр, «культура» псалъэ адыгэбзэми хэтэр, бзэ зызыужьахэми хэтым сыт и лажьэт? Абы и мыхьэнэ куэдир къыгьэлабагъуэжкхэр ар зэрахьуэжа «щэнхабзэм». Сыткнл нэхьыфл тырку псалъэ «куейр» дызэса, псоми ящлэ «районым» нэхьэрэ? А псалъэр апхуэдизрэ къышыгъэсэбэпащ ди тхыгьэхэми, «куей» псалъэм ар пэшэчэнукъым. Зы мыадыгэ псалъэр, адрей мыадыгэ (тырку) псалъэжк зэхьуэжкхэр хуейуэ къызыфлэщлар хэт? Нэгъуэщл лъэпощхьэпо лэджи щылэщ бзэм теухуауэ.

Псом япэ игьэщыпхьэр сабийхэм адыгэбзэр егъэджынырщ. Абы еджаплэм хухах дерсхэр бгъэмашлэ хьунукьым. Абы клэлъыплллыну я къалэнщ адыгэ шыпсэу субъектхэм я парламентхэм. Бзэр школым нэгъэсауэ шамыдэж зэрыхьуу глобализацэм ар ихьынуш. Дунейм тет бзэ минихым и нэхьыбэр дунейм теклъжынуш XXI лэщлыгъуэм. Социологхэм ар къызыпэщыльхэм хатхаш адыгэбзэри. Коммунистхэм псори зы лъэпкъ дыхьужынуш, зэкъуэш дыхьунуш, зэрытлэжккнлэ дылажэу, дызыхуейм хуэдиз тшхынуш жалэурэ дыкьеклуэжк. Нобэ тлабгъур сыт: зэунэкъуш украинхэмрэ урысхэмрэ я анэдэльхубзэхэм щхьэкнлэ зэфлэнэжауэ дунейм зэрытохыр. Глобализацэм экономикэм теухуауэ лүэху хьарзынэ куэд къыдожкхэр, ауэ щэхуу лъэпкъыбзэхэр, литературэхэр утыкум иреш, егъэжкхэр. Абы дыпэщлэтын папщлэ адыгэ псоми ди бзэр зэрызэтемыхуэхэр дгъэмашлэу зы литературэбзэ, зы псалъэжккнлэ дызэрытехьэнум дыхуэлэжьэн хуейщ. А гъуэгур клэщлкъым, ауэ дыкьэувылэ хьунукьым. Псом япэу адыгейхэмрэ къэбэрдейхэмрэ дызэгурылэу ди алфавитми, ди орфографиими (тхэжкхэми) къыхэхьа зэтемыхуэхэр дгъэмэщлэн е дгъэжкхэр хуейщ.

Хэкужьым къына адыгэхэр бзэм елэжьахэщ, зрагъэужьащ. Сэ зэзгъэпщат адыгэ газетым 1957 гъэм къытехуа зы текстышхуэрэ нобэ ятха гуэрымри, ахэр шумрэ лъэсымрэ хуэдэщ. Адыгэбзэр нэхь къабзэ хьуащ и псалъэхэри нэхьыбэ хьуащ. Япэм урыс псалъэ куэдылэу къыхыхьэурэ тлэжкхэр адыгэбзэр «итхьэлэу» хьуат, ауэ нобэ апхуэдэ шынагъуэ щылэжкхэм. Сэбэпышхуэ къехьыр «Си бзэ, си псэ, си дуней» «Адыгэ псалъэ» газетым кърихьэжьауэ зызыубгъуа зэпеуэныгьэхэм, щлэныгьэ конференцхэм, нэгъуэщл бзэм ехьэллауэ ящлэ пшыхьхэм.

Псом нэхэрэ нэхь гукъеуэу щылэр ди лъэпкъэгъу адыгэ хэхэсхэм я бзэр зэрыжкхэдырщ. Зы лэпхьуамбэ узмэ, лэ псор егъэуэ. Апхуэдэ узщ ар. Тхыдэр ди дежкнлэ гущлэгъуншэу шытащ, джэшу дыхипхьащ хамэ къэралхэм, ди бзэр

пычахуэ-пычахуэу къаухъурещ бзэ зэхуэмыдэхэм: тыркубзэм, хьэрыпыбзэм, нэмыцэбзэм, урысыбзэм, инджылыбзэм. Бзэр щлэкIуэдыжым и щхьэусыгъуэ нэхьыщхьэхэщ: адэ-анэр быным я бзэкIэ емыпсэлъэныр, тхыбзэ лъэпкъым имыIэныр, бзэр сабийхэм еджапIэм шамыджыныр, н.къ. Уи жагъуэ зэрыхуныщи, Тыркум, Сирием, Иорданием шыпсэу адыгэхэм а псори зэран къыщыхуохъур адыгэбзэм. Пэжщ, Иорданым деж Адыгэ Хасэм иIэжщ еджапIэ, ари фIыщ, ауэ абыкIэ адыгэбзэр нэгъэсауэ хъума хъунукъым.

Демократиём тетыну хуей дэтхэнэ къэралми и цIыхухэм, лъэпкъ къэс я анэдэлъхубзэр хъумэныр и пцэ дилъхьэн хуейщ, ар Совет Союзым, иджы Урысейм зэрищIам хуэдэу. Андрей Iуэху зехьэкIэхэм, фIыщIэ хасэхэм я лэжыгъэм бзэр хуэхъумэнукукъым, зыхуегъэужьынукукъым. 1992 гъэм «Европей Хартия» жэуэ лъэпкъ цIыкIухэм теухуауэ Европэ Советым хыхьэхэм папщIэ хабзэ къищтащ. Абы къельыгъэр бзэ къэс дунейпсом и мылкъуу, ахэр хъумэн Iуэхур къэралхэм я пщэм дэлъхьэн хуейуэ.

Адыгэ хэхэсхэр къуажэм щыдэсахэм я бзэр нэхь хъума хъут, ауэ ахэр иджырей илъэс IоуцIым къалэхэм Iэпхуахэщ, къуажэм къыдэнахэр лIыж-фызыжхэрщ. Къалэм кIуэжа щIалэгъуалэр нэхьри зэпIэщIэ хъуащ, бзэри яцогъупщэжыр. Хамэкъэрал диаспорэм шыпсэухэм дадэIэпыкъун хуейщ. Сэ сызэрэплъымкIэ адыгэбзэр хъумэн проблемэхэр хасэ къудейкIэ зэфIэха хъунукъым. Абы я бзэр къэрал шыпсэум и Iуэхуу шытын хуейщ ди къэралым ещхьу. Тыркури, Иорданиери дэр нэхьрэ нэхь тхьэмыщкIэкъым. Абы щIэбэнын хуейщ езы адыгэхэр. А псор зэтес хъунум зэман текIуэдэнуу. НобэкIэ «Адыгэбзэм и фонд» къызэгъэпэщэуэ учебникхэр тхын хуейщ. А къэралхэм шыIэ адыгэхэмрэ хэкужыым исхэмрэ зэхыхьэу егъэджакIуэ ягъэхьэзырамэ, Iуэхур кIуэтэнут. Къэбэрдейм икIауэ зы цIыху кIуауэ, Адыгейм цIыхуитI кIуауэ лажьэкIэ адыгэбзэкIэ егъэджакIуэ пхуэгъэхьэзырынукъым. Адыгэбзэм хэхэсхэр шыхуегъэджэн хуейщ Нальчик, Майкоп, Карачаевск дэт университетхэм.

Адыгэбзэм шытепсэлъыхькIэ къащогъупщэр литературэр. Литатурэм и лъабжэр бзэращ, ауэ адыгэбзэм зезыгъэужь къару инщ литературэр, ди тхакIуэ гъуээздэжэхэм я IэдакъэщIэкIэхэм нэIуасэ хуэщIын хуейщ адыгэ псори. Бзэр хъумэным теухуауэ Iэмал псори зэдэлэжыын хуейщ, хасэ псапашIэ хасэхэм къыщыщIэдзауэ къэрал органхэм деж шыщIэкIыжу.

Адыгэм жаIэр «Кхьэм яхьри мэгугъэ», ауэ бзэр абы нэбгъэс хъунукъым, ар нобэкIэ сымаджэ къудейщ. И хуцхьуэ къэдмыгъуэтмэ, абы убыхьыбзэм и махуэр къыхуэкIуэнущ, зы зэман лъэпкъышхуэу, дунейм къыщацIыхуу шытар «бзагуэ хъумэ» къэхьуну щIэблэхэм ягу дыкьинэжынукукъым. «Гугъэр адэ щIэинщ», ауэ ар машIэщ лъэпкъым, щIалэгъуалэм къахуэдгъэнэну.

Узэкъуэтмэ, улъэщщ. Адыгэбзэм нобэ хэкIыпIэ ину иIэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ адыгеибзэмрэ зы гъуэгу техьэнырщ. Аращ проблемэ нэхь ин дыдэр. Абы илъэс куэд щIауэ дытопсэлъыхьыр, ауэ «хьуэхьу жанрым» дыфIэкIакъым нобэр къыздэсым. Гъэхьэзырын хуейщ бзитIми ди зэхуэдэу къахэна псалъэхэр зэрыт псалъалъэ. ПсалъэщIэу къыхыхьэнухэри адыгэ псоми ди зэхуэдэу дяпэкIэ къэштэныр Iэмал зимыIэщ, апхуэдэщ ди хьэрф псоми я тхыкIэр, къеджэкIэр зэтэхуэ щIыныри. Ар зэфIэкIынукукъым адыгэ республикищым шыпсэухэм я унафэщIхэр зэгурымыIуэмэ, хэмылIыфIыхьмэ.

Къэбэрдей-Балъкъэрым 2001 гъэм шыщIэдзауэ бзэм и зыужьыкIэм, и мардэхэм, къыщагъэсэбэпын хуейхэм, зэрегъэджэн Iэмалхэм теухуауэ къэрал комиссие къалэн убзыхуа иIэу къызэрагъэпэщыну хэтщ щIэныгъэлI зыбжанэ, ауэ филологии щIэныгъэхэмкIэ доктор ТIымыжъ Хьэмыщэ (абы щIипщыкIащ татархэм, башкирхэм, нэгъуэщI лъэпкъхэм а Iуэхум теухуауэ яIэ унафэхэр, документхэр) зэритхымкIэ «Къэбэрдей-Балъкъэрым иIэкъым икIи иIакъым бзэ политикэ убзыхуа»³. Ар яIэщ Татарстаным, Башкирием, нэгъуэщI субъект зыбжанэм. Унафэ зыIэщIэль комитет е комиссие уимыIэу лъэпкъ цIыкIухэм я бзэр, хабзэр, культурэр пхуэхъумэнукукъым ди зэман хьэпъэм.

ЕІуэлІапхъэхэр

1. *Кумахов М.* Язык и письменность // Адыгская (Черкесская) Энциклопедия. М., 2006. С. 695.
2. *Трахо Р.* Черкесы. Мюнхен–Нальчик (переиздание). 1992. С. 93–96.
3. Проблемы нормативного обеспечения функционирования государственных языков Кабардино-Балкарской Республики // Особенности функционирования государственных языков в билингвальной среде. Материалы международной научно-практической конференции. Нальчик, 2014. С. 130.

H.I. Bakov

ADYGIAN LANGUAGE: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW

This article discusses the preservation and development of the native language Adygs (Adyg, Kabard and Circassians), living in their historic homeland and overseas Diasporas. It proposes some recommendations on the establishment of a unified literary language for all ethnic groups.

Keywords: terminology, literary language, the epithet, the word order, the commission, conference, science, linguistics, methodology, analysis, globalization.

З.В. Черкесова

ПРОБЛЕМА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье актуализируется проблема гендерного коммуникативного поведения мужчин и женщин в русском языковом сознании. Выявляется степень изученности гендера речи в русском языке. Рассматриваются особенности построения мужской и женской речи.

Ключевые слова: гендер речи, мужская речь, женская речь, коммуникативное поведение, гендерная лингвистика.

В современной отечественной лингвистике тема гендера речевой коммуникации, описание и анализ особенностей ее дискурса является весьма актуальной. В русистике данной проблемой занимаются около 30 лет.

В самом общем плане исследование гендера в языкознании представлено в виде двух проблем:

1) отражение пола в языке: здесь, прежде всего, исследуется номинативная система, лексикон, синтаксис, категория рода и т.п.;

2) речевое поведение мужчин и женщин: здесь акцентируется специфика мужской и женской коммуникации: гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций и т.д.

Доминирующим исследованием в области гендерной речевой коммуникации стала работа Робин Лакофф «Язык и место женщины», посвященная особенностям женского речевого поведения. По мнению Р. Лакофф, речевое поведение женщины отличается рядом факторов: неуверенностью, меньшей агрессивностью по сравнению с мужским, большей гуманностью и ориентированностью на своего партнера по коммуникации. В большинстве случаев женщина более внимательно выслушивает мнение собеседника, не перебивает его и не стремится доминировать в разговоре. Мужчины, напротив, в диалоге более агрессивны, менее склонны к компромиссам и стремятся в беседе «держать ситуацию под контролем». В связи с таким речевым поведением образ женщины часто сопровождается ассоциациями неуверенности в себе, некомпетентности, а иногда даже нетактичности, что наносит ущерб ее стилю. На примере английского языка Р. Лакофф полагает, что подобного рода ассоциации вызываются приверженностью женщин к разделительным вопросам, частым употреблением эмфазы, использованию повышающей интонации там, где должна быть понижающая, употреблению семантически опустошенной лексики, специальных пластов словаря, описывающих традиционно женские сферы жизнедеятельности, различного плана интенсификаторов и модальных частиц. К тому же «женские» модальные средства гораздо разнообразнее и употребляются женщинами чаще. И в довершение всего, женщины шутят гораздо реже мужчин. Если же женщина начинает использовать «мужские» речевые тактики, то она воспринимается как неженственная и нетактичная. Робин Лакофф считает, что такое речевое поведение женщины часто приводит к коммуникационным неудачам. Исследователь называет такое положение вещей «ситуацией двойной связанности»¹.

Таким образом, работа представителя феминистской лингвистики Робин Лакофф «Язык и место женщины» надолго сформировала в гендерной лингвистике мнение о том, что женское речевое поведение является самым тактичным и вежливым. Идею о более вежливом и корректном речевом поведении женщин связывали с преимущественно подчиненным положением женщин в патриархальном обществе, с отсутствием у них власти и с необходимостью женщин «подстраиваться» под доминирующее речевое поведение мужчин².

Как уже отмечено, женскую речь принято считать более корректной и вежливой, поэтому женское речевое поведение может являться своеобразным средством речевой «манипуляции», но при этом может не соотноситься с реальным речевым поведением женщин. Иначе говоря, зная о последствиях вежливого речевого поведения в обществе, женщины могут моделировать свои стратегии речевого поведения в зависимости от своих личных интересов и ожидаемых последствий.

В российском языкознании сложилось несколько отличное от западных течений научное направление по изучению гендерных аспектов языка и коммуникации – лингвистическая гендерология, или гендерная лингвистика. Данное явление сопровождалось появлением значительного количества публикаций по гендерной проблематике на материале не только западных, но и русского и других языков, ранее не подвергавшихся анализу с гендерной точки зрения. Кроме того, регулярно проводятся форумы, семинары, конференции, круглые столы, появляются периодические издания, создаются научные подразделения, занимающиеся изучением гендера. Появились первые в отечественном языкознании монографии, посвященные лингвистическим аспектам гендера³.

В современную лингвистику Е.Ю. Гетте ввел понятие гендерное коммуникативное поведение, определяемое как «поведение человека в процессе общения, регулируемое гендерными стереотипами и коммуникативными нормами и традициями, соответствующими социальной гендерной роли»⁴. В свете изучения специфики гендерного коммуникативного сознания исследователь отмечает релевантные в гендерном аспекте категории – тематическая направленность общения, эмоциональность, объем общения⁵. На наш взгляд, именно на основе данных категорий и определяются характерные признаки мужского и женского речевого поведения.

Как отмечают ученые Е.А. Земская, М.А. Китайгородская и Н.Н. Розанова, «типическая черта построения текста, свойственная женщинам, – включение в ход разговора, беседы, диалога на какую-либо не связанную с конституацией тему той тематики, которую порождает конституация (обстановка речи, действия, которые производят говорящие и т.п.). Можно считать, что такое переключение тематики... не является особенностью женщин как людей определенного пола, но связано, скорее, с их социальными, семейными и т.п. ролями»⁶. Мужчинам, вынужденным совмещать два и более вида деятельности, также свойственно переключаться, как отмечают указанные авторы, но в силу социальных причин это происходит значительно реже.

Е.А. Земская, М.М. Китайгородская, Н.Н. Розанова также отмечают нерелевантность пола в случае употребления диминутивов, по крайней мере в некоторых коммуникативных ситуациях – в формулах угощения, при покупке продуктов, в медицинском общении врача с больными⁷. В области лексики указанные авторы сосредоточились на активном словарном запасе, различиях в осмыслении слов, средствах экспрессии и оценки, употреблении «заполнителей». Таким образом, указанные ученые пришли к следующим выводам, характеризующим особенности женской и мужской типов коммуникаций:

– женщинам более свойственны фатические речевые акты; они легче переключаются, «меняют» роли в акте коммуникации⁸. Мужчины в основном сосредоточены только на обсуждаемой теме, не реагируя при этом на реплики, не связанные с этой темой;

– женщины чаще ссылаются на конкретные примеры из личной жизни или жизни ближайшего окружения (обычно друг);

– авторы отмечают более частое перебивание женщин мужчинами. При этом перебивания мужчин мужчинами в большей степени мешали коммуникации;

– в мужской речи отмечаются также терминологичность, более сильное влияние фактора «профессия», большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию экспрессивных, особенно «стилистически сниженных средств», намеренное огрубление речи. По утверждению авторов, ненормативная лексика используется и мужчинами, и женщинами, но чаще всего в однополых группах и реже – в смешанных группах;

– к типичным чертам женской речи авторы относят гиперболизированную экспрессивность (*жутко обидно; колоссальная труппа; масса ассистентов*⁹) и более частое использование междометий типа ой!;

– в общей картине мира ассоциативные поля, характерные для мужской и женской речи, распределены таким образом: для мужчин – спорт, охота, профессиональная, военная сфера; для женщин – природа, животные, окружающий обыденный мир;

– в женской речи наблюдается большая концентрация эмоционально оценочной лексики, а в мужской оценочная лексика чаще стилистически нейтральна.

Несмотря на приведенные выше особенности мужской и женской речи, авторы, главным образом, указывают на отсутствие резких «непроходимых» границ между мужской и женской речью в русском языке: «Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу»¹⁰.

Основная задача, стоящая перед лингвистами-гендерологами – накопление эмпирических данных – инициировала появление в отечественном языковедении ряда работ, в которых предметом исследования становились как общая направленность речевого поведения мужчин и женщин, так и те или иные элементы их коммуникации: глагольные предикаты, эмотив, промиссив, обращение, комплимент и т.д. Также выявлена гендерная специфика употребления вводных слов, определены вводные слова, наиболее характерные для мужской речи. Как правило, в большинстве случаев они имеют значение констатации: конечно, очевидно и т.п. Для женской речи специфичны модальные конструкции, выражающие различную степень неуверенности: может быть, по-моему, по-видимому¹¹.

Исследование А.Ю. Беляевой, основанное на расшифровке магнитофонных записей разговорной речи мужчин и женщин, выявило, что мужчинам чаще, чем женщинам, свойственно перебивать собеседника. Данное явление объясняется тем, что «мужчины следуют тактике соперничества, в разговоре они стремятся занять лидирующее положение. <...> Чтобы сохранить свою позицию лидера, мужчина часто отвечает «перебивом» на «перебив», поэтому непринужденный разговор мужчин часто представляет собой цепочку «перебивов», отражающих происходящую между собеседниками-мужчинами борьбу за «право голоса»¹². В женской коммуникации «перебивы» встречаются значительно реже, чем в мужской. По мнению А.Ю. Беляевой, данное явление объясняется менее болезненным восприятием «перебивов» женщинами, чем мужчинами. «Женщины чаще всего дают собеседнику высказаться даже в том случае, если их собственный рассказ или высказывание из-за этого прерывается»¹³.

На наш взгляд, «перебивы» как в однополых, так и в смешанных группах обусловлены рядом общих факторов: темой беседы, возрастом, социальным статусом и нравственным воспитанием собеседников. В связи с этим следует говорить о так называемых ситуативных «перебивах», которые зависят от контекста

коммуникации: в споре наблюдается наиболее частое перебивание собеседников друг другом, чем в спокойной беседе о погоде, например. Так же «перебивы» более характерны для разговоров между сверстниками, чем между старшими и младшими. Таким образом, гендерная обусловленность «перебивов» часто сопровождается рядом других (не имеющих отношения к полу собеседников) вышеуказанных факторов.

Современные лингвистические исследования показывают, что существует определенный преимущественный набор тех или иных языковых структур, форм и слов в живой речи мужчин и женщин. Так, этими исследованиями подтверждается, что слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами гораздо чаще встречаются в речи женщин. Кроме этого, у мужчин и женщин есть излюбленные способы эмоциональных и экспрессивных выражений, а также наблюдается разное интонирование их речи.

В русском языке встречается более частое употребление диминутивов (как в женской, так и в мужской речи), чем в других языках. Данное явление прежде всего связано с менталитетом народа. В кабардино-черкесском языке, например, редки случаи употребления диминутивов мужчинами (тем более по отношению к своей семье, детям), что объясняется их генетически наследуемым устойчивым характером и строгим воспитанием с раннего детства. По сравнению с кабардино-черкесским, в русском языке наблюдается более частое употребление уменьшительно-ласкательных форм в мужской речи. Приведем пример из художественного текста:

«– Кому нехорошо, а нам горюшка мало. Кому темненько да холодненько, а нам и светлехонько, и теплехонько. Сидим да чаек попиваем. И с сахарцем, и со сливочками, и с лимончиком. А захотим с ромцом, и с ромцом будем пить. <...> Позвольте, маменька. Я говорю: теперича в поле очень нехорошо. Ни дороги, ни тропочки – все замело. Опять же волки. А у нас здесь светленько, и уютненько, и ничего мы не боимся. Сидим мы здесь да посиживаем, ладком да мирком. В карточки захотелось поиграть – в карточки поиграем; чайку захотелось попить – чайку поьем...»¹⁴.

Употребление диминутивов мужчинами встречается также в разговорной речи. Часто они могут использоваться с отрицательно-оценочным значением: «Ишь ты, какой начальничек сыскался!.. С первых дней подает голосок».

Употребление уменьшительно-ласкательных форм в женской речи – частое явление в русском языке и, в отличие от мужской речи, они чаще используются в положительном значении.

Из разговора двух домохозяек:

«– Аннушка пошла в магазин за хлебушком?»

– Да! Накупила и хлебушек, и огурчиков, и помидорчиков... Нарезала салатик свеженький...».

Как отмечено выше, в отечественном языкознании существует множество исследований, посвященных проблеме речевого поведения мужчин и женщин. Разные ученые в разных дискурсах и с разных ракурсов определяют признаки, характеризующие мужскую и женскую речь. Так, по утверждению Т.В. Гомон, характерным признаком мужской речи является избыток абстрактных существительных, однообразии лексических средств передачи эмоций. Эвфемизмы, престижные, стилистически повышенные формы, клише, книжная лексика свойственна в большей мере женской речи¹⁵. По его же мнению, комплексы женской речи составляют темы приготовления пищи, моды, воспитания; мужчины обсуждают ремонт техники, новости спорта¹⁶.

Н.Н. Беляев и Н.Ф. Хренова констатируют тот факт, что словарный запас женщин меньше, чем словарный запас мужчин¹⁷. Основываясь на анализе письменных текстов мужчин и женщин, исследуемых для криминалистической

экспертизы, А.В. Кирилина отмечает детальность изложения, чрезмерную описательность в женских текстах и обобщенность – в мужских¹⁸.

В работе А. Вежбицкой «Язык. Культура. Познание» отмечены общие (независящие от гендера) характерологические особенности русского языка:

1) эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков;

2) «иррациональность» (или «нерациональность») – <...> подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни;

3) неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося достичь ее; как контролера событий;

4) любовь к морали – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям¹⁹.

По мнению исследователя, «русский... выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения»²⁰.

Факты, фиксирующие гендерные стереотипы и особенности коммуникативного поведения мужчин и женщин, отраженные в русском языке, почерпнуты из анализа разных источников: из исследований разных ученых, а также из собственного эксперимента-опроса. Согласно опросу 105 информантов разного пола, возрастных групп и социального статуса с вопросом «Какие, по Вашему мнению, признаки характеризуют мужскую и женскую речь?», мы пришли к таким выводам:

– основным признаком женской речи в русском языковом сознании является быстрый темп, многословность, болтливость. При этом многие информанты отмечали мягкий и низкий тон, нечеткую, сбивчивую интонацию и чрезмерную эмоциональность у женщин;

– отличительными чертами мужской речи обозначены твердость высказываний, уверенный тон, частое использование повелительных конструкций, лаконичность фраз.

В своих исследованиях Ю.Н. Караулов определяет «молчание» как один из принципов «женской» стратегии в коммуникации²¹. Однако мы более склоняемся к мнению Е.Ю. Гетте о том, что данные, подтверждающие высокую ценность молчания в русской женской концептосфере, отсутствуют²².

В русском языковом сознании и гендерной лингвистике в целом основной акцент делается на женской концептосфере и женском коммуникативном поведении. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, посвященные проблемам феминности. По верному замечанию А.В. Кирилиной, в русском языке стереотип женственности определяется четче, нежели стереотип мужественности, в большей степени фиксируются личностные, а не биологические характеристики, зафиксирован сниженный андроцентризм русского языка²³.

Таким образом, подводя итоги исследования гендера речевой коммуникации в русском языковом сознании, можно прийти к выводу, что характерными чертами женской речи являются ориентированность на взаимоотношения с собеседником и связанная с этим эмоциональность, что влечет за собой употребление экспрессивно-выразительных средств, диминутивов, междометий и т.д.

Беглость речи и болтливость женщин связывают, прежде всего, с тем, что женщины, в отличие от мужчин, по своей природе смотрят на вещи не глобально, а тоньше отражают суть вещей, вследствие чего их описания приобретают характер

чрезмерной детализованности²⁴. К тому же женщины превосходят мужчин в скорости восприятия, реакции – отсюда более быстрый темп речи²⁵.

Главными чертами мужского речевого поведения являются ориентированность на цель, результат и связанная с этим решительность и логичность. При этом важно отметить, что основные признаки мужского и женского коммуникативного поведения динамичны и носят условный характер, поскольку развитие науки и техники, а также всеобщая глобализация общества сопровождаются изменениями и в речевом поведении людей.

Появление различий в мужской и женской речи ученые объясняют социальной ролью ее носителей, их местом в обществе. *В связи с резко меняющимися функциями женщины в современном обществе постепенно формируется мнение о необходимости избавляться от гендерных стереотипов уже на уровне речевой деятельности с целью осуществления цивилизованного акта коммуникации. Однако такого рода решение проблемы гендера представляется нам не совсем целесообразным, поскольку изначально невозможно устранение природного «гендерного коммуникативного барьера»* в речевом поведении мужчин и женщин.*

Примечания

1. *Lakoff R.* Language and Woman's Place. New York, Harper, 1975. P. 174.
2. *Lakoff R.* Language and Woman's Place. New York, Harper, 1975. P. 174; *Deuchar M.* A pragmatic account of women's use of standard speech // *Women in their speech communities* / J. Coates, D. Cameron (eds). London: Longman, 1989. P. 27–32.
3. *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.; *Горошко Е.И.* Языковое сознание: гендерная парадигма. М., 2003. 450 с.
4. *Гетте Е.Ю.* Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. С. 32.
5. Там же. С. 26.
6. *Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // *Русский язык в его функционировании* / Под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1993. С. 113.
7. Там же. С. 125.
8. Там же. С. 112.
9. Там же. С. 122.
10. Там же. С. 132.
11. *Кирилина А.В.* Указ. соч. С. 60.
12. *Беляева А.Ю.* Перебив в речи мужчин и женщин // <http://lingvomaster.ru/files/248.pdf>
13. Там же.
14. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Господа Головлевы. М.: Изд-во «Захаров», 2001. С. 65.
15. *Кирилина А.В.* Указ. соч. С. 60.
16. Там же. С. 58.
17. *Беляев Н.Н., Хренова Н.Ф.* Сохранение в коммуникации гендерных различий // *Культура общения и ее формирование.* Воронеж, 2002. Вып. 9. С. 82.
18. *Кирилина А.В.* Указ. соч. С. 60.
19. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–34.
20. Там же. С. 44.
21. *Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // *Языковое сознание и образ мира.* М., 2000. С. 205.
22. *Гетте Е.Ю.* Гендерное коммуникативное поведение. Воронеж, 2009. С. 17.
23. *Кирилина А.В.* Гендерные аспекты массовой коммуникации // *Гендер как интрига познания.* М.: Изд-во «Рудомино», 2000. С. 47–80.
24. *Беляева А.Ю.* Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной речи): дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. С. 177.
25. *Гетте Е.Ю.* Гендерное коммуникативное поведение. Воронеж, 2009. С. 211.

* Термин Е.Ю. Гетте.

Z.V. Cherkesova

**THE PROBLEM OF VERBAL BEHAVIOR OF MEN AND WOMEN
IN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS**

Article updated issue of gender communicative behavior of men and women in the Russian language consciousness. Degree of scrutiny reveals gender speech in Russian. The features of construction of male and female speech.

Keywords: gender speech, men's speech, women's speech, communicative behavior, gender linguistics.

М.Р. Хежева

**СИМВОЛИКА ЧИСЛА ШЫ – «ТРИ»
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена исследованию символики числа шы – «три» в кабардино-черкесском языке. На основе анализа фольклорных текстов, прежде всего, наиболее древнего его жанра – нартского эпоса, и литературных произведений выявлены наиболее употребительные параметры числа шы – «три».

Ключевые слова: число, менталитет, числовая символика.

Особую символичность числа «три» в мифологических и фольклорных традициях и культурах разных народов отмечали Н.Л. Жуковская, Р.Т. Муратова, З.Ж. Кудаева, В.Н. Топоров и т. д.

Число «три» представляет решение конфликта, заложенного дуализмом; образует полукруг, заключающий в себе рождение, кульминацию и закат; с геометрической точки зрения, выражается точками и треугольником; считается естественным результатом союза единства и двойственности¹.

По мнению Н.В. Топорова, первым числом в целом ряде традиций считается число «три». Оно открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное число. Три – не только образ абсолютного совершенства, превосходства, но и основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации (включая нормы стандартного поведения)².

В культурной традиции многих народов, число «три» занимает центральное место, так, С.Ю. Ключников называет русскую традицию «насквозь троичной»³.

У каждого народа есть свои особенности, свои традиции, свой менталитет. И все это находит свое отражение в национальном языке, в этикете и мифологической традиции. С древнейших времен у адыгского народа существуют свои поверья и свои приметы, и в них немаловажную роль играют числовые компоненты. По народному убеждению, человек, увидевший девушку или женщину с длинными и красивыми волосами, должен был сделать вид, что сплевывает три раза через левое плечо, чтобы не сглазить ее. В древние времена обряд подвязывания красного сыра устраивали в первые три дня после рождения ребенка. Согласно убеждениям адыгов, в первые три дня и три ночи ребенка и его мать следовало защитить от нечистых сил, которые преследовали их, чтобы убить или искалечить. Существует еще один ритуал у адыгов, в котором данное число приобретает явный символический характер: во время отрезания пуповины бабка-повитуха обращалась к новорожденному с благопожеланиями и три раза хлопала его по лбу. *Зэи зыхамыха гуэр цызэхыхым и деж, мыпсалъэу лъэбакъуищ пчыну фЫищ жаIэрт.* «Если кто-то услышал то, чего никогда раньше не слышал, хорошо молча сделать три шага, говорили». *Сымаджэр цэ зэкIэльхъэтыту къепсмэ, хъужынуищ жаIэрт.* «Если больной чихнул три раза подряд, он выздоровеет, говорили». *Удз тхъэмтищ уи пIэцхъэгъым щIэбдзрэ ужеймэ, уи насып зыхэлъыр тцIыхъэпIэу уольагъу жаIэрт.* «Если перед сном под подушку положить трехлистную траву, то увидишь во сне своего суженого, говорили». *Хъэндыркъуакъуэр цэ къыпкIэльыпкIэну фЫкъым жаIэрт.* «Если тебе лягушка три раза вслед прыгнет, то это не к добру, говорили».

Число «три» имеет ярко выраженную символическую окраску и играет немаловажную роль в фольклоре. В нартском эпосе кроме выражений *жэцибгъу-махуибгъу* «девять ночей и девять дней» и *жэцибл-махуибл* «семь ночей и семь дней» встречается и сочетание *жэцищ-махуищ* «три ночи и три дня». Тройку можно назвать «сказочным» числом, так как встречается во многих литературных сказках и фольклоре разных народов, в том числе и у адыгов. Многократный повтор числа «три» в фольклорной традиции В.Я. Пропп объясняет тем, что число «три» было пределом, дальше которого счет долгое время не выходил. Три когда-то означало «много», а много означало то же, что и «сильно», «очень», то есть через множество означалась интенсивность. Поэтому трудность препятствия и победы, повышенный интерес к повествованию, восторг выражается через повторение числа «три»⁴.

Обращаясь к изучению числовой символики в прозе Ф.М. Достоевского, С.В. Белов отмечает, что употребляя число «три», писатель воскрешает сказочный фольклорный элемент: три дороги, три встречи, три сына⁵. В кабардинской фольклорной традиции, как и в фольклоре многих других народов, троичность занимает немаловажное место. Так, в сказании о Сосруко и Еминеже герой встречается на пути к цели трех животных, которых он спасает от смерти:

*Сэтэней ицIа гъуэмлэм цыиц зэрыIухуэу дыгъужьыр къызэфIэувэжри мэзым хэлъэдэжаиц*⁶. «Как только волк вкусил пищу, приготовленную руками мудрой Сатаней, он сразу же встал на ноги и убежал в лес».

*Сосрыкъуэр ежъэри еуэм, кIуэм, лъэурэ зы бгъэжъ ин гуэрым бгъаицхуэр уафэгум ирифыицIыху хуэзаиц. Сосрыкъуэ и шабзэр зэIуидзэри еуэиц бгъэжъми къриудыхаиц*⁷. «Едет-скачет Сосруко и видит, как орел терзает на небе сокола. Сосруко стрельнул из лука и сбил орла».

*Сосрыкъуэр ежъэри еуэм, кIуэм, лъэурэ хы Iуфэм цынэсым, толъкъуным пшахуэм къытридзауэ цылъу зы бдзэжъей гуэрым ирихъэлIаиц... Сосрыкъуэм ар къицитэри псым хидзэжаиц*⁸. «Едет-скачет Сосруко и на берегу моря видит рыбу, выброшенную волной на берег... Сосруко взял ее и кинул обратно в море».

В нартском эпосе три брата сравниваются с мечом: [*Лъэтиц*]: *Зэишиц-джатициым къыфпэхун цымыIэу дунейм фытетынкIэ сыфхуохъуахуэ!*⁹ «[Тлепш]: Желая трем братьям-мечам, чтобы вы долго жили на Земле и не было вам равных». В нартском эпосе встречаются три брата-великана: *Иныжъ зэишицыр адрей унэм кIуэри ихын хъэзыру цыIэр зырикI къамыгъанэу яихаиц*¹⁰. «Три брата-великана пошли в другой дом и съели все, что было приготовлено, ничего не оставив».

Чудесными волшебными свойствами обладают так же три голубки-девицы, прилетающие к золотому дереву нартов:

Щым вагъуэбэр щыхыхъэжым,
МащIэу нэхульэм щызэщIичым,
Нартхэ гущэ я жыгыжъым
Тхэрыкъуици къыпотIысхъэ.¹¹

И на исходе ночи,
Лишь облака посветлели,
К дереву золотому
Три голубки прилетели.

Для кабардинского фольклора характерно частое использование выражения *хъыджэбзищ* «три девицы». Именно такое количество девушек требует дракон для того, чтобы он пустил воду; или три девицы находятся в плену у злого отрицательного героя, обычно великана. Их обычно спасает положительный фольклорный герой: *Лъагъуэм теувэри Батыр кIуэурэ зы бжэ хуэзаиц. Бжэр Iуихрэ цыицIыхъэм, хъыджэбз дахиц – зыр гъыуэ, зыр дыхъэшхыу, ещанэм уэрэд жиIэу ицIэст. Батыр цалъагъум къыцилгъэтри зыкърадзаиц. – «Алыхъ-алыхъ,*

*мыбы зы емынэ гуэр цлэсици укьельнкъым, уишхыниц», – жилаиц хьыджэбзхэм*¹². «Батыр ступил на тропу и пошел по ней, увидел дверь, открыв эту дверь и вступив в комнату, Батыр увидел трех девушек-красавиц – одна плакала, одна смеялась, другая пела песню. Увидев Батыра, они бросились к нему: «Аллах-аллах, зачем ты сюда пришел – тут одно чудовище, ты от него не спасешься, он тебя съест, – сказали девушки».

И все мы, конечно, помним про три желания, являющихся характерной чертой многих сказок: *Иклэм сишхыным нэсауэ, къэгугъи симылэжу уэ сыкъыпхащи, сэ уэ цэ лъэлугъуэ сыт ицлысклэ укьызылэлуми, пхуэсицлэнуц*¹³. «[Дракон]: Под конец, когда у меня не осталось никакой надежды, ты меня спас от смерти, и я исполню любые твои три желания». Герои – нарты для достижения своей цели наносят своим коням три удара: *Сэтэней гуацэ къыжрилам тету, Уэзырмэс и шы пэхужьыр зэцигъэплъащ, цлотиц цэ уэгъуэр ирихри, жьым хуэдэу псыницлэу уафэгум ирихъащ...*¹⁴ «Как было подсказано мудрой Сатаней, Озермес нанес своему коню три удара, и тот, словно ветер, донес его до облаков». Наряду с выражением *гъуэгуицхьибл зэхклымлэ* «развилка семи дорог» в фольклоре используется и *гъуэгуицхьици зэхклымлэ* «развилка трех дорог»: *Къеуэм, къалгъуэрэ, гъуэгуицхьицир цызэхклым Къуийцлыклу тесыхэти хуэзащ. [Сосрыкъуэ]*¹⁵. «Едет-скачет Сосруко, и на развилке трех дорог встречает Куйцука».

В кабардино-черкесском языке в фольклорных текстах число «три» используется для выражения:

1) меры наказания: *фэлыриц къыдэхын*: Слово *фэлыр* в современном кабардино-черкесском языке означает полоску шириной в ладонь сыромятной кожи крупного рогатого скота, из которой изготавливают кожаные веревки; следует также отметить, что выражение *фэлыр и цлыбым ихын* в кабардино-черкесском языке используется в значении подвергнуть наказанию¹⁶. Следовательно, можно предположить, что наличие числового элемента *цы* «три» выполняет функцию усиления меры наказания: *фэлыриц и цлыбым дэхын* букв. «снять с кожи спины три полоски»: – *Жыслэр псори укьэмыгубжъу пицлэмэ, зыв уэстыници узутлыпцыжыниц, укьэгубжъэрэ – уи цлыбым фэлыриц къыдэхыници узутлыпцыжыниц*¹⁷. «Если ты будешь выполнять послушно все, что я скажу, и не разозлишься, дам тебе одного быка и отпущу. А коль разозлишься, сниму с твоей кожи спины три полоски»;

2) количества еды фольклорного героя: *мэл пиэриц* «три откормленных барана». *Нарт Бэдынокъуэ мэл пиэрицир ишхри илэпсыр трифыхьыжасщ*¹⁸. «Нарт Бэдыноко съел трех жирных баранов и выпил бульон». [*Иныжьым*]: *Мэл гуартэм фыхыхьы нэхь пиэру, нэхь ину цы къыхэфши, зэлыфхи вгъавэ*¹⁹. «[Великан]: Из стада овец выберите три побольше и пожирнее, разделайте и сварите их»;

3) продолжительности действия: пути, сна, испытания и т.д.:

Мазиц гъуэгуанэр шхыныншэщ,
Мазиц гъуэгуанэр пклуфамэ,
Благъуэм и унэр уи лэгъуэщ²⁰.

Путь трехмесячный – путь без еды,
Путь трехмесячный сможешь пройти –
До логова Дракона сможешь дойти.

*Бэтэрэз жэцици-махуицклэ жейуэ луащхэм телъащ*²¹. «Батараз в течение трех ночей и трех дней спал на этой горе».

– *Сэ шы зэстыр, – жилаиц фызыжьы цлыклум, – жэцициклэ мы си шыбз плъагъу къомыр хэзыгъэпцыфыриц*²². «Я даю коня тем, – сказала старуха – кому в течение трех ночей удастся пасти моих кобыл»;

4) измерения количества, размера, расстояния: *фоч уэгъуищ* «три ружейных выстрела». [*ГъуищЫтсэ*]: *Уздежъам унэблэгъауэ, шыр псы иумыгъафэ, псы щибгъэфэнур фоч уэгъуищ нэхърэ мынэхъ мащIэ пкIумэ, аращ шыр псы ефа нэужь, зэщIэплъэжыгъуэ ихуэн цхъэкIэ*²³. «Когда ты уже близок к тому месту, куда собрался, не нужно поить коня, нужно напоить коня после того, как ты прошел расстояние, равное «трем выстрелам ружья», чтобы после того, как он выпил воду, у него была возможность разогреться».

Теуэгъуищ. Слово *теуэгъуэ* в кабардино-черкесском языке используется для выражения расстояния, которое всадник может пройти без отдыха. А употребление числа «три», как и в предыдущем примере, усиливает, гиперболизирует значение:

[*Сосрыкъуэ*]: *Къызэльэпауэри, уей-уей,
ТеуэгъуищкIэ сыхыфIихуэщ,
Ди жылэбгъум ськъидзыжщ*²⁴.

[*Сосруко*]: Пнул меня ногой – уой-уой,
Кинул в три прохода
И добросил до окраины нашего аула.

*Джатэр IэбэгъуищкIэ къизмыхыжыфу жьы хъуар, шым мышэсыжыфу зи ныбжь хэкIуэтар, пиэрыхъ еуэну шабзэр зымышэщIыжыфыр, ... тажьджем ирагъэтIысхъэрти Нарт жылэм дахырт*²⁵. «Когда мужчина становился таким дряхлым, что не мог вытащить в три приема меч из ножен, не мог сесть на коня, не мог натянуть лук, чтобы подстрелить дичь... его сажали в корзину и выносили из Нартского аула»;

5) гиперболизации способностей героя-нарта:

Жыр зэфIэту къотэдж Бэдынокъуэр,
Къыбгъэдэт наргыжьхэм яжрелэ:
Мы щIы иным зыкъу гуэр иIатэм,
КъэсIэтынти щэ згъэкIэрэхуэнт!²⁶

Статно, словно сталь, встает Бадыноко
[и] рядом стоящим нартам говорит:
Коль у Земли большой была бы ручка,
Взял да покрутил бы раза три;

6) атрибутики этикета: *бжьыщ* – «три бокала»:

Зауэм япэ хыхъэгъуэм
Бий бжьыкIищыр яубыд,
Хасэм япэ хыхъэгъуэм
Санэху бжьыщыр къыIах²⁷.

Тот, кто в первый раз вступает бой,
Берет три штыка врага,
Тот, кто в первый раз идет на Хасу,
Берет три бокала белого вина.

*Испыхэм я деж хабзэу щызекIуэрт хъэщIэу я унагъуэм къыхъар жэщIищ-махуищкIэ имысынкIэ Iэмал имыIэу*²⁸. «У испов был такой обычай: если гость зашел в дом, он должен гостить там три ночи и три дня».

*Нэхъыжыщыр къытежьэри, Ерстэм нэхъыжъ тIысынIэмкIэ дашащ*²⁹. «Трое старших встретили Ерстама и провели его на почетное место»;

7) религиозных убеждений: [Ерстэм]: – «Ар Суандмэ, ижыри къэс зыгуэр щыгъэуицар сьт – хуэхъуицлац Батым. – Сыхуитакъым, тхъэлъанэ цэ щыгъэуицар»³⁰. «[Ерстам]: Если это Суанд, почему ты до сих пор ничего не говорил – упрекнул Батыма Ерстам. [Батым]: не имел права, она заставила меня поклясться три раза». Мясо жертвенного животного во время Курбан-Байрама принято делить на три части: одна часть – для гостей, вторая часть – для соседей и родственников, третья часть – остается в семье. Многие религиозные обряды продолжают в течение трех дней;

8) количества врагов фольклорного героя: *бишиц* – «три врага»:

– Уий, си анэу Сэтэней,
Абы щхъэкIэ умыдзыхэ,
Бий пэмыдзхэу Нарт Хасэм
Щы фIэкIа къахэмыкIамэ,
Ар си дежкIэ куэдыщэкъым³¹.

– Уой, моя матушка Сатаней,
Не переживай из-за этого:
Коли на нартской Хасе
Врагов только трое у меня,
Это для меня не так много.

Трех врагов имеет также сын Альбеча Тотреш Коварный, для сражения с которыми он просит Тлепша изготовить ему три стрелы: *Албэч и къуэ Тотрэш Лъэтиц и Къыцым щыгъаиц, шабзиц схуэцI жери*³². «Сын Альбеча Тотреш зашел в кузницу Тлепша и сказал ему, чтобы тот изготовил для него три стрелы».

Число «три» популярно и в других жанрах фольклора. Так, например, в сказке о Каральбий и Тенгизбий главный герой достигает своей цели только на третий день: *Щыгъуэхэр махуиц-жэцицикIэ а бдзэжъейм ещауэ, ещанэрей щыгъэуицхэм тшапэр зэхэуауэ, дунейр игъэнэхуу тенджыз щыгъум зыгуэр къыдрихъеяц. Ар Къэралбийм дыцэ бдзэжъейр къуубыдауэ арат*³³. «Люди три дня и три ночи не могли поймать рыбку, но на третий день, ближе к вечеру, на море всплыло что-то сверкающее. Это Каральбий поймал золотую рыбку».

Среди афоризмов встречается выражение *псалъэ пэжиц* – «три верных слова». Этот жанр представляет собой народную мудрость в виде наставлений, советов, наиболее полно отражают жизненную позицию адыгов: *Уи мыгуэху зумыхуэ*. «Не занимайся не своим делом». *Ерыскъы хъэзыр ублэмыкI*. «Не отказывайся от готовой еды». *Псы икIыпIэр умыщIэмэ, псыр чэнжыц жыпIэу ухэмыхъэ*. «Не зная брода, не ступай в воду, надеясь, что там неглубоко».

Числа выступают как составные части адыгской культурной традиции: традиционный адыгский треногий стол «ана» является важнейшим атрибутом адыгского этикета и гостеприимства. Подтверждение этому нетрудно найти в исторических и художественных произведениях, отразивших быт и культуру наших предков. *Нэхъыжъхэр лъэныкъуэкIэ уардэу щызэхэсиц. Абыхэм я пащхъэ Iэнэ лъакъуицкIэрэ ерыскъы прагъэувэ*³⁴. Старшие чинно сидят в стороне, к ним подносят еду на треногих столиках.

Выводы:

В современном кабардино-черкесском языке число *щы* – «три» является одним из самых употребительных. Наиболее характерными являются выражения *зэшиц* «три брата», *иныжъ зэшиц* «три брата великана», *мазиц* «три месяца», *жэцициц-махуиц* «три ночи и три дня», *мэл пшэриц* «три жирных барана», *бишиц* «три врага», *бжъиц* «три бокала», *тхъэрыкъуиц* «три голубки», *хъыджэбзиц* «три девицы» и т.д.

Данное число используется для выражения продолжительности действия, измерения количества и расстояния, выражения числа врагов фольклорного героя.

Особую значимость число *цы* – «три» приобретает в религиозных убеждениях, традициях народа. У адыгов существует множество поверий и суеверий, связанных с данным числом.

В адыгских сказках и сказаниях про нартов действие совершается три раза. **Троичность действия символизирует сложность достижения победы или цели.**

Характерным для кабардино-черкесского языка является то, что в ряде случаев, например, в выражении меры наказания и измерения расстояния наличие данного числового компонента может создавать усилительный оттенок.

Наиболее распространенная функция числа *цы* «три» – функция гиперболизации.

Примечания

1. *Крило Х.* Словарь символов. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. С. 484.
2. *Топоров В.Н.* Числа // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 630.
3. *Ключников С.Ю.* Сокровенные числа России // Наука и религия. 1998. № 9. С. 5.
4. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность М.: Наука, 1976. С. 96.
5. *Белов С.В.* Почему братьев Карамазовых было трое? // Русская речь. 1979. № 4. С. 96.
6. *Нартхэр. Къэбэрдей эпос.* Налшык: Эль-Фа, 1995. С. 52.
7. Там же. С. 52.
8. Там же. С. 52.
9. Там же. С. 33.
10. Там же. С. 238.
11. Там же. С. 357.
12. *Жылау Н.* Щэнгъасэ. Налшык: Эльбрус, 1995. С. 130.
13. *Нартхэр. Къэбэрдей эпос.* Налшык: Эль-Фа, 1995. С. 456.
14. Там же. С. 368.
15. Там же. С. 97.
16. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. С. 665.
17. *Нартхэр. Къэбэрдей эпос.* Налшык: Эль-Фа, 1995. С. 437.
18. Там же. С. 196.
19. Там же. С. 193.
20. Там же. С. 276.
21. Там же. С. 328.
22. Там же. С. 53.
23. *Клэрашэ Т.М.* Шапсыгъ пщакъ // Шу закъуэ: Роман. Повесть; Хъыбархэр. Налшык: Эльбрус, 1989. С. 325.
24. *Нартхэр. Къэбэрдей эпос.* Налшык: Эль-Фа, 1995. С. 104.
25. Там же. С. 239.
26. Там же. С. 278.
27. Там же. С. 66.
28. Там же. С. 290.
29. *Клэрашэ Т.М.* Шу закъуэ // Шу закъуэ: Роман. Повесть; Хъыбархэр. Налшык: Эльбрус, 1989. С. 69.
30. Там же. С. 277.
31. *Нартхэр. Къэбэрдей эпос.* Налшык: Эль-Фа, 1995. С. 62.
32. *Адыгэ Иуэрыуатэ.* Налшык: Эльбрус, 1999. С. 100.
33. *Адыгэ Иуэрыуатэ.* Налшык: Эльбрус, 1992. С. 323.
34. *Вэркъуэ В.Хь.* Лей зыхуэгъэгъум къахурегъэгъу. Налшык: Эльбрус, 2007. Зэзыдзэклар Мэзыхъэ Б.С. 35.

M.R. Hezheva

**THE SYMBOLISM OF NUMBER «THREE»
IN KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE**

This article is devoted to studying of symbolism of number «three» in kabardian-circassian language. On the basic of the analysis folklore texts and first of all the most ancient genre – nart sagas and literary work highlights the most common parameters number «three».

Keywords: number, mentality, symbolism of number.

УДК 398

Б.А. Берберов

СПЕЦИФИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА О ВЫСЕЛЕНИИ

Автор статьи рассматривает специфические особенности карачаево-балкарского детского фольклора, созданного в середине XX столетия в Казахстане и Киргизии. Большое внимание уделяется ключевым мотивам, символам, зооморфным образам, их связи с историко-культурным контекстом эпохи.

Ключевые слова: депортация, детский фольклор, народная педагогика, жанр, ключевой мотив, система образов, киргизский эпос, Кавказ.

Карачаево-балкарский детский фольклор имеет давнюю историю, и он необычайно богат по своему жанровому составу. Благодаря усилиям этнографов и филологов собраны, систематизированы и изданы мифологические, социально-бытовые, анималистические сказки и стихотворения, дразнилки, считалки, скороговорки и т.д.¹

Что касается выселенческого детского фольклора, то его сбор производится отдельными учеными-энтузиастами, к числу которых относится доктор филологических наук Х. Малкондуев, любезно предоставивший из своего личного архива подборку поэтических текстов автору данного исследования. Научная оправданность выделения детского фольклора в самостоятельную область творчества объясняется его особой художественной функциональностью и проявлением в нем особенностей мировосприятия детей-спецпереселенцев и спецпоселенцев. В этом отношении детский фольклор выселения представляет неоценимый источник для изучения основ народной педагогики и психологии, тесно связанных со всем укладом жизнеустройства балкарцев и карачаевцев в трагический период народной истории.

Среди тем, отчетливо отразившихся в данных стихах, первостепенное место занимает тема детского голода. В стихотворении «Село Папан» замороженный взгляд маленького героя сосредоточен на трех мельницах, «пережевывающих пшеницу и ячмень». Рядом находится хозяйский верблюд, «плюющий на детвору», действие которого в сознании голодающих ассоциируется с блажью пресыщения и вызывает смешанное чувство зависти и отвращения.

В другом случае маленький горец, по злой воле судьбы оказавшийся среди среднеазиатских песков, высказывает обиду в адрес своего друга, который «не взял его с собой в поход за съедобными кореньями» («Есть поляна в ущелье...»). Ребенок, то ли сохранивший воспоминания о кавказских национальных блюдах, то ли почерпнувший их названия из разговоров взрослых, сетует на то, что «никак ему не доведется увидеть воочию хычины, сохту, масло и сыр». Напрашивается версия и «гастрономической картины-галлюцинации» в воспаленном сознании больного (или умирающего) ребенка, поскольку следом идут строки:

Ачдан ёлдю аммабыз,
Къарыусузду жаныбыз.

Уллу Аллах сен болуш,
Тириличча саныбыз.

Бабушка умерла с голоду,
Души наши обессилели,
Великий Аллах, помоги,
Возроди (восстанови) наши души.

«Мой любимый Хурзук»

(Здесь и далее подстр. пер. авт. статьи)

В форме благодарственной молитвы написано еще одно стихотворение, в котором ребенок «просит Аллаха даровать здоровье» старой киргизской женщине Гюльчюн эне, спасшей его от голодной смерти («Гюльчюн эне»). В мире, где хлеб является пределом мечтаний маленьких невольников, такое традиционное детское лакомство, как «конфета», мыслится чем-то запредельным, фантастическим и упоминается только в условных, гипотетических предложениях. Мотив «Голод и ребенок» является одним из самых устойчивых в лирике выселения и профессиональных поэтов. Так, лирическая героиня поэмы С. Мусукаевой «Алма-Атада чагъадыла алмала» («Зацвели яблони в Алма-Ате») самым большим мужеством женщины называет «ее способность смотреть в голодные глаза голодного ребенка» (*Тиширыуну уллу кишилиги – ол // Ач сабийни ач кёзюне къарагъан*)².

Другим постоянным мотивом в детском фольклоре является идея «движения», «перемещения», выражающая укоренившееся в детском сознании заветное желание вернуться к «родной Золотой Горе». Особенно яркое, зримо-пластическое и завершенное олицетворение эта идея получает в стихотворении «Тарпанчыкды атчыгъым» («Моя выносливая лошадка»), дающее описание трудовых хлопот мальчишка: он растит, кормит-поит, воспитывает и закаляет коня, с которым связывает надежду на возвращение. Ту же функцию «метафизического перемещения» выполняет образ «белой змейки», которой мальчик «передает привет» («Жайда Къуркбурга кетдик» («Весной поедим в Куркур»). В системе ценностей маленького человека особо значимое место занимает «путь к Золотой Горе» (к Родине), поэтому, желая наказать своего обидчика, он бросает ему:

Алтын таугъа баргъанда,
Сени жолда къоярма.

*Когда отправимся к Золотой Горе,
Я тебя оставлю на полпути.*

Тема трагической разъединенности людей в среде спецпоселенцев достаточно широко освещена во «взрослом» фольклоре. А вот как глазами ребенка фиксируется эта трагедия. Юную Джамилю насильственно вырывают из привычного мира и увозят к Садыку, в мире которого «не будет радости, конфет, походов к Исык-Кулю, игры с волчком». Тот же мотив разрыва связей между близкими, родными людьми звучит в стихотворении «Посадили на деревянные сани».

Оказавшись в бескрайней степи, где от голода и холода умирают многие, мальчик-горец, веря в конечность зла, слагает песню о величии духа, о радости, которую принесет свободная жизнь. Репрессированный ребенок, чьи желания чрезвычайно удалены от его реальных возможностей, апеллирует в своем воображении к личностям национальных героев с их сверхнормативными человеческими качествами. Мысленно перевоплощаясь, ребенок примеривает на себе свойства героя и таким образом претворяет мечту в реальность. Так, в стихотворении «Мен Манас болсам» («Если б я стал как Манас»), маленький

мальчик отождествляет себя с мифопоэтическим героем, богатырем киргизов, совершающим подвиги в борьбе с врагами.

Стихотворение с ярко выраженными элементами дидактики «*Уша, делле Манасха*» – «Сказали: «Будь похож на Манаса» – призвано дать юному созданию образец духовного ориентира в лице героического персонажа киргизского национального эпоса. Краткое, лаконичное произведение, звучащее как развернутый афоризм, призвано воспитать в ребенке мужские героические качества, научить его, преодолевая боль, стремиться к цели, сохранять оптимизм. Эти и другие детские произведения о депортации своим глубоко человеческим и героическим пафосом способствуют выработке и поддержанию истинной системы духовных ценностей, значение которой вечно, вневременно и не зависит от социально-исторических контекстов³.

Стихи о животных из цикла «Детская поэзия о депортации» сгруппированы в основном вокруг категории «трагическое». По этим текстам маленький спецпереселенец получает представление о системе бытия, в состав которой включены не только силы света и добра, но в равной мере и силы зла и тьмы. Здесь он сталкивается с понятием «жестокость», которое чаще всего является производным человеческой деятельности и первоисточником несчастья. Для наглядности рассмотрим текст стихотворения «*Бёрю балачыкыла*» («Волчата»). Бросается в глаза внешняя бесстрастность стиха, построенного в форме сюжетного повествования о встрече ребенка с охотником, вернувшимся с добычей домой. Ребенок сам выступает очевидцем и повествователем, скорее всего, это его первый опыт восприятия трагедии в контексте животного мира. Он объективно фиксирует картину увиденного, избегая эмоциональных оценок. Лишь один раз ребенок проявляет свою реакцию, давая характеристику детенышам: «*Таких симпатичных созданий // Я в жизни не видел*». Напрямую ничего не говорится о жалости и сопереживании по отношению к жертвам человеческой жестокости.

Высокой частотностью в детской фольклорной поэзии выселения отличается также мотив признательности, обращенный к киргизам, казахам, представителям иных национальностей, которые куском хлеба, теплым словом, душевной щедростью делились с маленькими спецпереселенцами в тяжелые годы депортации. «Благодарственные» стихи характеризуются повышенной эмоциональностью, экспрессией; кажется, словам тесно в рамках поэтического текста. Строки любви и душевного тепла «стягивают» воедино прошлое и будущее время, в цепкой памяти ребенка сохраняются реалистические детали, ассоциирующиеся с добротой и щедростью, не рассчитанной на ответное воздаяние. По принципу «добро порождает добро» ребенок в стихе высказывает обещание в будущем поддерживать связь с благодетелем, оказывать помощь, всегда помнить своих спасителей. Нередко в «благодарственных текстах» дается богатая внешняя характеристика покровителя и его психологический портрет. Так, в стихотворении «*Къыргъыз эне – топпанбаш*» («Киргизская бабушка – высокоголовая») дается подробное описание киргизского национального головного убора, из-под которого струятся «черные косички-змейки», украшенные «множеством разноцветных бусинок». Примечательно, что в художественном сознании безымянного сказителя бусинки сравниваются с «речными камушками» – конкретной реалией горского быта, подчеркивающей идею родства между старой киргизской женщиной и балкарским ребенком. Воспроизводя эмоциональное тепло, исходящее от бабушки, сказитель употребляет слова «*медовый*», «*сладкий*» по отношению к ее речи, языку, интонации.

Во многих стихотворениях обозначена раздвоенность сердца спецпереселенца, который безгранично любит и тоскует по кавказской родине, но за годы депортации успел полюбить и ту добрую землю, которую с полным основанием стал называть

«второй родиной». Наиболее выразительно эта мысль звучит в стихотворении «*Сау кьалгыын сен Кёкбель эл*» («Будь благословлен, село Кёкбель»), имеющем конкретного адресата, киргизского сельского учителя по имени Манап. Для многих карачаевских, балкарских ребятишек он становится первым проводником в мир знаний, помогает справиться с тоской. Крупным планом описывается день трогательного прощания учителя со своими учениками, отъезжающими на Кавказ. Дети клянутся своим киргизским побратимам всегда помнить о них и обязательно навестить в будущем край, который стал родным.

Детский фольклор выселения представляет собой важный источник для изучения основ народной педагогики и психологии, тесно связанных со всем укладом жизнеустройства карачаевцев и балкарцев в трагический период народной истории.

Примечания

1. Детский фольклор (на балк. яз.) // Карачаево-балкарский фольклор: Хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик, 1996. 592 с.; Антология балкарской поэзии. Для детей (на балк. яз.) / Сост. А.М. Бегиев и М.М. Ольмезов. Нальчик, 1993. 349 с.
2. *Мусукаева С.А.* Аллыма кьара (Встречай меня): Стихи, поэма. Нальчик: Эльбрус, 2001. 304 с.
3. *Берберов Б.А.* Два «Манаса»: интертекстуальный диалог // V Международная конференция по фольклору. Национальная академия наук Азербайджана. Институт фольклора. Баку. 17–19 октября 2007 г. С. 132–134.

B.A. Berberov

SPECIFICITY OF KARACHAY-BALKAR CHILDREN'S DEPORTATION FOLKLORE

Author of the article investigates the specific peculiarities of Karachay-Balkar children's folklore, created in the middle of XX century in Kazakhstan and Kyrgyzstan. Much attention is paid to key motives, symbols, zoomorphic images, their connection with historical and cultural context of the epoch.

Keywords: deportation, children's folklore, folk pedagogy, genre, key motive, system of images, Kirghiz epos, Caucasus.

И.А. Кажарова

ИДЕАЛ ТИПИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА В АСПЕКТЕ ТРАДИЦИИ*
(на материале поэтических произведений Адальби Браева)

В статье на материале произведений Адальби Браева прослеживается процесс постепенного утверждения в кабардинской поэзии 1950 – начала 1960-х гг. нового идеала личности. Типический человек рассмотрен в плане переосмысления содержательных нормативов идеала героического человека, преломления лирического опыта Бетала Куашева, ассоциативных связей с некоторыми традициями русской литературы.

Ключевые слова: традиция, идеал, Адальби Браев, содержательные нормативы, героический человек, типический человек, доминанта, синтез.

Браев Адальби Галимович (1937–2005) – адыгский поэт, писатель, журналист, автор ряда сборников стихов и рассказов на кабардинском языке, часть которых известна также в переводе на русский.

Творческий дебют Браева состоялся в 1963 г. с выходом поэтического сборника «Щхьэгъубжэ нэху» («Свет в окне»). Однако отдельные его произведения стали появляться в печати еще раньше, с середины 1950-х. Это был период, когда под влиянием художников старшего поколения в искусстве доминировал пафос преодоления внешних преград, напряженное чувство ответственности перед временем, – черты, отражавшие идеал героического человека, утвердившегося в годы прошедшей войны.

Этико-эстетическая парадигма старших представителей творческой интеллигенции, которым суждено было стать прямыми участниками военных событий, формировалась в 1920–1930-х гг., в условиях господства идеала «нового человека»; героический же человек явился одновременно и его логическим продолжением, и феноменом, возникшим на гребне тяжелого исторического испытания и его преодоления. Говоря иначе, идеал героического человека как этико-эстетическая доминанта военных и послевоенных лет возник бы даже в том случае, если бы ему исторически не предшествовал идеал нового человека.

Художественные величины, способные приблизить нас к атмосфере, сопутствовавшей появлению первой книги Адальби Браева, определяются даже через заглавия сборников, вышедших за короткий временной отрезок с середины 1950-х по начало 1960-х: «Восхождение» (1959), «Гъуэгуанэ усэхэр» («Дорожные стихи») (1961) Адама Шогенцукова; «Бзухэм я бзэр» («Язык птиц») (1959) З. Налоева; «Бгым сыдокI» («Иду в гору») (1960) З. Тхагазитова; «С восходом солнца» (1958), «Солнце над Дзалукой» (1961) К. Эльгарова и ряд других. Легко увидеть, что за редким исключением как зрелые, так и начинающие авторы утверждали в воссоздаваемой реальности культ направленного движения и светозарности.

Символично, что на поэтические опыты молодого Браева, в ряду других совершавшего свои первые литературные шаги, обратил внимание Бетал Куашев, в ту пору ответственный секретарь литературно-художественного альманаха

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» по направлению 5. «Механизмы ответственности в развитии литературы».

«Кабарда»: вскоре в одном из разделов альманаха и состоялась первая публикация Браева. Поиски самого Куашева, как и большинства поэтов его поколения, осуществлялись в двух легко отчлняемых друг от друга направлениях: декларативно-пропагандистском (публицистическом) и лирическом. Если первое направление позволяет сказать об уровне творческих достижений целого ряда поэтов: почти «все равны», то мера и степень лирической углубленности у каждого своя. Отдельные произведения Куашева обнажали мир внутренних переживаний настолько, что своей откровенностью вызывали нарекания критики, еще не привыкшей к исповедальным глубинам интимной лирики. Ни эпоха, ни адыгский этикет, под влиянием которых формировался поэт, еще не были готовы к принятию некоторых его откровений.

Безусловно, степень самораскрытия художника во многом определяется характером его идеала. В зависимости от нормативов, которые диктует последний, может превалять либо желание строго соответствовать каноническому образу сильной личности, либо потребность впустить в поэзию дисгармонию внутренней жизни. В этом смысле идеал Куашева синтезированный, при всем наборе рифмующихся с духовными предпочтениями времени качеств его героя, в нем уже чувствуется образ типического человека. И степень его самораскрытия, если можно так ее определить, не картинная, не ориентированная на соответствие канонам, она достигается без боязни показать себя в минуту душевной слабости. Оттого все исследователи сходятся во мнении, что Бетал Куашев в своей устремленности к пределам искренности – фигура для своей эпохи нетипичная.

Судя по всему, подобный уровень лирического самораскрытия был близок мироощущению Адальби Браева. Тем не менее, есть что-то странное и неожиданное в том, что молодой поэт, на момент выхода первого сборника едва миновавший свой 25-летний рубеж, решается вывести к читателю героя, не просто внутренне подавленного и дисгармоничного, но почти достигшего дна социальной жизни: «Ахъшэ щІыхуэ, ресторан, фадэбжэ. / Гьуэгу шэдыльэ, гьуэгу егъэзыха! / Куэдым уэ плъэгьуакІэщ я нэщІэбжэ, / Иджы сэркІэ хьуащ узІуха» («Щхьэгъубжэ нэху»)¹. – «Денежный долг, ресторан, бокал спиртного. / Дорога топкая, дорога, вниз ведущая! / Свидетелем многих слез ты была, / Теперь и мне открытой стала» («Свет в окне»)².

Как отмечалось выше, наименования сборников середины 1950 – начала 1960-х гг. были наполнены семантикой движения и света. В чисто формальном отношении первая книга Браева также «светозарна».

Свет – ключевой образ произведения, давшего название всему сборнику, но если бы автор сам не выбрал такое заглавие для своего стихотворения, читатель, скорее всего, и не догадался бы о ключевой функции данного образа. Дело в том, что свет присутствует в стихотворении косвенно: на шесть строф приходится лишь два его появления, и в обоих случаях они абсолютно лишены характерной для эпохи интенсивности и характерного для эпохи смысла.

Опосредованно «тема света» вступает в произведение сразу же, с первых строк, через образ ресторана. Это свет, внедренный в «систему ценностей» того губительного мира, в пределы которого вступил герой. Интересно, что показанный Браевым свет отмечен в своей направленности не во внешний мир, а непосредственно к субъекту переживания. То есть первостепенным выступает не стремление к преобразению окружающего мира, что было принципиальным на предшествующих этапах развития кабардинской поэзии, а поиск равновесия в мире внутреннем.

Свет желанный, спасительный явлен в предпоследней строфе через образ горящего в ночи окна, он также сохраняет свою камерность, ограниченность, на этот раз – пределами дорогого сердцу пространства, – это «правильный свет», который «задерживается» в окнах «правильных друзей»: «НыбжэгуфІ къэнахэр

Псэуныггэм / Куэдрэ йогупсыс и мыхьэнэм. / Сопль мычэму сиггэгүфIэу ахэм / ХэклуэтэхукIэ я щхьэгубжэ блэм»³. – «Хорошие друзья оставшиеся Бытия / Подолгу обдумывают смысл. / Я смотрю неотрывно, радуясь их / С наступлением темноты светящимся окнам». Но это не радость обретения внутренней гармонии, преодоления себя или внешних преград, венчавшая, как заветная цель, все деяния героического человека, это радость за тех, кому посчастливилось выбрать верный путь.

Неверный путь, в сознании Браева, это еще и путь безвестной, бесполезной жизни – «гъуэгу щIыхьыншэ». Определение «щIыхьыншэ» дословно переводится как «не пользующийся авторитетом, уважением»⁴.

Нет необходимости доказывать, что особый образ пути – один из аксиологически значимых элементов в художественном воссоздании идеала героического человека. Для героического человека ценностно лишь пространство преодоления, символом же безусловной победы является достижение героем самой вознесенной точки этого пространства и озаренность его светом.

Но для типического человека образ пути становится отражением внутреннего конфликта, внутренних метаний, поисков себя. Надо сказать, что путь героя Браева никогда не лежит в небо, никогда не направлен на преодоление вершин; сложный, вызывающий сомнения, противоречивый и опасный, он проложен по земле: «Гъуэгу шэдылъэ, гъуэгу егъэзыха!» – Путь совершенно немислимый в пределах поэтической рефлексии Алима Кешокова, Бетала Куашева, Адама Шогенцукова и любого иного представителя плеяды ведущих поэтов послевоенного периода.

Несколько претенциозное определение творческого портрета Браева, сформулированное писателем Борисом Мазиховым, – «адыгский Есенин»⁵, в свете подобных отступлений отнюдь не безосновательно. Способ психологизации ландшафта, характерная поза героя, устало прислоненного к придорожному дереву, мотив загубленной молодости, характерный для поэзии последних лет Сергея Есенина, действительно создают ряд легко узнаваемых ассоциаций: «Здэггэгзэнур кысхуэмьшIэу сэри / Жыг гъуэгущхьэм тетым зызоггэщI. // Зы Iэпкынэм фIэт Iэпхуамбэу, льягъуэр / Мы си пащхьэм куэду щыпхышаш. / Гъуэгу шэдылгэм техьа си ныбжэггухэм / Я Iэ къащIым псэр ириггэшаш. // СыщIохуэпсыр сэ нэгъуэщI ухыггэм, / НэгъуэщI льягъуэ гугъу къэгзупсысын. / СыщIобэгри сеггэпсэу а гуггэм, / Арыншамэ, гъащIэр сыту сщIын!»⁶. – «(И) я, не зная, куда повернуть, / К дереву, стоящему у начала дороги, прислоняюсь. // Как пальцы руки, тропа / Передо мною множится. / На топкую дорогу сошедшие мои друзья / Утомили мою душу манящими за собой руками. // Я мечтаю о другой судьбе, / Другую сложную тропу придумать. / Я тоскую об этом и живу этой надеждой, / А иначе, к чему мне жизнь!». Если идеал героического человека требовал актуализации пространства преодолеваемого, то типический человек открывает читателю пространство переживаемое. В начале 1960-х, когда сверстники Браева в согласии с канонами доминирующего идеала «восходили в гору», его герой был озабочен спасением своего пути через спасение своей души.

Как было сказано, образ искомого им пути оказывается в одной связке с признанием либо отсутствием такового: «Къурш кыгузэхэм гъуэгу щIыхьыншэ псори / ЩIралгхьэж къэмынэу зы лъэужь... / Псэуныггэм псэIэ хуэнэрыггьу / Сэ сыхуолIэ нобэ зы Iэ хужь»⁷. – «Обрушающиеся горы все пути бесславные / Погребают (под собой) бесследно... / К Бытию упрямо устремленная, / Мне очень необходима сегодня рука белая». Обрушивающиеся горы, погребаящие под собой множество неизвестных (то есть бесславных) троп, – образ, в котором находит место и переосмысленная этноспецифика канонического пути героя кабардинской поэзии, и доведенная до драматизма тема осознания Браевым своего места в традиции.

Идеалу Браева близок обычный человек, пусть в чем-то ослабленный, но всегда движимый надеждой: «Сыпсэунш / сиIэхукIэ гукгьэдэж, / Псэууэ лIахэм

сыт я мыхьэнэж» («Дэ допсэу иджыри»)». – «Буду жить, / пока есть воодушевление, / От живых мертвецов что толку» («Мы живем еще»); «Сэ си гугьэр зэйкI мыкIуэдыжынщ» («Гугьэ»). – «Моя надежда никогда не исчезнет» («Надежда»). Можно сказать, что надежда – наиболее ценностно окрашенное из спектра переживаний поэзии Браева, но чем является то основное, на что устремлено это переживание, всегда остается невысказанным, и, судя по всему, едва ли это основное сводится к одному лишь служению поэзии. Кстати, страдающий герой стихотворения «Свет в окне» в дальнейшем больше не появляется, во всех остальных случаях его страдания надежно прячутся за самоиронией (как, к слову, «требование» «пусть небольшой, но прижизненной славы» в стихотворении «Щы сызытельым кысхуегьэплъ си щыбыр...»).

Меньше всего этого героя интересует соответствие каким-либо эталонам духовного совершенства, однако это не отрицает его фиксированности на духовных категориях, в частности, философской оппозиции жизнь/смерть, о чем свидетельствует хотя бы неизменное написание им слова «Псэуныгъэ» («Бытие», «Жизнь») с прописной буквы. Да и как таковая необходимость введения в свой поэтический лексикон данного слова – непривычного для кабардинского слуха отглагольного существительного – говорит сама за себя.

Можно сказать, что главное для героя Браева – иметь мужество принять Бытие без остатка. Он не стремится по примеру предшественников в чем-то преобразовать его, он непритязателен в требованиях к своему Бытию («КупщIэу ильыр Псэуныгъэм / Сэ кысфIощIыр фадэ фальэу, / Хуейщ а фальэр сэ си лыгъэм / Ирифын, сылIэху и Пальэу» («Аргуэрыжыти си нэджыджыр»). – «Смысл, заключенный в Бытии, / Мне видится сосудом с крепким напитком, / Необходимо этот сосуд моему мужеству / Испить, до момента наступления моей смерти»)», но при этом он никогда не перестает притязать на бессмертие.

Здесь надо отметить, что оппозицией к «Псэуныгъэ» в его текстах наряду с «лIэныгъэ» («смерть») выступает также понятие «ухыгъэ». В свою очередь «ухыгъэ» – авторский неологизм Б. Куашева, вжившийся в современный кабардинский язык настолько органично, что «сегодня уже и не чувствуется, что это слово было изобретением конкретного автора»¹⁰. Как известно, в контексте куашевской поэзии оно имело два значения – «смерть» и «судьба». Те же коннотации реализуются и в творчестве Браева, с той, возможно, разницей, что «ухыгъэ» в первом куашевском смысле у Браева лишено драматического напряжения.

Достойный конец в руках каждого, считал Куашев, его надо заслужить путем высокой нравственности и самоотверженного труда во имя своего народа. Позиция браевского героя в отношении достойного конца в большей степени созерцательна, нежели активна, хотя понятия «щIыхь» (известность) и «ухыгъэ», «лIэныгъэ» часто расположены в его текстах рядом: «ЩIалэу улIэныр арагъэнщ насыпыр, / УпсэхункIэ уимыIэnum щIыхь» («Щы сызытельым кысхуегьэплъ си щыбыр...»)». ¹¹. – «Молодым умереть, видимо, счастье, / Если, пока живешь, не будет у тебя славы» («Земля, на которой лежу, нагревает мне спину...»).

Он не указывает, что именно составит памятник его бессмертия, он обычный человек, нет и мысли об избранности своего удела, но, тем не менее, надежда на бессмертие, как и слава (щIыхь), становится одной из устойчивых величин его сознания.

Этический идеал типического человека и этический идеал человека героического проступают в сопоставлении стихотворения Браева «Гугьэ» со знаменитым куашевским «Сыт сызыщышынэр?»).

ДыгъэфI махуи, жэщ мазэгъуи
Сызыщышынэр зыщ:
«ИщIэгъа щыIакъым щIагъуи,
Лаш, дыхуэарэзыщ»,

СхужыпІэнырщ, си лъэпкъ мащІэ:
Ар си лІэн тІэунейщ.
Уэ умыщІ Іумпэм си гуащІэр,
Сэ уэ сырыуейщ.
(«Сыт сызыщышынер?», 1955)¹²

И в ясный день, и в звездную ночь
Страшусь лишь одного:
«Ничего особенного не сделал,
Умер, да пребудет с миром!» –
Чтобы сказал ты обо мне, мой народ,
Это для меня – двойная смерть.
Ты не отвергай мой труд,
Я (без остатка) твой.
(«Чего я страшусь?», 1955)

Сэ сопсэу,
солажьэ,
мэхъу си фІэщ –
Сэ си гугъэр сэм кыпимыгъэщ.
И дунейр кытоункыфІэ
хэтми,
Гугъэ щыщІэм,
псэкІэ бауэ пэтми.
Щимыгъачэу
сэ сиыгъщ гупсысэм,
Сэ си гугъэр – ззыкІ мыкІуэдыжынщ...
Си псэм седжэу
сыщытель уахътыми
Сыгугъэнщ жаІэну:
«МылІэжынщ».
(«Гугъэ») ¹³

Я живу,
работаю,
верю –
Мою надежду уничтожить не просто.
Мир меркнет для
любого,
Кто лишен надежды,
даже если душа живет.
Беспрерывно
меня поддерживает мысль,
Моя надежда – неиссякаема...
Призывая свою душу
на смертном одре,
Буду надеяться, что скажут (обо мне):
«Бессмертен».
(«Надежда»)

В первом случае – напряженная устремленность личности во внешний мир, всепоглощающее чувство ответственности перед родным этносом, желание быть достойным того, чтобы являться частью его культуры. Во втором – полная сосредоточенность на желании удержать доминанту своего внутреннего мира – надежду, естественную, как сама жизнь.

Разница в характере переживания конечности собственного существования и разница в эмоциональном отношении к тому, как оно будет оценено социумом, в

сопоставлении двух произведений, показывает, что «...предмет, представляющий очень большую ценность ввиду его соответствия данному идеалу, может иметь нулевую ценность с точки зрения другого идеала»¹⁴. Так, «Я» Куашева ориентировано на преобразование себя во имя своего народа. «Я обычный человек, – заявляет герой Браева, – живу, работаю...». Если его знаменитый предшественник, проецируя на себя традицию всеобщего прощения умершего, готов ею пренебречь ввиду того, что лишь собственная совесть вершит последний суд («Ар си л'эн т'эунейш». – «Это для меня двойная смерть»), то Браев, сообразно доминанте своего внутреннего мира, спокойно верит в уготованный ему удел бессмертных.

Безусловно, вывод «бессмертен» подразумевает свершения, способные перевести человека в вечность, но поэт предпочитает оставить это за кадром, переставляя акцент на устойчивость своего духа. Если попутно обратить внимание на внедренное в обоих произведениях отношение «поэт и общество», можно отметить в первом случае определенность адресата, которому обращен труд поэта, – «ты, мой малый народ» (причем Куашевым переживается не проблема понимания обществом, а проблема своего соответствия, своей необходимости ему), во втором случае – некое обобщенное множество, обозначенное глаголом «скажут» и присутствующее всего лишь как фон духовной стойкости человека. Мера ценности своего соответствия этому фону с точки зрения идеала Браева вообще несущественна.

В свете таких расхождений герой Браева может показаться антиподом идеала героической личности, но такой вывод был бы законным, если бы имело место прямое противопоставление этическим нормативам героического человека, здесь же – всего лишь постепенная и естественная эволюция героя послевоенной поэзии. Иначе говоря – не отрицание прежних ценностей, а интерпретация их с точки зрения нового идеала.

Так, привычный мотив служения своему народу близок и ему, но он уже «пропущен» через взгляд человека, спокойно осознающего собственное несовершенство, вводящего это осознание в склад личности, лишенной претензий на безупречность: «Сыхъуауэ мысэ, сэ зыгуэркИ / Къэсхынккъым, Лъахэ, уи гуэныхь, / Сэ сфІэфІш сынотэм къару плышІкІэ, / Сымыхъуми нобэ лы бэлыхь» («Си хэку, си дыгъэ»)¹⁵. – «Провинившись (в чем-либо), я ни в чем / Не согрешу, Родина, перед тобой, / Я люблю трудиться для тебя с силой приумноженной в сорок раз, / Пусть и не дано мне стать сегодня превосходным героем». И это, надо подчеркнуть, не декларируемое несовершенство, а всего лишь органичное идеалу типичного человека.

Спорадически возникающий мотив застолья и опьянения в таком контексте прочитывается как своеобразная форма «включения» этого «несовершенства» в поле своей поэзии («Щхэгъубжэ нэху», «Ди анэ»). В этой связи важно еще раз обратиться к есенинским аллюзиям. Стихотворение Браева «Ди анэ» («Наша мама») по своему исповедальному характеру близко есенинскому «Письму матери». Исповедь, обращенная к маме, в обоих случаях является неким пределом искренности, на котором обнажается извилистость жизненного пути поэта и осуществляется раскрытие самого себя без прикрас.

Странность и непонятость в глазах обывателей рода занятий и образа жизни героя и попытка объяснить и оправдать этот образ «сгоранием» во имя искусства сливаются в одно сложное переживание: «Уэ уи къуэм и гугъэр / Ихъауэ щыблэшэм / КъыбжаІэу щхэ къахэрэ мы цыхухэм гуэныхь?! / Шагъырым къыгъэплъу, / мыжейуэ жэщ ныкъуэм / Игу щыщІэр уэ уи къуэм уэрэду еус. / Уи тхугъэр къэдзыхэу / уэ уи гур мыныкъуэм, / Ар хьунуш, ди анэ, ар хьунуш дурыс»¹⁶. – «Твоего сына надежду / Будто сразило молнии пулей / Говоря тебе, почему люди берут грех на душу?! / Вином разгоряченный / в бессонную полночь, / Что в

сердце творится, твой сын в песнях слагает. / Если седину твою робеть заставляя, / сердце твое не будет терзаться, / Они будут приняты, они будут приняты». Мерой истинности его поэтического пути выступает не традиционное признание в глазах современников, эпохи, потомков и т.п., а материнская вера в него, – «Ты одна мне помощь и отрада, / Ты одна мне несказанный свет»... (С. Есенин).

Как видим, мотив признания обществом входит косвенно, через родительское благословение, и примечательно, что в таком контексте «принятие» своих песен он обозначает словом с сакральным оттенком – «дурыс» – ‘дозволенное (дозволяемое) религией, религиозной моралью’¹⁷. Родительская любовь как благословение его творчества.

Важно заметить, что перекликаясь в своей исповеди с «надломленным» героем есенинской лирики, субъект лирики Браева не позиционирует себя как герой-маргинал. Он, конечно, уже откровенно далек от еще довлеющих современной ему литературе этико-эстетических доминант, но, повторим, не делает из этого декларации. Ни в стихотворении «Свет в окне», ни в стихотворении «Наша мама», ни где-либо еще его герой не перерастает в бунтаря.

Мотив признания обществом и художническая позиция Браева весьма разносторонне обозначились уже в его первом сборнике, в стихотворении «Гуп махуэ» («гуп махуэ» – приветственное выражение в адрес празднующей компании). Так называемая тема отклика определилась сразу в двух проявлениях – как отношение к его творчеству читателя и как отношение к нему же собратьев по перу.

Читатель изображен был так, что ощущался особый характер связи с ним: «Си усэр кьыштэу / зызыгъэщхь дэтхэнэми / Сатыр нэ «КыфКкэ» / сыкьипльэнц и нэгү. / А нэгүм ГупшГу / ислъэгъуа нэщэнэкли / КъэсщГэнц, / щГыхыншэу кьыспэщылъмэ гъуэгү»¹⁸. – «Беря мои стихи / наклонившемуся любому, / Строк «темными» глазами / загляну в лицо. / В этом лице по мною увиденным приметам / Пойму, / если бесславный путь мне предначертан». Взаимодействие читателя с творениями поэта показано через оборот «зызыгъэщхь дэтхэнэми». Невозможно не заметить, что отглагольное образование «зызыгъэщхь» («наклонившийся, склонившийся») воссоздает не только образ склоненного над произведением, но и поклонившегося ему читателя. Иначе говоря, обращенность читателя к его творчеству сама по себе – своего рода одолжение, ведь именно она и предопределяет его дальнейшую судьбу.

Внутренние установки художника, определяющие характер осознания себя в культурной традиции, были выражены через замечательный этнический сюжет – джэгү – игрище, знаковое в культуре родного этноса событие, концентрирующее большую численность людей и предполагающее соблюдение целого ряда предписаний: «ЩГэзупщГэу лъапэр, / утыкушхуэ сихъэу, / Телъыджэу нобэ сщГыгъэ ислъэмей / Сакъыщымыхъуми, / цГыхур кьыстехущхъэу / СимыГэм сфГэфГщ джэгукГэ сысымей»¹⁹. – «Подворачивая носок, / выходя в центр круга, / Виртуозным исполнителем исламей / Хоть я и не кажусь, / у публики зевоту вызывающей / Предпочитаю не иметь чужой манеры исполнения». Стремление к индивидуализирующей его творчество манере выражено предельно ясно, при этом восприятие собственного несовершенства лишено трагизма. Пусть творческая манера пока несовершенная, зато – своя собственная.

Также не привносится трагизм в классическое отношение «поэт и его окружение». Браев чтит законы игрища и его участников, оттого обращается к ним с этикетным благопожеланием: «Сэ куэдым нобэ сыщГэгъэплъ я лъэгүм. / Джэгүшхуэм хэлъу сэ кьысфГощГри пэсу, / Лы бжыфГэ гуэрым тызокъутэ Гэгур, / Ар куэдрэ, / куэдрэ, кьуэшхэ, ирепсэу. / Гупсысэ шыру кьыщальхуар мы си гум / ИзгъэтГэсащи сэри алыфбей, / Сэ сфГэфГщ, ныбжьэгъухэ, сыныхыхъэм / джэгүм, / «Гуп махуэ!»²⁰ – жеГэ нобэ Адэлбий!». – «Мне многие сегодня демонстрируют

свое мастерство. / В большом джэгу, мне кажется, заложена душа; / Какого-то эффектного мужчину осыпаю аплодисментами, / Он долго, долго, братья, пусть живет. / Мыслью новорожденной в моем сердце / Содержу и я алфавит, / Мне нравится, друзья, участвовать в джэгу, / «Гуп махуэ!» – говорит нынче Адальбий!».

Все рассмотренное позволяет сделать вывод, что идеал типического человека утверждался в кабардинской поэзии вне лобового столкновения с человеком героическим, хотя с точки зрения последнего являл его полную противоположность.

Опираясь на основные содержательные нормативы современной ему поэзии, Адальби Браев сообщил им иную специфику, соответствующую новому идеалу человека – меняется образ пути, характер отношения к славе, видение собственного места в культурной традиции, характер переживания собственной конечности и примыкающий к этому тип отношения к творческому бессмертию. Симптоматично, что в этом контексте угасает культ стремительного целенаправленного движения.

Знаковое стихотворение, с которым Браев вступил в литературу, продолжало линию лирической интроспекции, намеченную в поэзии Бетала Куашева, но если не побоявшийся быть слишком откровенным герой Куашева всецело стремился одолеть дисгармонию внутренней жизни, то Браев постепенно пришел к принятию неровностей внутренней жизни в смысле их естественной включенности в склад личности типического человека. Связанный рядом ассоциаций с поэзией Сергея Есенина, его герой, тем не менее, не проявил в себе «бунтарскую уличную стихию»²¹, что объясняется не только ее исторической необоснованностью, но и спецификой адыгского менталитета, не приемлющего эпатажные формы самовыражения. Таким образом, поэзия Браева, формально синтезируя ряд нормативов изображения личности, утвердившихся в послевоенной кабардинской поэзии, воссоздавала суть человека нового типа.

Примечания

1. Браев А.Г. Душой и сердцем: Стихотворения, рассказы, повесть (На кабардинском языке). Нальчик: Эльбрус, 2000. С. 9.
2. Здесь и далее все подстрочные переводы художественных текстов наши. – И.К.
3. Браев А.Г. Указ. соч. С. 9.
4. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. С. 817.
5. Мазихов Б. Адыгский Есенин (На кабардинском языке) // Адыгэ псалъэ. 2007. Июльым и 18-м.
6. Браев А.Г. Указ. соч. С. 9.
7. Браев А.Г. Указ. соч. С. 9.
8. Браев А.Г. Указ. соч. С. 70.
9. Браев А.Г. Указ. соч. С. 13.
10. Кармоков Х. Труд поэта // Куашев Б.И. Стихотворения и поэмы (На кабардинском языке). Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 291.
11. Браев А.Г. Указ. соч. С. 10.
12. Куашев Б. Стихи и поэмы (На кабардинском языке). Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 71.
13. Браев А.Г. Указ. соч. С. 12.
14. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 1999. С. 491.
15. Браев А.Г. Указ. соч. С. 25.
16. Браев А.Г. Указ. соч. С. 24.
17. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. «А-Н». М.: Наука, 1977. С. 152.
18. Браев А.Г. Указ. соч. С. 15.

19. *Браев А.Г.* Указ. соч. С. 15.
20. *Браев А.Г.* Указ. соч. С. 16.
21. Русская литература XX века. В 2 т. Т. 1: 1920–1930-е гг. / Под ред. Л.П. Кременцова. М.: Издательский центр «Академия», 2002. С. 432.

I.A. Kazharova

THE IDEAL TYPICAL PEOPLE IN THE ASPECT OF TRADITION
(on the material of poetry Adalbi Brayev)

In the article based on the works of Adalbi Brayev traced the gradual process claims in Kabardian poetry of the 1950s – early 1960s, a new ideal of personality. Typical man considered in terms of rethinking the substantive standards of the ideal of the heroic man of refraction of lyrical experience Betal Kuashev, associative relationships with some of the traditions of Russian literature.

Keywords: tradition, the ideal, Adalbi Brayev, substantive standards, heroic man, typical man, dominant, synthesis.

А.В. Гучева

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЧЕРКЕСОВ (АДЫГОВ).
ИСТОКИ МИФОЭПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

В статье рассматривается нартский эпос как исторический, этнографический и фольклорный источник, а также вопросы, связанные с происхождением древнейших музыкальных инструментов адыгов: *камыль, бжамий, пхацич, пхапшина* и др., которые до настоящего времени не вышли из обихода. Также освещены вопросы, связанные с технологией изготовления первых музыкальных инструментов, и специфики зарождения исполнительской традиции.

Нами будет проанализирован обширный материал по истории одежды адыгов.

Основным источником, на который мы будем ссылаться, в данной работе, является издание архаического эпоса «Нарты».

Ключевые слова: камыль, бжамий, пхацич, пхапшина, эпос, инструментальная традиция, пастушеская традиция, охотничья традиция, танцевальная традиция, адыгские танцы, удж, удж-хешт, таджелей, традиционная одежда.

В последние годы резко возрос интерес к исследованию и освоению национальных традиций народного инструментализма и песенного искусства бесписьменной традиции адыгов (черкесов). Жизнь современного общества характеризуется все большим тяготением широких его слоев к познанию и осмыслению дошедших до настоящего времени образцов культуры и искусства. Это особенно касается музыки как важнейшей области творческой деятельности человека. Происходящие перемены в социокультурной действительности современного мира, зачастую обладающие негативным характером воздействия на массовое сознание, мировоззрение и эстетическое мировидение подрастающего поколения требуют выработки каких-либо эффективных механизмов сохранения этнокультурных ценностей. Эта проблема исходит из политики глобализма, стирающей грани и различия между культурами, стремящейся превратить все культурно-историческое многообразие мира в обезличенную пустоту. Это касается и адыгской культуры, испытывающей на современном историческом этапе системный кризис и деконструкцию. В этих условиях актуальное значение приобретает проблема освоения традиционной музыкальной культуры адыгов, занимающей значительное место как наследие и как памятник культуры. Традиционные музыкальные инструменты – *памятники материальной музыкальной культуры* (курсив наш. – А.Г.), и связанные с ними бытовые традиции представляют собой неотъемлемую часть культуры народа. Отсюда становится понятным, почему исследования по материальной и духовной культуре адыгов входит в одно из приоритетных направлений адыгской этномузыкологии.

Судьба эпических произведений, дошедших до нас, сложилась по-разному. Одни из них уже в начале XIX в. были запечатлены в письменном виде; другие – до середины XX столетия существовали исключительно в устной традиции. За прошедшие почти два столетия истории адыгской фольклористики собран, опубликован или же отложился в разных фондах – рукописных, фонографических и иных – фактический материал, значительный по объему и художественным достоинствам. Этот материал представляет все жанры адыгского фольклора.

Необходимо отметить, что установить время появления и выяснить дальнейшую судьбу того или иного эпического памятника народной словесности весьма сложно. В большинстве случаев исследователи вынуждены ограничиваться лишь указанием на исторические события или другие обстоятельства, с которыми это произведение в какой-то мере соотносится.

Еще в 30–40-е гг. XIX в. выдающийся деятель адыгской культуры и науки Султан Хан-Гирей (1808–1842) одним из первых начал заниматься сбором сведений по адыгскому фольклору. Благодаря ему мировая культура впервые узнала об адыгских сказаниях о нартах. Его работы основаны на фактическом материале. В «Записках о Черкесии»¹ он дает краткую, но выразительную и глубокую характеристику устной народной поэзии и музыки адыгов, ее творцов и исполнителей – народных певцов-джегуако. Он впервые дал подробное описание народных музыкальных инструментов и функционирование каждого из них в обряде и быту.

Со второй половины XIX в. ученые и энтузиасты, любители песенного народного творчества, стали записывать и издавать сказания о нартах. В начале XX в. В.Н. Кудашев высказал мнение, что необходимо организовать широкое собрание адыгского фольклора. Он писал: «... необходимо предпринять широкое изучение и записи народных преданий, сказаний, песен, мотивов»². Идеи сбора фольклорного материала осуществились лишь в начале 20-х гг. XX в.

В своих предыдущих работах мы подробнейшим образом рассматривали функционировавшие с начала XX столетия по настоящее время музыкально-фольклорные экспедиции по сбору и записи народных песен, легенд, сказаний кабардинских, черкесских, адыгейских, карачаевских, балкарских и других народностей, населяющих Северный Кавказ (Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Республика Северная Осетия – Алания (Моздокский р-н), Причерноморская Шапсугия, а также диаспоры в Турции, Иордании и Сирии адыги)³. Мы отметили, что с организацией комплексных и целевых экспедиций в XX в. стали открываться новые страницы традиционной культуры прошлого и накапливаться эмпирический материал. К сожалению, научное осмысление этих открытий идет с естественным отставанием. Накопленные в течение нескольких десятилетий экспедиционные материалы помогут изучению и публикации образцов различных жанров устно-поэтического и музыкального фольклора.

Поскольку произведения героического эпоса существовали не одну сотню лет в устном бытовании, по-своему, с новыми или измененными подробностями пересказывались каждым поколением певцов-сказителей, то мотивы их варьировались. Каждое поколение певцов, каждая культурно-историческая эпоха накладывала свой отпечаток даже на один и тот же сюжет, и потому в некоторых сказаниях мы выделяем следы напластований различных эпох. Чем дальше отстоит эпическое произведение от первоначального времени своего возникновения, тем больше, как правило, таких следов⁴. Сама структура этих поэтических произведений не представляет большой оригинальности, и в содержании отражается то общечеловеческое мироощущение, которое свойственно не только адыгскому, но и всякому народу, наблюдающему жизнь окружающих его гор, лесов, полей, рек и т.д.

Адыгский эпос, как и эпосы других народностей, отразил имена героев, получающие социальные и политические характеристики; изображает знаменательные события; мифологические представления адыгов; сохранил следы исторической географии; показал исторически менявшиеся отношения певца и народа к героям и событиям и т.д. Помимо вышеперечисленного, нас интересует отражение в эпосе различных деталей, характеризующих культуру и быт, а также описание множества ценных и любопытных исторических

деталей, которые не сохранили другие источники. Произведения героического эпоса позволяют судить о существенных для истории культуры взаимосвязях и взаимовлияниях эпической традиции нескольких больших регионов Северного Кавказа (Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея и Причерноморская Шапсугия).

Музыкальная культура адыгов, как и адыгский эпос, – неотъемлемая часть многовековой культурной традиции, чутко отражает коллизии жизни народа в разные эпохи. В преемственности адыгских народных музыкальных традиций сложилась система эмпирической передачи опыта и навыков последующим поколениям. Устные профессиональные традиции проявлялись в адыгском музыкальном искусстве в общественно значимых формах эпического творчества, ритуальных обрядах и обычаях, военной и праздничной музыке. Длительный исторический процесс развития музыкальной традиции адыгов (черкесов) прослеживается от истоков до ее формирования к началу XX в. в такое устойчивое, цельное и многостороннее явление, как традиционная и профессиональная музыкальная культура.

В этой статье мы рассмотрим в первую очередь вопросы, связанные с древнейшими музыкальными инструментами адыгов, появление которых отражено в мифологии, часть их до настоящего времени не вышла из обихода. Основным источником, на который делаются ссылки в данной работе, является издание архаического эпоса «Нарты»⁵. Как мы говорили выше, адыгский нартский эпос создавался в глубокой древности, когда корни некоторых сказаний уходят в бронзовый век; адыгский эпос имеет значительную познавательную ценность: он хранит в себе не только исторически характерные черты эпохи, но порой и интересные детали. Сказания довольно ярко рисуют особенности материальной культуры: двор, дом, стены, мосты, конюшни, площади; замечательно описаны одежда и оружие, конская сбруя, жилище и его обстановка, обрядово-бытовая сторона жизни. Сказания свидетельствуют и об искусных мастерах: кузнецах, резчиках, литейщиках, рукодельницах; все это имеет большое познавательное, историческое и научное значение.

В одном из эпических сказаний отражена версия об изобретении первого музыкального инструмента – свирели – *камьля*^{*}, которое приписывается одному из героев нартского эпоса – Ашамезу. Рассказывается, будто нарт Ашамез во время охоты, устав, заснул в лесу под деревом. Ничто не могло разбудить героя. И только каким-то необыкновенным звукам оказалось это под силу. Звуки эти издавала сломанная ветка, в которой черви выточили сердцевину и образовали несколько дырочек в коре, сквозь которую дул ветер. Так и рождались звуки. Ашамез срезал ветку и подул в нее – полилась музыка. С тех пор Ашамез прослыл среди нартов искусным музыкантом. Согласно адыгской мифологии, флейта Ашамеза имела белый и черный концы. Если подуть в белый конец – мир расцветал, умножались стада и возрастал урожай. Если подуть в черный конец – земля пустела, погибали звери: «...Свирель у Ашамеза была не простая. То была свирель Тхагаледжа, бога плодородия. Один конец у свирели был белый, другой – черный. Песня, что лилась через белый конец, не похожа на ту, что лилась через черный. Дует Ашамез в белый конец, и жизнь становится цветущей, изобильной, а подул бы в черный – исчезла бы радость на земле, повяли бы травы, погибли бы люди и животные»⁶. Подарив Ашамезу музыкальный инструмент, боги вложили в этот инструмент свойственные им самим качества. Вследствие этого нарт победил дракона, тем самым совершив подвиг. Ашамез в эпосе показан воителем, музыкантом и путешественником. Позднее Ашамез в культуре адыгов выступал как покровитель музыкального искусства и традиции.

^{*} *Камьль* (къамыл – каб.-черк.; *Scirpus lacustris* – камыш озерный) – старинная адыгская свирель; изготавливается из камыша или оружейного ствола.

Кроме магических свойств, музыка из свирели Ашамаза наделяется способностью создания гармонии, упорядоченности бытия и созидания через понятие справедливости:

Ашэмэзу лы пхашэм,
Ашэ и кьуэу бжамияпщэм
И бжамийр кьызэкьуех,
Гум хыхьэ пшыналъэр зэфлещэ.
Щьыр арыххэу мэшхуантIэ,
Жыгхэр кьотIэпI, мэгьагьэ,
Удз гьэгьахэр щхьуэкIэпльыкIэщ.
ХьэкIэкхьуэкIэхэр кьопсэуж...⁷.

Взял Ашамез справедливый
Жизни источник – свирель,
Тихо запел свой счастливый,
Свой задушевный напев.
Он на свирели играет, –
И оживает земля, доли, поля расцветают,
Вновь улыбаются лица.
Веселы звери и птицы, снова струится река...
(Пер. с каб. В. Звягинцевой)

Мифологические образы Тхагаледжа и Сатаней – богини матери соотносятся с рождающим, дарующим некое благо, сакральным началом. Божественное и женское связано и с растительным миром, изобилием и благополучием, а также умиранием и воскрешением. В легендах указывается принадлежность камыля в прошлом богу плодородия Тхагаледжу и матери нартов – мудрой Сатаней. Именно они одарили Ашамеза этой флейтой⁸.

В «Нартах» мы находим первые магические заклинания, которые вызывают к жизни различные растения и животных через пение и звучание музыкального инструмента.

В нартском эпосе прослеживается принадлежность Амышу, богу мелкого рогатого скота, бжамия*, который использовался в пастушеской и охотничьей традиции**. Со скотоводческим циклом непосредственно связано адыгское музыкальное произведение «Мэлегьажьэ» (Пуск отары), посвященное Амышу.

«Мэлегьажьэ» (Наигрыш вывода отары)
Звукозапись А. Шортанова (1949) в сел. Зайково КБР
от исполнителя Батитова Андулаха Гулевича
(1890 - 1970; камыль).
Фонотека КБИГИ № 12/1.
Нотация А.В. Гучевой

* Бжамий (бжамий – общеадыг.) – сигнальный рожок, изготовлявшийся из рога животного (быка, коровы), отсюда и название этого инструмента (бжьэ – рог).

** Необходимо отметить, что А. Шортанов под «бжамии» здесь имеет в виду камыль.

Как пишет А. Шортанов, «оно исполняется обыкновенно на бжъами (вид свирели из камыша или ружейного ствола)»⁹. И далее: «Сказители утверждают, что стоит только начать его наигрыш, как тут же, с первыми его звуками отара трогаются без каких-либо окриков или других действий. Возможно, этот наигрыш имел магическое значение для чабанов, и он, по-видимому, связывался с именем Амышъа»¹⁰. Кроме мелодии «Мэлегъажъ» исполняется мелодия «Мэлгъэжей» (Усыпление овец). Под звучание этой мелодии овцы засыпают. Исполняют эту мелодию исключительно на камыле – старинной адыгской свирели, изготовленной из камыша или ружейного ствола. Впервые мелодия «Мэлегъажъ» была записана членами экспедиции 1949 г. в сел. Заюково Баксанского района КБР в исполнении Батитова Андулаха Гулевича (1890–1971). Позднее, в 1971 г., затем в 1977 г. были сделаны записи мелодий «Мэлегъажъ» и «Мэлгъэжей» в исполнении Алисага Кушхова (1894 – 1989). В данное время эти записи хранятся в фонотеке КБИГИ*.

«Мэлгъэжей» (Усыпление овец)

Звукозапись З.П. Кардангушева (1971) в сел. Заюково от исполнителя Алисага Кушхова (1894 (1899) г.р.; к Фонотека КБИГИ № 124/16.
Нотация А.В. Гучевой

$\text{♩} = 72$

Помимо свирели и бжъамия, в сказаниях мы находим сведения о пхациче**. Так, во время игры на камыле нарт Ашамаз решил сделать музыкальный инструмент, напоминающий хлопанье в ладоши. Для этого он сложил несколько дощечек из чинары, и с той стороны, где придерживал дощечки пальцами, их крепко связал, чтобы они не распадались***.

* «Мэлегъажъ», звукозапись А. Шортанова (1949) в сел. Заюково КБР от исполнителя Батитова Андулаха Гулевича (1890–1970; камыль). Фонотека КБИГИ № 12/1; «Мэлегъажъ», звукозапись З.П. Кардангушева (1971) в сел. Заюково КБР от исполнителя Кушхова Алисага Кубатиевича (1894–1989); камыль). Фонотека КБИГИ, № 124/19; «Мэлгъэжей», звукозапись З.П. Кардангушева (1971) в сел. Заюково КБР от исполнителя Кушхова Алисага Кубатиевича (1894–1989; камыль). Фонотека КБИГИ, № 124/ 16; 186/4; «Мэлегъажъ», звукозапись З.П. Кардангушева (1977) в сел. Заюково КБР от исполнителя Кушхова Алисага Кубатиевича (1894–1989; камыль). Фонотека КБИГИ № 186/9.

** Пхацич (каб.-черк. пхъэцыч, адыг. пхъэкыч) – древний музыкальный инструмент. Стоит из нечетного числа (3, 5, 7, 9) деревянных пластинок, одним концом свободно привязанных прочным тонким ремешком к такой же пластинке с рукояткой. Жазав ручку пхацича в ладони, исполнитель встряхивает инструмент – раздается звонкий щелкающий звук, напоминающий цоканье копыт.

*** Исп. С. Сухов: 1890 г.р., аул Джамбачий Адыгеи. Дата записи не указана¹¹.

Молодой герой сказаний Канж («Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарыбгеи») показан во время сватовства к красавице Бабух играющим на старинном музыкальном инструменте типа скрипки – пхапшине:

Къанж и къуэр пхъэпшына еуэу хъэщIэщым щIэсти, Бабыху дахэр щыблэкIым, кыкIэлъыплъри дагъуэ кыхуищIар пшынэм кьригъэкIащ:

– ХъэщIэщ пшынэжъыр сэ си уэршэрэгъущ,
Бабыху дахэуэ сэ кызатари
Уи щIакъуэ мащIэти, уи щIакъуэ нэщIш.
Ар сэ си дежкIэ шуIэгъэ мыхъун, – жиIэу.

ПсынщIэу ар Бабыхум зехищIыкIри игъээжжаш. И бэщмакъым илгъа лъэгурыдз лей лъэныкъуэр кыгъэнати, кьридзыжри, и лъакъуэр зэхуэдэу щIакъуагъэ имыIэу етIуанэу кыщыблэкIыжым аргуэру Къанж и къуэр кыкIэлъыплъри, игу ирихъыжа хъунти, пшынэжъымкIэ етIуанэуи кыхуэусащ:

– Мы пхъэ пшынэжъым сэ сригиеш,
Бабыхуэ дахэми сьзехищIыкIш,
Сэ си гугъапIэри си гугъэ нэщIш,
Ар шуIэгъэ схуэхъунри гугъапIэщ, – жиIэу.
Къанж и къуэ Шауейуэ Нарыбгейм и къуэ закъуэ¹².

Сын Канжа сидел в кунацкой, играл на пхапшине*, когда проходила мимо него красавица Бабух; он поглядел ей вслед, заметил у нее изъян и стал наигрывать на пхапшине, приговаривая:

– Старая кунацкая слушает мою старую пшину,
Красавица Бабух, которую выдали за меня,
Немного прихрамывала, малость хромой была.
Она не будет моей женой.

Сразу поняла Бабух, в чем дело, и вернулась. Выбросила она лишнюю стельку из башмака. Когда проходила второй раз, не прихрамывая, сын Канжа посмотрел ей вслед: наверное, теперь она понравилась ему, и он спел о ней второй раз, [подыгрывая] на старой пшине:

– [Наигрывая] на старой пхапшине,
я попрекнул ее [хромотой].
Красавица Бабух поняла меня.
Мои подозрения напрасны,
Думаю, что она будет моей женой
Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарыбгеи
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

Как рассказывается в древних сказаниях, первыми мастерами и исполнителями мелодий на свирели и бжами были мужчины, коим позволялось создавать его и использовать как орудие, с помощью которого они подчиняли себе силы природы. Изначально, как видно на этих примерах, изготовление и исполнительство были исключительно мужской прерогативой.

В современной традиции основное ограничение в адыгской инструментальной традиции относится к полу инструменталиста и месту исполнения¹³. Прежде всего, это касается женского исполнительства. Женщины могли играть на любом музыкальном инструменте, но только в ограниченном кругу: для себя, для своих близких, для соседских детей и т.д. Исполнение «на людях» считалось

* *Пхапшина* (каб-черк. пхъэппшына, адыг. пхъэпщын) – старинный музыкальный инструмент типа скрипки.

«неприличным» или «не принятым» по традиционным адыгским критериям поведения и ограничения роли женщины в обществе (как бы «выставляет себя напоказ»)¹⁴.

В чередѣ событий эпоса впервые просматривается зарождение и *танцевальной традиции*. Подтверждение можно найти в ряде фрагментов, например, в сказании «Как Батараз заставил одноглазого великана плясать»: «...начали они танец удж у подножия горы, приблизились к верхнему селенью и стали переходить из двора во двор, утаптывая землю у каждого дома. Так же, танцуя, перешли в средний аул, а из среднего – в нижний...»¹⁵. И далее, на вопрос о продолжительности танца, находится ответ в следующих строках: «... Так Батараз заставил молодого иньжа плясать семь дней и семь ночей»¹⁶. Как и в большинстве сказаний других народностей, здесь показаны и использованы те же приемы: общие формулы, гиперболизация, повторы, постоянные эпитеты, сравнения. В данном фрагменте использовано магическое число 7, а в ряде эпизодов встречаются эпические числа 3, 5, 7, 9.

В другом фрагменте нартских сказаний «Как Малечипх и Пануко плясали удж» появляется *круг* как основная танцевальная форма уджа. В адыгских танцах большое значение придается общему направлению движения: они традиционно исполняются по кругу в направлении слева направо, по направлению движения Солнца, что в мифологическом аспекте символизирует благополучие и процветание:

Нартхэ я Тхьэшхуэ – Тхьэуджт,
Нарт Гуашхьэм кыздеуджэкырт,
Вы укIари я Тхьэшхуэ нышт,
Ашэмэзи бжъамийр игъаджэрт,
Мэлэчпхьуи уджым щыIэт...¹⁷

... Склоны гор зазеленели.
Закружились в удже наргы.
Жирный бык зарезан тут же.
К белому концу свирели
Ашамез прильнул устами.
Малечипх идет по кругу...
(Пер. с каб. В. Потановой)

Далее мы находим свидетельства того, что у адыгов пляски были хороводные, исполнялись под пение:

Тхьэгъэлэдж бжъамийри кыIэщIельхьэ.
МувыIэжуи нарт санэхуафэр
Уафэ щхьуантIэм зэпхопсэлъыкI,
МыкIэщхьыу зэIэпэгъу шауэхэр
Фэху утыкум кыщоуджэкI...¹⁸

Пляшет, поет народ молодой –
Юношей, девушек хоровод,
За руки взявшись цепью живой,
Пляшут родной огневой удж-хеж*.
(Пер. с каб. В. Звягинцевой)

О виртуозности плясок адыгов слагались легенды:

Сосрыкъуэу ди къаныр
Бжъэ ещанэм йохьуэхьури

* *Удж-хеж* (удж-хешт) – старинный адыгский танец; разновидность ритуального танца удж.

Хъуэн хэмылгуи иреф.
Иэнэ щЫгури егъуэтри
Нартыжь хабзэу кыщофэ.
Иэнэ щЫгур фІэмащІэу,
Фальэ нэзу шыпс зэрыгтым
Лъэ зэблэхкІэ щыхетІэ.
Ари шыпсыр мыхъейуэ
Фальэ нэзым къольэжри...¹⁹

Ой, Сосруко булатный,
Сильнорукий и статный...
...Вся душа в нем пылает!
Презирая лукавство,
Он вскочил на треногий
Круглый маленький столик,
А на столике – явства, кубки, чаши и роги...
...Закрутился он вихрем, блюд и чаш не касался!
Столик слишком широким
Плясуну показался –
По краям закружился
Чаши с острой приправой.
Пляшет он величавый
Танец битвы и славы,
Не колебля приправы.
Не пролив даже капли;
Но от буйного пляса
Ходуном ходит Хаса!^{*}

(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

В «Сказании о нартах Сосруко, Ерыхшу и Шабатнуко» мы также находим подтверждение виртуозности танца нарта:

Сосрыкъуэ и джатэр кърихри хэщІэм и пащхэм деж джатэдзэр кыдэгъэзеяуэ игъэтЫльбаш, дэльейри, джатэдзэм щызыхитІэри къельэжащ. И джатэр кыищтэжри ирилхъэжащ («Нарт Сосрыкъуэ, Ерыхшу, Щабатыныкъуэ сымэ я хыбар»)²⁰.

Сосруко выхватил свой меч, поставил его перед гостем лезвием вверх, вскочил, сплясал на острие лезвия и прыгнул обратно («Сказание о нартах Сосруко. Ерыхшу и Шабатнуко») (пер. с каб. А.И. Алиевой)

Вот другой пример искусного исполнения танца:

...Нарт Щабатыныкъуэ и джатэр кърихри джатэ Іэпщэр егъэзыхауэ, джатэпэр дэгъэзеяуэ щІым хисащ. Джатэпэм дэльейри щызыхитІэри ельэжащ...
«Нарт Сосрыкъуэ, Ерыхшу, Щабатыныкъуэ сымэ я хыбар»²¹.

Нарт Шабатнуко вынул свой меч и воткнул его в землю рукояткой, а острием вверх. Вскочил он на острие меча, сплясал и прыгнул («Сказание о нартах Сосруко. Ерыхшу и Шабатнуко») (пер. с каб. А.И. Алиевой)

В «Первом выезде нарта пши Бадыноко» отражена несколько другая грань мастерства танцюющего:

Нарт пщы Бадинокъуэ...
Шы гущЫгум самэрэш щоджэгу,
И шы лъабжьэм кыщІидзар
КъуанщІапщІэу мэхуарзэ,

---

* *Хаса* – совет, собрание нартов.

И шы пэбзийм кърихуам
Гъуэгу напщитыр нельгъуэ.
Нарт пицы Бадинокъуэ и япэ ежсьэ²².

На спине коня [Бадыноко] танцует*,
Что копыта коня выбивают –
Кружится, словно стая грачей.
*Первый выезд нарта пици Бадыноко
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)*

Все представленные выше фрагменты являются яркими свидетельствами танцевальной культуры нартов, но наиболее полное и яркое представление нам дает следующий эпизод:

ХьэщIэри кърагъэпсыхщ,
Санэхубжьэми кърагъафэщ,
Я къафэри зэхаублэщ,
ХьэщIэм тральхьащ.
Iэнэ IупщIакIэм дэлейщ хьэщIэр,
Iэнэр имыгъэсыгуэ,
Шыпсри иримыкIутгуэ,
Iэнэ IупщIакIэр кьифыхьри кьельэжщ.
Сосрыкъуэ тральхьащ,
Сосрыкъуэ Iэнэм дэлейщ,
Iэнэри имыгъэсыгуэ,
Шыпсри иримыкIутгуэ,
Шыпс IупщIакIэр кьифыхьащ абы.
Хьымыщ трильхьащ:
Iэнэри имыгъэсыгуэ Хьымыщыжьым,
Шыпсри иримыкIутгуэ,
Iэнэ IупщIакIэр кьифыхьащ,
Iэнэми кьепкIэри,
Пхэмбгъу лъэгурыдзым кьыщытепкIэм:
«Щыблэ кьытхэуащ!» – жаIэри
Щыбым дэс лыжхэм «Елэ» кьыхадзащ.
Пицыбадинокъуэ²³.

Помогли гостю спешиться,
Поднесли рог белого сано,
Начались пляски –
Подошел черед гостя,
Он вскочил на край ана и,
Не пошатнув его
И не пролив шипс,
Проплясал на краю ана и соскочил.
Подошел черед Сосруко.
Вскочил Сосруко на ана,
Не пошатнув его
И не пролив шипс, проплясал он на краю [блюда] с шипсом.
Подошел черед Хымыша.
Не пошатнул ана Хымыш-богатырь
И не пролил шипс,
Сплясал на краю ана, **
Когда соскочил он с ана
И прыгнул на дощатый пол,
Старики, что сидели во дворе,

* Букв. «над конем в самарэш играет».

** Ана – (каб. – Iэнэ) трехножный стол.

Сказали: «Нас поразила молния!» –
И запели:» Елле*

Пишбадыноко
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

В вышеуказанных нами фрагментах дается краткая характеристика танца, который стал основополагающим в современной науке вопроса *генезиса традиционных танцев и зарождения танцевальной традиции* адыгов.

Таким образом, в эпосе можно найти версии об изобретении первых орудий труда (клещей, молота, наковальни, серпа), музыкальных инструментов (свирели – *камья* и *бжамия*). Помимо *свирели* и *бжамия*, в сказаниях также имеются сведения об ударном инструменте – *пхациче*. В чередѣ событий эпоса впервые просматривается зарождение танцевальной традиции.

Как известно, основным источником изучения одежды древних эпох служат археологические памятники. Одежда средневекового периода может многое подсказать и в понимании более ранних форм традиционного костюма адыгов. Для многих народов ценным источником для изучения одежды являются памятники изобразительного искусства – фрески, миниатюры, живописные портреты, портреты и т.д. По народам Северного Кавказа подобный материал почти отсутствует. Описательный и изобразительный материал по одежде народов Северного Кавказа появляется в основном в XVIII–XIX вв. Лучшее всего в данном плане представлены адыги (черкесы): о них имеются сведения с XIII до середины XIX в. Многие описания снабжены рисунками начиная с XVII в.²⁴

В данном контексте мы рассмотрим и опишем традиционную одежду нартов, а также те ее элементы, которые сохранились и функционируют до настоящего времени. Мы, естественно, принимаем в расчет то обстоятельство, что в устном бытовании текст неизменным не остается: образы предметного мира в нем в значительной степени зависимы от представлений исполнителя. Но все же многие реалии могут сохраняться в эпическом тексте и после их исчезновения из обихода. Сохранившиеся и описанные в «Нартах» костюмы героев в настоящее время не изготавливаются, и большинство из них вышли из бытования, поэтому эти описания имеют еще большую историческую ценность. Необходимо понимать, что костюм как целостный художественный ансамбль, несущий определенное образное содержание, обусловленное его назначением, функциями и сложившимися традициями, служит для раскрытия индивидуальных качеств, национальных и этнических особенностей того или иного народа, а в данном контексте – и для характеристики определенных качеств главных героев эпоса. В нем отражаются традиции, своеобразие уклада, эстетические нормы. Поэтому, важнейшим элементом для характеристики героев эпоса является одежда.

Одним из наиболее ярких информационных материалов и наиболее стойко сохраняющихся элементов культуры многих народов, в том числе и адыгов, является обувь. Известно, что большинство видов обуви изготавливалось из кожи. Простейшая ее форма – скрепленный, сшитый или стянутый шнурком по форме ноги трапециевидный кусок кожи без пришивной подошвы. Носили ее исключительно бедняки и называлась она у адыгов – *чарыки*^{**}. В «Сказании о Сосруко и Тотреше» и «Сосруко» мы находим сведения о мужской обуви – *чарыках*. Мы приведем ряд примеров из «Нартов»:

* *Елле, елле* (каб.-черк. Еллэ, еллэ) – припев обрядовой песни, которую адыги пели при ударе молнии или на могиле убитого молнией.

** *Чарыки* (каб.-черк. гуэнчэрык) – мягкая обувь, изготавливаемая из сыромятной кожи, обувь бедняков. Ср. осет. *арчи*. В эпосе выражение «обутый в чарыки» имеет презрительный оттенок.

– Уэ СосрыкъуапцІэ,
Лшы фьцІэ гьушІынэ,
Льапэджэрэхь...
*Сосрыкъуэ*²⁵.

– О Сосруко смуглый...
Муж черный, с железным взглядом,
Обутый в сыромятные *чарьки*...
Сосруко (каб. текст)
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

И другой пример:

– Армы, Сосырыкъуэжь,
Армы, льапэкІэрэхь...
*Сосырыкъуэрэ Потрэирэ я хьыбар*²⁶.

– Сосруко негодный...
Обутый в сыромятные *чарьки*...
Сказание о Сосруко и Тотреше (каб. текст)
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

Во всех описанных в эпосе событиях герой является выраженным носителем определенной положительной или отрицательной функции, он выполняет определенную цель и надеется исключительно на свои силы, которые, в свою очередь, значительно преувеличены и фантастически невероятны. Основными характеристиками героев эпоса, как правило, являются гиперболизированная физическая мощь, рыцарская доблесть, верность слову, эталон идеального наездника. Герой благороден, этикетен, ему чужды магические способности, коварство, вероломство и т.д. Но в ряде эпизодов герою помогают *чудесные свойства оружия, коня, музыкальных инструментов* и т.д. Главный герой – богатырь – руководит и в конце концов достигает цели и побеждает прежде всего благодаря своей физической силе и мужеству, но предметы и животные помогают ему выполнить задачу. И конь, и оружие противника также имеют чудесные свойства, иногда даже превосходящие те, которыми обладают конь и оружие самого героя. Роль богатырского коня, оружия и других чудесных предметов оценивается как подчиненная и второстепенная по отношению к физической силе героя, что является существенным атрибутивным свойством. Подобное слияние функций герой – помощник мы находим в изображениях, где помимо обычной обуви, в сказаниях мы встречаем описание обуви, наделенной волшебными свойствами, таких как *чувяки-водоходы*, которые помогли главному герою:

Иныжьмэ адэжь нэсыхи, Саусырыкъо лыкІо ышыгь:

– Нарт Саусырыкъо къэкІуагьэш, нарт ябылымэу зешьупхьуагьэм хэзыгьэ имыІэу кьысэшьутыжь, инымэ якьолэныжьи, япсыщыкІо цуакьи, яшьоф Іэнэжьи ащ къакІыжьугьэгьэу, – ариІуагь... Иныжьхэм агу ыгьэкІоди кьыри гьэшІугьэх. Нарты ябылымэу иныжьхэм ахьыгьэр зэужэ кьаригьэугьояжьыгь. Иныхэм якьолэныжьи, псыщыкІо цуакьи, шьоф Іэнэжьи кьыхаригьэлъхьагь.

*Нарт Саусырыкъорэ иныжьымрэ*²⁷.

Когда прибыли они к иныжсам, Саусырыко послал гонца:

– Прибыл нарт Саусырыко, он говорит, чтобы вы отдали ему весь отнятый у нартов скот, а в добавок и старого пестрого коня, и *чувяки-водоходы**, и старый анэ, [обтянутый]

* *Чувяки-водоходы* (адыг. ПсыщыкІо цуакьэри) и старый ана из белой кожи (шьоф Іэнэдьри) – чудесные предметы, нередко помогающие героям адыгских сказок. Упоминаются и в адыгейских вариантах нартских сказаний.

белой кожей. . . Иныжи пали духом и покорились ему. Он заставил их собрать весь угнанный скот и к этому еще прибавить старого пестрого коня и *чувяки-водоходы*, а еще старый ана, [обтянутый] белой кожей.

Нарт Саусырыко и иныж (бжедуг. текст)
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

Помимо описания мужской обуви, в «Нартах» мы также встречаем яркие зарисовки женской. Но, что характерно, здесь через обувь подчеркнут социальный статус ее обладательницы, что немаловажно в данном контексте, а также красочно отображена обстановка, в которой живут главные героини. Одна из героинь, Акуанда, изображается в комнате, в которой она живет; подробно описано, как она была одета и в какую обувь была обута. Помимо этого, важное значение приобретает описание места, на котором она сидит. Это небольшое возвышение – *шандак*^{*}, на котором имели право сидеть только женщины и девушки знатного происхождения. Девушка, увидев, всадника побежала на кухню, надев комнатные туфли – *папиши*^{**}. Как известно, их изготавливали из кожи с толстой деревянной подошвой и без задника (наподобие современных сабо):

Акондэ дахэу Алэджы япшгашгэр щэндакьым исыти, зэплгэм, шыгур ыльгэгугь. Пшгашгэр дышгэ папышитумэ кьарипки, щэндакьыр щэ пкIэгьу фэмышьоу пытым кьэсыжыгь.

Нарт Шэбатныкьуэ икьэхьукI.
*Орзэмэдж кьызэригьэнэжсьыгьэр*²⁸

Красавица Акуанда, дочь Аледжа, сидела на шандаке и [вдруг] увидела всадника. Девушка впрыгнула в *шитые золотом папиши* и в три прыжка очутилась на кухне.

Рождение нарта Шабатнуко. Спасение Орзэмэджа
(бжедуг. текст) (Пер. с каб. А.И. Алиевой)

Кроме папишей, мы встречаем описание сауровых башмаков. Саур (лъахьстэныфI лIэужьыгьуэ) – разновидность высококачественного сафьяна. Как известно, сафьян – тонкая и мягкая кожа, выделяемая из козлиных и бараньих шкур. Использовалась она для изготовления обуви и обшивки седел и ножен кинжала. Женской обувью были и своеобразные ходули – *пхаваки (пхьэ вакьэ)*^{***} или котурны. Особую ценность представляют сведения, в которых описан их внешний вид, а также отмечено функциональное назначение их обладательницы. Состоят *пхаваки* из деревянной «платформы» с кожаной петлей для ноги и двух подставок (под носком и пяткой). Подставки обычно были настолько высокими, что порою достигали 20 см. Поэтому они были очень неудобными для передвижения, но зато возвышали женщину над окружающими, как бы подчеркивая ее превосходство. Их обтягивали бархатом или кожей, украшали накладками из металла, иногда серебра с гравировкой, чернью и позолотой. На кожаную петлю также использовался саур. *Пхаваки* были не столько обувью, сколько символом высокого статуса их обладательницы.

Социальный смысл имели не только материал, из которого была сшита обувь, ее фасон, манера изготовления, но и цвет. Так, знатные люди носили обувь из сафьяна красного цвета. Если человек ходит пешком, такая обувь быстро снашивалась, и поэтому обладание ею становилось признаком того, что он богат и передвигается в основном верхом.

Как известно, Сатаней – обладательница чарующей красоты и пронизательного ума – умела влиять на погоду, владела ведовскими способностями и магией. Она

* *Шандак* (адыг. шэндакь) – возвышение, на котором сидели женщины знатного происхождения, наблюдая за народными торжествами.

** *Папиши* (адыг. папыши, каб.-черк. бабыш) – комнатные туфли без задников.

*** *Пхьэ вакьэ* – деревянные башмаки.

воспитательница нарта Сосруко. С ее именем связываются появление первых орудий труда (серпа, наковальни, клещей и молота), семян культурных растений. В эпосе мы встречаем несколько эпизодов, связанных с именем Сатаней:

– Щэхьу си пхэ вакъэр кьызэтыт.
Пхэ вакъэм хуэму къримыкІуэу хъунутэкъыми
А пхэ вакъэмкІи къакІуэ мыхъуу,
– Щэхьу си сауэр бэщмакъыр кьызэт! – жиІащ.
*Нарт Сосрыкъуэ, Ерыхъиу,
Щабатыныкъуэ сьмэ я хъыбар*²⁹

– Дай скорей мои ходули!
Медленно идет она на *ходулях* * –
На ходулях невозможно быстро идти.
– Поддай скорее мои сауровые *башмаки* **, – говорит
Сатаней и выбегает мигом.
*Сказание о нартах Сосруко, Ерыхъиу
и Шабатнуко (каб. текст)
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)*

И далее в сказании о нарте «Пишбадыноко» мы встречаем аналогичное описание Сатаней-гуаши:

Уэ Сэтэней гуащэгъуэ,
Гъэшхэр зи гушыІэгъуакІуэт,
И пхэ вакъи кьрегъащтэ,
И жэхафэр шэгъэгъуакІуэт.
КъекІуэтэхри зыкърыкъщ...
*Пишбадынокъуэ*³⁰.

[Тогда] встала Сатаней-гуаша,
Фасоли собеседница,
Свои *ходули* велит подать.
Пол ее дома – путь на полдня, [когда идет на *ходулях*];
Сошла [*с ходулей*] и [быстро] пошла...
*Пишбадыноко (каб. текст)
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)*

Мы не случайно остановились выше на описании пхаваки. В конце 90-х гг. XX в. зрители Кабардино-Балкарии увидели сценическую постановку «Дворянской кафы», которую осуществили Ауладин Думанишев и Заудин Хапажев. В ней используются мелодии «Дворянской кафы» (Уэркъ къафэ) и «Вывода на танец Жан^{***}» («Жанкъыдэш»).

Как известно, и на «Дворянскую кафу», и под мелодию «Жанкъыдэш» выводили танцевать девушек из знатных семей. Их присутствие на игрище было обязательным и почетным для хозяев. Если звучала любая другая мелодия, знатные девушки не имели права выходить танцевать. Танцевать под особые мелодии означало подчеркнуть высокий социальный статус. Звучание «Дворянской кафы» или кафы «Жанкъыдэш» становилось своеобразной визитной карточкой для девушек. По своему характеру мелодия второй близка к «Дворянской кафе». Интересно, что мелодию кафы «Жанкъыдэш» в начале XX в. использовал известный советский композитор А.М. Аврамов в одноименной симфонической зарисовке.

* *Ходули* (каб.-черк. пхэ вакъэ, адыг. пхэ цуакъэ, букв. «деревянная обувь») – невысокие подставки, обязательная принадлежность туалета женщины высшего сословия.

** *Сауровые башмаки* – обувь из конской кожи, украшенная золотом и серебром.

*** *Жан* – старинное кабардинское девичье имя, в современном быту кабардинцев почти не используется. Нам неизвестно, кто эта девушка и почему танец назван ее именем.

В сценической версии под мелодию «Вывод на танец Жан» из общей массы танцующих выделяется солирующая пара. Девушка танцует на «ходулях» – пхьэ вакъэ, которые, по сведениям многих исследователей традиционного костюма кабардинцев, были обязательным атрибутом, подчеркивающим высокий социальный статус исполнительницы. Кроме этого, обязательной деталью в костюме девушек из знатных семей были длинные нарукавники и шапочка (расшитые золотом), а также нагрудник (изготовленный из серебра, покрытый гравировкой с чернью) и серебряный пояс.

Обязательными отличительными атрибутами мужского костюма, подчеркивающими высокий статус его владельца, являлись папаха*, пояс** (дыжьын бгырыпх – узкий, кожаный с серебряным набором), на котором висели кинжал, пистолет, шашка, пороховница и т.д.

Помимо описаний традиционной одежды, мы встречаем многочисленные описания боевой одежды и атрибуты военного снаряжения. Оборонительный доспехи состояли из шлема, кольчуги, налокотников и перчаток. Как известно, *кольчуга* – афэ джанэ – это оборонительный доспех из продетых друг в друга железных колец (как правило, одно кольцо захватывает четыре соседних). Важнейшей частью была рубашка, собственно кольчуга. У кольчуги два разреза: у ворота – для головы, у подола – для удобства при ходьбе. В воротник вплетены сыромятные ремешки, чтобы он стал жестким, стоячим и лучше защищал шею. Кольчуга пешего воина – длиннее, всадника – короче. В кольчуге среднего размера примерно 20–25 тысяч колец. Различают кольчуги и панцири: для кольчуг применялась проволока с круглым сечением, для панцирей – с уплощенным. Кабардинские панцири пользовались большой известностью. Их закупами для персидского шаха. Турки в XVI в. брали дань с черкесов людьми, лошадьми и панцирями. На Руси в 1660-х гг. кабардинские панцирные мастера работали в Астрахани, а затем были переведены в Москву. Большинство кольчуг изготовлялось с короткими рукавами; кольчужная бармица дополняла боевые наголовья шлемом и мисюркой. Высокий конический железный шлем склепан из двух половин. Он неброско украшен: несколько накладных серебряных, а то и железных пластин с гравировкой, чернью или позолотой и немного орнамента. По орнаменту – завиткам в форме запятой – можно опознать черкесский шлем. На верхушке – кольцо, чтобы прикрепить флажок из обшитою галуном красного сафьяна с вышитым узором. Снизу кольчужная сетка; она закрывает половину лица, а сбоку и сзади ниспадает на плечи поверх кольчуги и спереди застегивается на крючок. Из железных колец делали также боевые чулки и перчатки. Также для защиты рук от удара клинка использовались наручи или налокотники. Это пластины, которые прикреплялись к рукам при помощи еще двух небольших пластинок, кольчужных колечек и застежек.

Относительная тонкость, легкость и гибкость кольчуги позволяли воину быть достаточно подвижным и маневренным. Некоторые источники характеризуют кольчугу как очень легкую и прочную, отмечается, что она умещалась в одной руке. Кроме этого, на месте удара плетение не распадалось, а наоборот, кольца, из которых она изготовлена, еще сильнее сплетались. В «Сказании о Сосруко и Тотреше» мы встречаем описание рубахи героя, которая показана гиперболизированно: она крепкая, как кольчуга. Кроме этого, далее, дается метафорическое описание головного убора как шапки, верх которой – солнце.

Сосырыкъуэ ди къан,
Сосырыкъуэ ди нэху,

---

* *Папаха* – мужской головной убор, разнообразный по материалу и по форме.

** По поясу можно было определить социальный статус его владельца.

Ямылуэху [Зи мэлуху] дыщафэ,
Афэр зи джанэ куэщI,
Дыгъэр зи пыIэ щыгу,
Йошыгуауэри мэшэс.
*Сосырыкъуэрэ Потрэшрэ я хъыбар*³¹.

Сосруко – наш кан * ,
Сосруко – наш свет,
У кого щит златоцветный,
Чья рубашка – кольчуга,
Верх шапки – солнце.
Сказание о Сосруко и Тотреше (каб. текст)
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

А в «Пшинатле о Саусаруке» дано общее описание боевой одежды и атрибутов военного снаряжения, но в несколько другом сопоставлении:

Саусэрыкъоу сикъан,
Саусэрыкъоу синэф,
Пчымэлүфыр зиашъу,
Ашъор зиджэнэкокI,
ЕкIапцIэр зипэлшошыгу...
*Саусэрыкъу итцыналь*³².

...Саусарук, мой свет.
Чья броня – пика и светлый щит,
Чья рубаха – кольчуга,
Верх чьего шлема – из ольхи...
Пшинатль о Саусаруке
(адыг. текст из Сирии)
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

В цикле Шауей показана кольчуга как весьма изящная и тонкая по изготовлению:

Уи афэ псыгъуэ мыгъуэри щIым нос,
Нартхэр СосрыкъуапцIэ мыгъуэр ди псэлъыхъуш...
*КIаницIэ и къуэ Шауей и хъыбар*³³.
Твоя тонкая кольчуга, о горе, достает до земли,
Статный нарт Сосруко, о горе, наш жених...
Сказание о Шауее, сыне Кяниша (каб. текст)
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

В цикле Бадыноко, а именно в «Колыбельной, которой убаюкивали Бадыноко», мы встречаем аналогичное описание головного убора, но в несколько другой интерпретации. Здесь показана уже технология ее изготовления, так называемое золотое шитье:

Нартурэ лIыхъу нэху,
«Дыгъэ махуэ» щIыжытIэ,
ФIыуэ хужытIэ псори къыльос...
Быфэкъу анэ дыщэ пыIэ хуогъэщI...
*Бэдынокъуэ зэрэжэйуэ щыта гүцэ уэрэд*³⁴.

Светлый мужественный нарт,
Кого называем «солнечный день»,

* *Кан* (каб.-черк. къан) – ребенок, взятый на воспитание; къан означает также любимый; дорогой, покровитель.

О нем лучше слово...
По его велению шьют золотую шапку для Быфаку-ана*.
Колыбельная, которой убаюкивали Бадыноко
(черк. текст) (Пер. с каб. А.И. Алиевой)

Как показано в следующем эпизоде, главный герой Сосруко носил *таджелей*. Таджелей** (тэджэлей) – это подкольчужник, род одежды; сорочка, особый вид кафтана, который надевался под кольчугу. Необходимо отметить, что название подкольчужника – таджалей – мы впервые встречаем лишь в этимологическом словаре Макса Фасмера³⁵ как «тегилай»³⁶. Он характеризует его как кафтан с короткими рукавами и высоким стоячим воротником. Кроме этого, далее он отмечает, что тегилай был обнаружен в описи имущества Ивана Грозного в 1582–1583 гг. Возможно, таджелей был привезен Ивану Грозному в качестве подарка из Кабарды, так как ни в каких других русских письменных источниках мы это слово не обнаруживаем. В литературе мы встречаем несколько разновидностей этого слова, это– тегилай, тенгилай.

...Сосрыкьуэ къэшэри къэкӀуэжаш.
КъыздэкӀуэжам и анэм жреӀэ:
–Уэ Марыхъу къэгъабзэ,
Уи Марыбз къэгъадэ,
Тэджэлей схуегъэщӀ.
*Сосрыкьуэ*³⁷.

Сосруко сел на коня и [домой] вернулся.
Вернувшись, сказал матери:
– Вели своей Марух кроить,^{***}
– Вели своей Марыбз шить,
Вели [им] сшить для меня *таджелей*.
Сосруко (каб. текст)
(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

В «Сказании о Сосруко и Тотреше»³⁸ мы встречаем в тексте такую же аналогию.

Интересные сведения и описания одежды встречаются в «Сказании о Шайее, сыне Кянша»:

Афэ гъуэншэджибл мыгъуэри зэтрельхъэ...
Хъымышц и къуэ Батэрэзыр ди псэльыхъуш...
*КӀаницӀэ и къуэ Шайей и хъыбар*³⁹.

Семь штанов из кольчуги, о горе,
надевает одни на другие,
Батраз, сын Хымышы, наш жених...
Сказание о Шайее, сыне Кянша
(каб. текст) (Пер. с каб. А.И. Алиевой)

В завершение данной работы мы хотели добавить еще одну единицу в информационное поле эпоса – это описание верхней одежды Сатаней-гуаши.

И анэгүэ гуашэр гъунэгүм шыщ,
Къыууфэ джэдыгуш...
*Ашэмэз*⁴⁰

* *Быфаку-ана* (каб.-черк. Быфэкъу анэ) – имя воспитательницы *Бадыноко*.

** *Таджелей* (каб.-черк. тэджэлей) – подкольчужник, особый вид кафтана; надевался под кольчугу.

*** Смысл выражения не вполне ясен. Возможно, *Марух* и *Марыбз* – имена портних.

Его мать – почтенная гуаша – сидит у соседей,
На лебяжьем пуху *шуба* у нее на плечах...

Ашамез (каб. текст)

(Пер. с каб. А.И. Алиевой)

В данное время для историографии современного статуса традиционного костюма мы привлекаем разнообразные и взаимообусловленные материалы, как мифология, этнография, сведения об обычаях и обрядах, фольклор и т.д. Если традиционный костюм рассматривать как исторический источник, то это проблема общего и частного в таких ее проявлениях, как соотношение общечеловеческого и индивидуального, общенародного и национального. Природа костюма вобрала в себя все виды традиционного народного творчества, технологию изготовления, пропорции, материал, фактуру, цвет, элементы и т.д. Рассматриваемый нами материал, связанный с описанием традиционного костюма в «Нартах», перестает быть просто одеждой, становясь знаковой формой.

Еще одна важная деталь, на которую мы хотим обратить внимание, – в эпосе практически отсутствуют развернутые описания одежды, описания отдельных ее деталей, покроя, фасона, цветовой характеристики и т.д.

Рассматривая сейчас «Нартский эпос», мы коренным образом меняем подход к современному звучанию музыкальных инструментов и танцевальной традиции, зарождению первых музыкальных инструментов, переосмысливаем традиции исполнительства в сторону обновления, синтеза и находим ключ к современному звучанию многогранного содержания старинных мифов и легенд.

Примечания

1. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.
2. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. От издателя. С. VI.
3. *Гучева А.В.* Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов второй половины XIX – конца XX вв. Нальчик, 2009. 244 с.
4. *Попова Т.В.* Византийский народный и книжный эпос. Византийская литература. М.: Наука, 1985. 272 с.
5. Кабардинский фольклор. М.;Л.: Academia, 1936. 650 с.; Нартхэр. Къэбэрдей эпос (На кабардинском языке). Налшык: Эльбрус, 1957; Адыгэ IуэрыIуатэхэр. Налшык: Эльбрус, 1963. 340 с.; Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 415 с.; Нартхэр. Адыгэ эпос. Томибл хьурэ текст угъоигъэхэр. VI-рэт. Мыекьуапэ: 1971. 329 н.; Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. Нальчик: Эльбрус, 1979; Кн. 2. 1988. 269 с.
6. Нартхэр. Къэбэрдей эпос (На кабардинском языке). Налшык: Эльбрус, 1957. С. 99–100.
7. Нартхэр. Къэбэрдей эпос (На кабардинском языке). Налшык: Эльбрус, 1957. С. 283.
8. *Кузьмин В.* Сокровище Нартов // Перес. и обраб. для детей В. Кузьмин. Нальчик, 1980. С. 53.
9. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 93.
10. *Шортанов А.Т.* Указ. соч. С. 93.
11. Нартхэр. Адыгэ эпос. Томибл хьурэ текст угъоигъэхэр. VI-рэт. Мыекьуапэ: 1971. С. 100.
12. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. С. 169–170.
13. *Гучева А.В.* Указ. соч. С. 83.
14. Там же.
15. Нартхэр. Къэбэрдей эпос (На кабардинском языке). Налшык: Эльбрус, 1957. С. 318.

16. Нартхэр. Къэбэрдей эпос (На кабардинском языке). Налшык: Эльбрус, 1957. С. 319.
17. Нартхэр. Къэбэрдей эпос (На кабардинском языке). Налшык: Эльбрус, 1957. С. 402.
18. Нартхэр. Къэбэрдей эпос (На кабардинском языке). Налшык: Эльбрус, 1957. С. 250.
19. Нартхэр. Къэбэрдей эпос (На кабардинском языке). Налшык: Эльбрус, 1957. С. 61.
20. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. С. 102.
21. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос... С. 102.
22. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос... С. 98.
23. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос... С. 112.
24. *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989. С. 8.
25. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 51.
26. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 65.
27. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 60–61.
28. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 87.
29. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 101.
30. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 107.
31. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 61.
32. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 66.
33. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 165.
34. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты... С. 84.
35. *Фасмер К.* Этимологический словарь русского языка» / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс. В IV т.: I – 1964. 562 с.; II – 1967. 671 с.; III – 1971. 827 с.; IV – 1973. 852 с.
36. *Фасмер К.* Указ. соч. Т. IV. С. 35.
37. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос... С. 49.
38. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос... С. 62–63.
39. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос... С. 166.
40. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос... С. 132.

A. V. Gucheva

**TRADITIONAL CULTURE OF CIRCASSIANS (ADYGHE).
SOURCES OF MYTHOEPICAL CONSCIOUSNESS**

In article considered the nartsky epos, as a historical, ethnographic and folklore source, and also the questions connected with an origin of the most ancient musical instruments of adyghe is considered: kamy!', bzhamiij, phacich, phapshina, etc. which didn't go so far out of use. The questions connected with manufacturing techniques of the first musical instruments and specifics of origin of performing tradition are taken also up.

We analysed will the extensive material on stories of clothes of adyghe.

The main source to which we will refer, in this work, the edition of the archaic epos «Narty».

Keywords: kamy!', bzhamiij, phacich, phapshina, epos, tool tradition, pastushesky tradition, hunting tradition, dancing tradition, adyghe dances, udzh, udzh-hesht, tadzhelej, traditional clothes.

Л.Б. Хавжокова

**МИФОПОЭТИКА АНТРОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ
В КОМПОЗИЦИИ РОМАНА-МИФА «КАМЕННЫЙ ВЕК» Х. БЕШТОКОВА**

В представленной статье анализируется мифологическая основа антропонимов и этнонимов в романе-мифе «Каменный век» Х. Бештокова. Основной акцент делается на этимологии, грамматическом и фонетическом оформлении антропонимов и этнонимов.

Ключевые слова: антропоним, этноним, этимология, звуко сочетание, мифооснова, роман-миф.

Адыгская литература богата мастерами художественной антропонимии и этнонимии. В их произведениях нередки случаи, когда имя действующего персонажа раскрывает его характер (например, *ІэфІыпсэ* – «ІэфІ» («сладкий») + «псэ» («душа») – *букв.* «сладкодушный» в романе «Белая птица» адыгейского писателя Исхака Машбаша; *НысэІэфІ* – «нысэ» (сноха, невестка) + «ІэфІ» («сладкий») – *букв.* «сладкая невестка» в повести «Аслан» кабардинского писателя Хачима Теунова) и даже сюжет произведения в целом (например, *Хьэкурынэ* – «хьэку» («печь») + «кьинэн» («оставить внутри») – *букв.* «оставленный в печи» в поэме А. Кешокова «Тисовое дерево»). Имя или фамилия также могут характеризовать профессию персонажа (например, *ГьукІэ* – «кузнец»).

Антропонимия – совокупность именованій людей – включает личные имена с различными производными, отчества, фамилии, индивидуальные и групповые прозвища. Все эти типы именованій историчны: каждое возникло в определенный период у определенного народа в конкретной среде. Пути возникновения почти каждого имени индивидуальны и неповторимы. Но в этой индивидуальности есть нечто общее, присущее всем именованіям любых народов. Это общее относится к мотивировке имен, к причинам, требующим наличия на определенном этапе развития общества одного, двух и более имен у каждого именуемого, к определенной длине имен, к сходным антропонимическим процессам, наблюдающимся в разные эпохи у различных народов. Эти общие закономерности можно назвать ономастическими универсалиями.

В толковом словаре имя определяется как личное название человека, даваемое ему при рождении. В народной традиции – это персональный знак человека, определяющий его место в мироздании и социуме; мифологический заместитель, двойник или неотъемлемая часть человека; объект и инструмент магии. Имя в народной культуре обладает мифологической и ритуальной функциями, основанными на вере в его сакральность, в небесное заступничество одноименных святых, «героев», мифологических персонажей; в сокровенную связь человека с одноименными сущностями в мире природы – змеями, деревьями, звездами и т.д.

Имянаречение – важное дело, придающее новорожденному статус человека. Лишиться имени значило в старину исчезнуть из мира. Так, в Египте стереть имя покойного с гробницы считалось величайшим преступлением. Чтобы этого не могли сделать ни время, ни завоеватели, ни враги, в Древней Греции имена вырезались на свинцовых дощечках, которые бросали на дно Саламинского

залива. У славян в речи даже закрепилось страшное проклятье: «Чтобы ему имени не нашлось».

С сакральностью имянаречения связаны многие обычаи, обряды, приметы. Имя, отчество, фамилия, а также названия рода, племени составляют духовную охрану человека, его ауру и создают новые сочетания черт характера, биологическое поле рода. Установлено, что различные звуки приводят в возбуждение различные участки мозга, разные слова и звуки звучат по-разному. Есть слова грозные и нежные, жесткие и мягкие, добрые и злые, жестокие и ласковые. Французский поэт Артюр Рембо даже определил для разных звуков разные цвета. Все это происходит потому, что слова воспринимаются не только как информация, но и как мелодия, имеющая свой ритм, размер и пластику.

В романе-мифе «Каменный век» Хабаса Бештокова минимальное количество персонифицированных образов. Это Ану, Рану и Гучу. Даже по фонетическому оформлению очевидна однотипность этих имен – все они заканчиваются гласным ударным звуком «у». Относительно этимологии имен Ану и Рану следует отметить, что у них нет адыгского происхождения. По природе звуко сочетаний данные антропонимы похожи на индийские имена Ману, Кришну и т.п.

Ану (Ан) – (*шумер.* «небо») встречается в шумеро-аккадской мифологии как одно из центральных божеств, бог неба. Его имя пишется знаком, обозначающим понятие «бог», и ставящимся как детерминатив перед именами других богов. В списке богов XXVI в. до н.э. его именем открывается список. В одном из мифов Ану по просьбе своей дочери Иштар направляет *небесного быка* (курсив наш. – Л.Х.) на Урук. Для образа Ану характерна пассивность, бездеятельность, он почти нигде не является главным действующим персонажем мифа, но скорее лишь символом высшей власти. В аккадском пантеоне появляется Анту как женское соответствие Ану. Символ Ану – «рогатая тиара» (изображения сохранились на пограничных камнях «кудурру» средне- и нововавилонского времени и на печатях)¹.

В имени **Рану** первая часть Ра встречается как именование бога солнца в египетской мифологии, который «воплощался в образе сокола или огромного кота (изображался человеком с головой сокола, увенчанной солнечным диском)»². Значение второй части – ну – нами не установлено. Можно только провести параллели с некоторыми арабскими антропонимом Рания, близким по звучанию имени Рану. В поэме «Тисовое дерево» А. Кешокова встречается мужское имя Рау, этимология которого также неизвестна.

Объединив значения имен Ану (как «бог неба») и Рану (как «бог солнца») и прибавив к ним мифологизированный образ Луны, встречающийся в романе, а также учитывая вертикаль, выстроенную автором через образ Мирового Дерева, на которое в финале произведения взбираются Ану и Рану, можно с уверенностью констатировать доминирование в «Каменном веке» так называемой «небесной мифологии», стремления вверх, к бесконечности, что является отличительной чертой лирики Х. Бештокова.

Генеалогия имени **Гучу** вызывает неоднозначные предположения. Если отдельно рассматривать кабардинский вариант *ГукЪу*, его можно разделить на две части: Гу («сердце») + кЪу (?). Однако можно и по-другому определить элементы, составляющие данное имя: Гуу («бык») + укЪын («убить») – *букв.* «убийца быка». По сюжету «Каменного века» Гучу действительно убивает Черного быка – тотема дорейского племени:

И Из ижым ГукЪу
Лъынтхуэу хэлыр
Къыщихуауэ шэщӀауэ
Бжыр еӀэтри, гуу натӀэм,

Гуу наГэхум зыныхитГэу еутЫшщ.
Гуум и наГГэр зэгуоч,
Мывэ папцГэр нэсауэ щхъэ куцЫм³.

Правой рукой,
До предела напрягшей
Темно-синие вены,
Гучу поднимает копьё и бросает.
Оно вонзается в белый лоб быка.
Треснул череп быка,
Острый камень вонзился в мозг⁴.

Если взять русскую транскрипцию ГукЫу – *Гучу*, то он близок к имени Гуча, что в переводе с кабардинского означает «кузнец». Гуча (гъукГэ) встречается в кабардинском языке как собственное и нарицательное имя.

На наш взгляд, более вероятна версия о том, что имена Ану, Рану, Гучу имеют прежде всего неосознанное эмоциональное происхождение: ведь речь идет о каменном веке, когда не было языка и люди произносили лишь отдельные неопределенные звуки. Это подтверждается теориями происхождения языка Ж.-Ж. Руссо. Согласно его *эмоциональной теории* или *теории междометий*, первыми причинами, побудившими человеческий голос использовать свои возможности, явились чувства или внутренние ощущения, а не предметы внешнего мира, которые не были познанными. Руссо проводит ту мысль, что страсти вызвали первые звуки человеческого голоса. Можно насытиться без слов, говорил он, преследовать в молчании добычу, но чтобы тронуть юное сердце, чтобы оттолкнуть несправедливого обидчика, природа подсказывает звуки, крики, жалобы. Вот почему первые языки были певучими и страстными, прежде чем стать простыми и мелодичными⁵. Приведем диалог Рану и Гучу в романе «Каменный век»:

Къызэхех цЫхухъу макъ:
– Вакъ дэхьунэ, Рану, рэстэхьунэ?
Къоу цЫхубзым и макъ:
– Рэстэхьуна дэхьума, ГукЫу.
– Вакъ дэбакъ дэрэмакъ.
(Сыт цЫхухъум жиГэну зыхуейр?)
– Дэрэмакъ вэкъэлу.
(Сыт цЫхубзым пидзыжыр жэуапу?)⁶

Слышен мужской голос:
– Вак дахуна, Рану, растахуна?
Слышен женщины голос:
– Растахуна дахума, Гучу.
– Вак дабак дарамак.
(Что значат эти слова мужчины?)
– Дарамак вакалу.
(Что этим отвечает женщина?)⁷

Из данного примера становится понятно, что это типичная первобытная речь, состоящая из неопределенных звуков, грамматически неоформленных слов, в которой наблюдается чередующееся «обыгрывание» звуков «хъ» и «къ». На наш взгляд, по звучанию данная речь напоминает арабский язык. Тем не менее, следует отметить, что даже в каменном веке люди находили способ коммуникации, принимая какие-то звуки за «знаки своих идей и предметов до тех пор, пока не выработали язык» (Ж.-Ж. Руссо). Согласно второй теории Ж.-Ж. Руссо – *теории социального договора* – первоначальным языком был природный крик; он инстинктивно возникал в затруднительных случаях и был

малоупотребительным в естественных условиях. С развитием взаимоотношений люди стали искать разнообразные средства выражения. Первые слова, по мнению Руссо, имели в сознании людей очень широкое значение, каждое слово получало смысл целого предложения. Считая, что первобытные люди сначала умножили названия предметов, а позже стали употреблять слова в более общем смысле, Руссо признается, что не смог постичь причины того, почему первобытные люди стали употреблять слова в общем смысле. Не дает он ответа и на вопрос, был ли сначала изобретен язык, а потом установлено общество, или сперва возникло общество, которое и обусловило появление языка⁸.

Таким образом, руководствуясь вышеприведенными теориями Ж.-Ж. Руссо и учитывая тот факт, что действия в романе происходят в первобытном обществе, можно сделать вывод, что имена Ану, Рану, Гучу возникли на основе природных криков, возгласов, обусловленных теми или иными эмоциями, чувствами, переживаниями, может быть, даже и гневом.

Отдельно следует проанализировать имя «икс-образа» в романе-мифе «Каменный век» – Псомордый, который скорее можно определить как прозвище с отрицательным апеллятивным значением, характеризующим персонаж и выступающим как «говорящее имя». Оно состоит из двух самостоятельных слов *хьэ* («собака», «пес») + *нэIу* («морда»). Автор переводит его как Псомордый, хотя в критике встречается другой вариант – Собакомордый. По мнению Х.И. Бакова, последний вариант (Собакомордый) наиболее правильный⁹.

У Х. Бештокова кроме антропонимов в собственном смысле этого слова, есть слова, которые можно назвать эквивалентами собственных имен, словами-заменителями имени собственного. Среди них выделяются такие, как *наишэ* («вождь», «предводитель»), *Итацхьэ* («глава», «предводитель»), именующие предводителей эминеев и дореев, *жьакIэ хужьхэр* (букв. «белобородые») о мудрецах из племени дореев, *псэ закьуэ* («единственная душа») о главном герое произведения – Ану. Как видно, они употребляются только по отношению к определенным людям, имеют устойчивый характер. Такие сочетания, как *псэ закьуэ* или *дорей закьуэ* воспринимаются читателем как «именование» главного героя, как средство не только характеристики, но и выделения его среди других действующих лиц, то есть как имя собственное, хотя и не оформленное как имя.

Огромный интерес в композиции романа-мифа «Каменный век» представляет мифопоэтика этнонимов Дорей и Эминей (Емыней). По своей структуре эти названия однотипны: состоят из корня («дор» и «емынэ») и притяжательного суффикса *-ей*. В адыгской ономастике большинство этнонимов имеют подобное строение, то есть образованы суффиксом *-ей*: *кьэбэрдей*, *адыгей*, *кIэмыргуей*, *бесльэней* и т.д.

Слово *емынэ*, от которого образован этноним **емыней**, в кабардинском языке имеет несколько значений: I. 1) чума, 2) чудовище, II. 1) бойкий, удалой, лихой (о человеке); 2) хороший, качественный¹⁰. Судя по описанию эминеев, их действий в «Каменном веке», автор использует это слово в первом значении – «чума», «чудовище»:

Ягу кьэплхэм ильщ емынеилхэм
Кьэутхьэжауэ дьгъужь губжьыр.
Емынеилхэм я льэтхьэмпэм
Щотхьэусыхэ псыхьуэ пшахьуэр.
Кьреш гьыбзищэ пшахьуэ пхьашэм,
Бийм я льэгудыгьуэм кьыкIэщIэхуу¹¹.

У мужчин-эминеев
В сердцах, горячо накалившихся,
Мутная волчья злоба (ненависть).

Под ступнями эминеев-мужчин
Стонет песок речного русла.
Сотни песен-плачей поет песок,
Высвобождаясь из-под ног врагов¹².

В нартском эпосе встречается персонаж Емынэжь, олицетворяющий силы, враждебные нартам. Емынэжь сочетает в себе черты *благъуэ* (дракона) и *иныжа* (великана из нартского эпоса, часто встречающегося с несколькими головами и глазами или одноглазым).

Этноним **дорей** («дор» + «ей»), на наш взгляд, происходит от Дор, Дорос – в греческой мифологии сын Эллина и нимфы Орсеиды, брат Ксуфа и Эола; получил от отца землю «против Пелопоннеса», жители которой были названы его именем – *дорийцы* (курсив наш. – Л.Х.). По древней версии мифа Дор – сын Аполлона и Фтии, убитый (вместе с братьями Лаодоком и Полипойтом) Этолом, сыном Эндимиона, в борьбе за землю, названную потом Этолией¹³.

Как выявлено в ходе данного исследования, антропонимы и этнонимы занимают важное место в композиции романа-мифа «Каменный век» и являются одним из существенных элементов мифопоэтики произведения в целом. Между тем небольшая система их настолько сложна, что ее изучение не может считаться законченным. Исследование антропонимов и этнонимов, встречающихся в романе-мифе Х. Бештокова, осложняется тем, что с точностью не удастся определить их генеалогию. Имена *Ану*, *Рану*, *Гучу*, а также этнонимы *дорей* и *эминей* не встречаются ни в одном из источников по ономастике и антропонимии. Поэтому в настоящем исследовании нам приходится руководствоваться весьма условными предположениями, анализом структуры, грамматического и фонетического оформления антропонимов и этнонимов, а также семантикой составляющих их элементов. Вместе с тем важно еще раз подчеркнуть мифологическую основу антропонимов и этнонимов в романе-мифе «Каменный век» Х. Бештокова.

Примечания

1. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 74–75.
2. Мифы народов мира. 1988. Т. 2. С. 358–360.
3. *Бештоков Х.К.* Золотая осень. Нальчик: Эльбрус, 2006. С. 141.
4. *Бештоков Х.К.* Каменный век (подстр. пер. автора) // Литературная Кабардино-Балкария. 2005. № 5. С. 108.
5. *Березин Ф.М.* История лингвистических учений: Учебное пособие для филологических специальностей университетов и пединститутов. М.: Высшая школа, 1975. С. 22.
6. *Бештоков Х.К.* Золотая осень... С. 123.
7. *Бештоков Х.К.* Каменный век (подстр. пер. автора)... С. 94.
8. *Березин Ф.М.* Указ. соч. С. 22.
9. *Баков Х.И.* Хабас Бештоков и некоторые проблемы современного литературного процесса // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 321.
10. Словарь кабардино-черкесского языка. 1-е изд. М.: Дигора, 1999. С. 155.
11. *Бештоков Х.К.* Золотая осень... С. 75.
12. *Бештоков Х.К.* Каменный век (подстроч. пер. автора)... С. 60.
13. Мифы народов мира... М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 392.

L.B. Havzhokova

**MYTH-POETIC BASIS OF PERSONAL NAMES
AND ETHNONYMS IN THE COMPOSITION
OF THE H. BESHTOKOV'S NOVEL-MYTH «STONE AGE»**

In the present article examines the mythological basis of personal names and ethnonyms in the H. Beshtokov's myth-novel «Stone Age». Emphasis on etymology, grammatical and phonetic design of personal names and ethnonyms.

Keywords: personal names, ethnonym, etymology, sound combination, mythological basis, novel myth.

Л.К. Кульчаева

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ ПЛАСТ МУЖСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрен древнетюркский пласт мужских личных имен в карачаево-балкарском языке. Выделены определенные мотивы имянаречения, заложенные в древнетюркский период, и основные формы воззрений в тюркском языческом именованослове.

Ключевые слова: антропонимия, лексема, компонент, тотемизм, анимизм, денотативный, метафорический, ассоциативный.

Древнетюркские антропонимы представляли собой «не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся в связи с возрастом и общественным положением человека, это скорее прозвища»; выделяют следующие признаки древнетюркских антропонимов:

1) тесная связь личных имен с апеллятивной лексикой и прозрачность их этимологии в отношении к семантической структуре древнетюркской антропонимической системы. Древнетюркские антропонимы по своему происхождению тесно и широко связаны с апеллятивной лексикой и поэтому сравнительно легко поддаются разветвленной и дробной семантической классификации. Так, например, антропонимические единицы отражают в себе наименования понятий круга «мир природы», в том числе: неба, небесных тел, метеорологических и атмосферных явлений; названия металлов; названия из разряда зоологической лексики;

2) специфичность семантической структуры древнетюркского антропонимикона – в отражении мифологем, верований и этнических традиций древних тюрков. С этническими традициями тюрков тесно связано их традиционно-патриархальное самосознание, которое проявляется в обостренном чувстве племенной сплоченности, в уважительной памяти к самым далеким своим предкам и соответственно – к их именам. Традиционно-патриархальным самосознанием тюрков обусловлена разветвленная система родства, соответственно, система терминов родства и вместе с тем – проникновение в тюркскую антропонимию целого ряда таких терминов, закрепление их там на многие века, – это антропонимические единицы, восходящие к названиям терминов родства, например, **жаш** «парень, мальчик»;

3) специфичность морфологической организации древнетюркских личных имен.

Формирование и дальнейшее развитие антропонимической системы карачаево-балкарского языка напрямую связано с культурными традициями древних тюрков, исторической эволюцией карачаевцев и балкарцев как отдельных наций. Поклонение предков карачаевцев и балкарцев явлениям природы, тотемистические и анимистические представления стали частью духовной культуры. «Господствующей религией у половцев был шаманизм, основные черты которого проявлялись в поклонении вещам, волховании, вере в добрых и злых духов, культе предков, животных...».

В тюркском языческом именованослове основное место занимают две формы воззрений – это тотемизм и анимизм, которые стали основной базой для дальнейшего развития антропонимической системы карачаевцев и балкарцев.

У тюрков наречение детей тотемными именами было связано с верованиями в то, что носители подобных имен аккумулируют в себе свойства этих животных. Такое отождествление сохранилось в древнетюркских именах, дошедших до нас в различных письменных памятниках: *Arslan* (лев), *Aюэпа* (волк), *Bars* (барс), *Buqa* (бык), *Къзьк* (щенок), *Qaban* (кабан), *Qulan* (кулан), *Teka* (баран) и др. Такое религиозно-мифологическое воззрение имело глубокие корни и существовало продолжительное время, что оставило след в национальной памяти не только карачаевцев и балкарцев, но и других тюркских народов. Тотемистические воззрения древних тюрков не нашли широкого распространения в антропонимике карачаевцев и балкарцев.

Среди тюркоязычных народов пережиточные верования, связанные со сверхъестественными свойствами различного рода животных, а также рыб, птиц, растений были многочисленны и разнообразны. Исследователь алтайской антропонимики Н.И. Шатинова пишет: «Традиционное национальное имя восходит к названиям животного или растительного мира, к наиболее употребительным в обиходе словам. Большое количество имен, которые мы считаем наиболее древними, обозначают названия растений: **Балтырган** «лущки», **Боронот** «смородина», **Кызылгат** «красная смородина»; названия зверей, птиц, насекомых, рыб, домашних животных – **Тюлюк** «лиса», **Карлагаш** «ласточка», **Юкю** «сова». Они нашли свое отражение в антропонимической системе народов, отличаясь среди них тем, что у одних народов они встречаются довольно в большом количестве, как, например, у казахов, башкир, киргизов, туркмен, у других в меньшем – у татар, чувашей, карачаевцев и балкарцев и т.д. В этом, как мы полагаем, довольно четко отражается различная степень развития социально-экономического уклада тюркских народов.

Животные представляют ближайший родственный человеку мир природы. Закономерно, что именно животные стали художественным объектом, по отношению к которому человек утвердился как субъект творчества (пещерные рисунки, изображающие сцены охоты). В первобытную эпоху, в период существования древнейших цивилизаций, например, Египта и Индии, культура складывалась в форме зооцентризма – почитания и обожествления животных. На ранних этапах развития человеческого сознания, когда человек еще недостаточно четко выделял себя из окружающего мира, его мировоззрение было анимистическим. Он считал, что все окружающие предметы обладают душой. В связи с этим развивались первые формы религии: *фетишизм* – поклонение предметам или вера в их чудотворную силу; *зоолатрия* – поклонение животным; *тотемизм* – обожествление животных. Антропонимы, в основе которых лежат названия представителей животного мира, рассматриваются как в связи с религиозными представлениями, так и в связи с культурно-бытовым укладом жизни того или иного народа.

Пережитки культа животных и птиц у карачаевцев и балкарцев сохранились в родоплеменных знаках, в названиях родов и родоплеменных подразделений, в народной медицине, обрядах, поверьях, в произведениях устного народного творчества, в топонимии; определенное место занимают в антропонимии. Например, такие карачаево-балкарские мужские имена, как **Къочхар** «баран», **Теке** «козел», **Къозу** «ягненок», **Кийик** «олень», **Гагар** «гагара».

Анимистические воззрения являются наиболее распространенными и хорошо сохранившимися до наших дней. Одним из главных объектов поклонения древних тюрков является космос, небо, небесные тела, которые нашли отражение в имянаречении. Даже после принятия мусульманства народное сознание сохранило эту традицию имянаречения.

С течением времени некоторые мотивы имянаречения, заложенные в древнетюркский период, исчезли; наиболее востребованными и дошедшими до

наших дней оказались имена с компонентом **ай, кюн, кёк**: **Кёккёз** «голубоглазый», **Айдемир** «лунное железо». Рассмотрим специфику употребления данных слов в качестве антропонимических единиц.

Кюн. Эта лексема используется в личных именах преимущественно как компонент личного имени. Имена с компонентом кюн хранят следы поклонения древних тюрков небесным светилам; единство трех священных начал в пантеоне манихейства: *Kun Tenġu* «Бог-Солнце», *Aj Tenġi* «Бог-Луна» *Tan Tenġi* «Богиня-Утренняя заря».

Ай. Лексема ай используется преимущественно как компонент личного имени; в качестве самостоятельного мужского личного имени представлено в старотуркменском, современном татарском, киргизском, алтайском, узбекском, уйгурском языках. По языческим представлениям, детям, родившимся в полнолуние, обычно давали имена, содержащие в своем составе компонент ай: **Айдемир** «луна + железо».

Кёк. Данная лексема употребляется как компонент личных имен. «Значения «голубой», «синий», «сизый» сохраняются в компоненте личных имен кёк и приобретают престижность благодаря историческим ассоциациям с названием древнего этнополитического объединения «кёк тюрк». В древнем словоупотреблении кёк выступало эпитетом к *tanġi*. Словосочетание означало «Бог Неба». В значении «небо» кёк продолжает употребляться в антропонимии башкир: *Кюкдай* «небоподобный». Не исключено употребление компонента личного имени кёк в прямом значении в карачаево-балкарском имени **Кёккёз** «голубоглазый».

Также в функции антропонимов выступают и названия отдельных звезд, созвездий. Например, мужское имя как **Кериуан**. Лексема Кериуан употребляется в двух значениях: 1) караван; 2) кериуан кыргъан жулдуз «звезда, восходящая перед утренней зарей».

Исследователь казахской антропонимии Т.Ж. Жанузаков пишет, что такие имена, как **Айсулу** «Луна + красавица», **Айжарык** «Луна и Солнце», отражают поклонение древних луне и солнцу. Исследователь узбекской антропонимической системы Э.А. Бегматов также утверждает, что имена **Ойзада** «Луна + ребенок», **Ойкон** «Луна + хан», связанные с культом неба, солнца и луны, являются ярким свидетельством поклонения и почитания этих небесных и наземных божеств. На подобные антропонимы в домусульманском именовании у татар указывают также Г.Ф. Саттаров и Т.Х. Кусимова.

В ходе исследования было замечено, что в процессе развития карачаево-балкарского антропонимикона часть антропонимов и имяобразующих компонентов проходят следующую эволюцию: на смену прямому денотативному значению приходит метафорическое, ассоциативное значение, которое на последующих этапах развития тюрко-татарской антропонимической системы становится доминирующим. Это особенно заметно в «цветовых» именах. Остановимся на антропонимах, образованных прилагательным **акъ** (белый), которые отражают древние верования в верховного бога Тейри. Белый цвет ассоциируется с дневным светом, жизнеутверждающим началом, благополучием, неземной чистотой. У древних тюрков и болгар цветами Тэңре, имеющими оберегающую силу, считались белый и голубой. Несомненно, для описания внешних особенностей ребенка формант **акъ** в составе имени употреблялся и в прямом значении. Например, **Аппакъ** «очень белый», **Чыммакъ** «букв. кипенно белая». Такие имена встречаются у многих тюркоязычных народов; например, у хакасов, исходя из внешнего вида, давали имена **Аппах** «очень белый», **Ах пас** «белая голова»; у мамлюков – **Актай**, **Акбуга**; у башкир – **Аккөбэк**, **Акбүре**, **Акбута**; у кумыков – **Акъбет**, **Акъбийке** и другие. Но прилагательные не всегда употребляются в денотативном значении.

Многозначность анализируемого прилагательного была зафиксирована еще в древнетюркском языке. В.В. Радлов указывает, что у тюркских народов слово *акъ* употребляется в нескольких значениях: 1) белый; 2) чистый, несмешанный; 3) добродушный, чистосердечный, невинный. В результате различных ассоциаций они использовались для обозначения разных признаков, в том числе являлись символом верховного бога. Исследователь Гафуров, проследив особенности употребления прилагательного *акъ* в тюркских языках, также подчеркивает неоднозначность его семантики: «Если проследить за употреблением прилагательного *акъ* в тюркских языках, то мы увидим, что оно имело много значений, например, *акъсуяк* «*благородный, знатный*» (букв. «белая кость»), *акъкиши* (букв. «белый мужчина»), было эпитетом образованного человека... не говоря уже о всем известном слове *акъсакъал*, означающем «*старейшина*»... В антропонимии компонент *акъ* означает не «*белый*», а «*долгожитель*», «*счастливый*», «*благословенный*», хотя в некоторых именах ... сохраняется и буквальное значение». Например, такие карачаево-балкарские мужские имена, как *Аппакъ* «*очень белый*», *Акътауукъ* «*белая курица*».

Имена с компонентом *акъ* отражают ранние воззрения людей, их мировосприятие, которые соотносятся с мифологическим периодом жизни древнего общества, где доминировало ассоциативное восприятие окружающего мира. Белый цвет присущ эпитету богов, выражает божественность, святость, мудрость, опыт, принадлежность к высшему слою общества.

Также неоднозначно и употребление в качестве компонента личных имен лексемы *къара*. Это слово в тюркских языках обладает следующими значениями: а) *черный*; б) *земля*; в) *великий, могучий*. Мы предполагаем, что в женских и мужских именах заложены разные значения данной лексемы. Для женских и мужских личных имен характерно употребление слова *къара* как в прямом значении, например, *Къарабатыр* «*могучий богатырь*», *Къарабек* «*могучий правитель*», *Къарай* «*черномазый*», *Къара* «*черный*», *Къарабаш* «*черная голова*». Мы считаем, что в период доисламского имянаречения была заложена в семантике карачаево-балкарских имен следующая связь: «денотативное значение – ассоциативное значение – семиотическое значение/знак».

Анимистические воззрения отразились и в именах, в составе которых присутствуют социальные детерминативы *бек* «*князь*», *болат* «*сталь*», *бий* «*богач; богатый*», *бай* «*богатый*» и другие, которые со временем, утратив социальную значимость как титулы, стали функционировать исключительно в качестве антропоформантов, но сохранили в семиотическом знаке первоначальное значение. Например, функционирование в составе карачаево-балкарских мужских личных имен с антропоформантом «*бек*» и «*хан*»: *Асланбек* «*лев + князь*», *Джанболат* «*душа + сталь*», *Адилбий* «*справедливый, правосудный + хан*», *Аскербий* «*воин + царь*», *Дюгербий* «*осетинский богач*», *Асланбий* «*лев + царь*», *Солтанбек* «*султан + князь*», *Бекболат* «*князь + сталь*», *Адилхан* «*справедливый царь*», *Алихан* «*возвышенный*», *Бурхан* «*довод, доказательство, свет, слава, защита*», *Залимхан* – *Залим* «*притеснитель, угнетатель, тиран*» и *Хан* «*правитель*», *Казихан* – *Кази* «*судья*» и *Хан* «*правитель*» и др.

В ходе исследования было выявлено, что исчезновению из антропонимико-на имен древнетюркского происхождения способствовали несколько факторов: 1) полнота внутреннего объема имяобразующих компонентов, что непосредственно сближает их с аппеллятивной лексикой; 2) новая идеология, стремящаяся к уничтожению древних языческих верований; 3) проникновение новых имен, отличающихся семантическим потенциалом от древнетюркских имен.

Изучение процесса именования, начиная с раннего периода становления тюркского общества, позволило не только проследить эволюцию национального сознания и способов его выражения, но и определить его характерные черты,

отраженные в ментальности современных карачаевцев и балкарцев. Анализ имен показал, что архаические формы мышления, нашедшие свое отражение в именах, не ушли в прошлое, они присущи в незначительно адаптированных вариантах мышлению и психике современных карачаевцев и балкарцев.

Примечания

1. *Благова Г.Ф.* К характеристике типов раннетюркских антропонимов // Вопросы языкознания. 1998. № 4.
2. *Гаджихамедов Н.Э.* Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. Махачкала, 2008.
3. *Гафуров А.Г.* Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М., 1987.
4. *Суперанская А.В.* Имя – через века и страны. М., 1990.
5. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

L.K. Kulchaeva

THE LAYER OF ANCIENT TURKIC MALE PERSONAL NAMES IN THE KARACAI-BALKARIAN LANGUAGE

In the article we explore the layer of ancient Turkic male personal names in the Karacai-Balkarian language. We underline some special motives of giving names which take roots in the ancient Turkic period.

Keywords: anthroponymy, lexeme, component, totemism, animism, denotative, metaphorical, associative.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии
ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-09-48
E-mail: kbigi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н., зав. сектором археологии ФГБУН
Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Якубова Ирина Ивановна, д.и.н., старший научный сотрудник сектора
источниковедения ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-21-93
E-mail: kbigi@mail.ru

Кешева Зарема Мухамедовна, к.и.н. и.о. зав. сектором истории ФГБУН
Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-31-84
E-mail: kesheva10@gmail.com

Бураев Рауф Алиевич, д.г.н., профессор, зав. кафедрой социально-
экономической географии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова».
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
Тел.: 8 928 707 71 52
E-mail: paritov@mail.ru

Паритов Анзор Юрьевич, к.б.н., доцент, декан биологического факультета
ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова».
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
Тел.: 8 967 414 94 44
E-mail: paritov@mail.ru

Мирзоева Фатимат Мухтаровна, к.э.н., доцент кафедры социально-
экономической географии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова».
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
Тел.: 8 928 712 54 11
E-mail: mirzoeva@mail.ru

Бачиев Расул Асхатович, старший преподаватель кафедры социально-
экономической географии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова».

360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
Тел.: 8 928 078 41 11
E-mail: mirzoeva@mail.ru

Гонгапшев Ратмир Май-Мирович, старший преподаватель кафедры социально-экономической географии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
Тел.: 8 963 392 57 44
E-mail: mirzoeva@mail.ru

Черкесова Зарета Валериевна, старший специалист издательского отдела ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

Хежева Марьяна Рашадовна, аспирант сектора кабардино-черкесского языка ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, КБР, г. Нальчик, Пушкина, 18
Тел. 8 962 649 09 59
E-mail: kbigi@mail.ru

Берберов Бурхан Абуисуфович, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-59-83
E-mail: kbigi@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна, к.ф.н. старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-20-52
E-mail: barsello@rambler.ru

Гучева Анджела Вячеславовна, к.и.н., старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-70-04
E-mail: anggucheva@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-21-93
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Кульчаева Лейла Керуановна, аспирант ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662)
E-mail: kbigi@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head of archeology and ethnology department of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-09-48
E-mail: kbigi@mail.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, head of archeology sector of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Yakubova Irina Ivanovna, Doctor of History, senior research fellow of source studies sector of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-21-93
E-mail: kbigi@mail.ru

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, a.g. head of history sector of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-31-84
E-mail: kesheva10@gmail.com

Buraev Rauf Alievich, Doctor of Geography, professor, head of the Chair of social and economic geography of Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov».

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. 8 928 707 71 52
E-mail: paritov@mail.ru

Paritov Anzor Yurievich, Candidate of Biology, assistant professor, dean of Biological faculty of Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov».

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. 8 967 414 94 44
E-mail: paritov@mail.ru

Mirzoeva Fatimat Mukhtarovna, Candidate of Economy, assistant professor of Chair of social and economic geography of Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov».

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. 8 928 712 54 11
E-mail: mirzoeva@mail.ru

Bachiev Rasul Askhatovich, senior lecturer of Chair of social and economic geography of Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov».

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. 8 928 078 41 11
E-mail: mirzoeva@mail.ru

Gongapshev Ratmir Mai-Mironovich, senior lecturer of Chair of social and economic geography of Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov».

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. 8 963 392 57 44
E-mail: mirzoeva@mail.ru

Cherkesova Zareta Valerievna, senior specialist of publication department of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkina Street
Nalchik 360000
Ph.: 8 (8662) 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

Hezheva Mariana Rashadovna, postgraduate of Kabardian and Circassian language sector of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 962 649 09 59
E-mail: kbigi@mail.ru

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of Philology, Senior Scientific Researcher of Karachay-Balkar folklore sector of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-59-83
E-mail: kbigi@mail.ru

Kazharova Inna Anatolievna, Candidate of Philology, senior researcher of Kabardian Philology sector of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-20-52
E-mail: barsello@rambler.ru

Gucheva Andzhela Vyacheslavovna, Candidate of History, senior scientific researcher of Circassian folklore sector of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-70-04
E-mail: anggucheva@mail.ru

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, scientific researcher of Kabardian literature sector of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-21-93
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Kulchaeva Leila Keriuonovna, postgraduate of Federal State Budget Educational Institution of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian centre of Russian Academy of Sciences.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 928 715 52 60
E-mail: kbigi@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1. Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
2. Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители не возвращаются авторам.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Подписано в печать 21.10.2014
Усл. печ. л. 12,5

Формат 70x108 ¹/₁₆
Тираж 500 экз.
Цена свободная

Гарнитура Таймс
Заказ № 109

Учредитель: ФГБУН Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова*
Корректор *Л.О. Тамазова*

